

783  
53

# ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXIII.

1891.

ЯНВАРЬ.

BIBLIOTEKA  
Państw. gim. męsk.  
w ŁOMŻY.  
№ XIX  
K  
Ч. а



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1891.

(53)

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая учебная книжка для совмѣстнаго обученія черемисъ и русскихъ. Составилъ П. Еруслановъ“ . . . . .	—
Учебные планы и программы предметовъ учебнаго курса ремесленныхъ училищъ . . . . .	1
Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія . . . . .	1
Правила, требованія и программы испытаній въ комиссіи:	
Историко-филологической . . . . .	1
Юридической . . . . .	1
Офіціальныя извѣщенія . . . . .	23
Открытіе училищъ . . . . .	23

### ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

П. Н. Миллюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго ( <i>продолженіе</i> ) . . . . .	1
Н. И. Веселовскій. Иванъ Даниловичъ Хохловъ . . . . .	48
Ф. Н. Успенскій. Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе православія . . . . .	73
Баронъ В. Р. Розенъ. О восточномъ факультетѣ и восточныхъ кафедрахъ . . . . .	159
А. В. Оксеновъ. Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ . . . . .	245
В. В. Соколовскій. Очеркъ исторіи науки и литературы римскаго права въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ . . . . .	273
Ф. Д. Батюшковъ. Сказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ средне-вѣковой литературѣ ( <i>продолженіе</i> ) . . . . .	326
Е. А. Бѣловъ. Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго . . . . .	343

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. Иванъ и Θεодосій Зигомала, греческіе дѣятели XVI столѣтія . . . . .	166
Е. Ф. Шмурло. Новый свидѣтель эпохи преобразованія . . . . .	187
А. Степовичъ. <i>Dějiny národa huského. I. L. Píše. V Praze. 1889.</i> . . . .	223
П. Ф. Симсонъ. Замѣтка о монетахъ Петровскаго времени . . . . .	229
П. Лейкфельдъ. Отвѣтъ г. Радлову . . . . .	231
Э. Л. Радловъ. Отвѣтъ г. Лейкфельду . . . . .	237
М. А. Дьяконовъ. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVII—XVIII столѣтіяхъ. <i>Д. И. Багалая. Т. II. Харьковъ. 1890</i> . . . . .	379
В. X. <i>Bibliotheca Geographica Palaestinae. Von Reinhold Böhrich. Berlin. 1890</i> . . . . .	384

---

## КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОРЪ 842 ГОДА И УТВЕРЖДЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ.

Введеніе: Синодаль въ недѣлю православія, задачи изученія его. — Исторіографія собора 842 года: Г. Амартогъ, Генесій, Продолжатель Теофана, Симеонъ Метафрастъ и Левъ Грамматикъ, І. Окшипца. — Слово на перенесеніе мощей патріарха Никифора. — Акты VII вселенскаго собора. Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ. — Литература житій: житіе царицы Теодоры, Ѡ. Студита и его учениковъ; основныя мотивы, развиваемыя въ житіяхъ. — Отдѣльныя сказанія. — Повѣствованія синаксарныя. — Матеріалы въ анналахъ Варонія. — Взаимное отношеніе иконоборческой и православной партіи по смерти Теофила. — Восточный (армянскій) элементъ при дворѣ и въ администраціи. — Протестъ противъ усиленія этого элемента, исторія Теофова, опасеніе Теофила за судьбу династіи. — Участіе политическаго элемента въ возстановленіи православія. — Патріархъ Іоаннъ VII, какъ представитель восточныхъ вліяній; легенды. — Патріархъ Мсесодій: западное и національное византійское направленіе. — Отношенія Мсесодія къ Риму. — Дѣло самозванца Ѡмни: этнографическій принципъ. — Протестъ противъ иконоборства. — Политическая окраска Мсесодія при Теофилѣ. — Нестроенія въ нѣдрахъ православной церкви при Мсесодіи. — Житіе Іоанннкіа.

Всякому извѣстенъ совершаемый въ недѣлю православія чинъ провозглашенія вѣчной памяти ревнителямъ православія и анаематствованія еретикамъ. Этотъ церковный чинъ имѣетъ древнее происхожденіе и весьма сложную исторію. Въ первый разъ, въ 842 году, онъ совершался въ Константинополѣ безъ особенныхъ приготовленій. Тогда не могло быть ни мѣста, ни времени для устройства обрядовой стороны совершенія его, ибо православіе восторжествовало надъ иконоборствомъ лишь за нѣсколько дней до перваго воскресенья великаго поста. Можно, такимъ образомъ, полагать, что въ 842 году чинъ православія состоялъ въ прочтеніи соборныхъ актовъ, которыми отлучены были отъ церкви иконоборцы и увѣнчаны похвалами и про-

возглашеніемъ вѣчной памяти подвижники и ревнители иконопочита-нія. Съ теченіемъ времени въ церкви нарождались новые вопросы, вызывавшіе примѣненіе строгихъ мѣръ, открывались иномыслия по предметамъ вѣрученія и появлялись новые еретики, которые были опасны не менѣе иконоборцевъ; тогда свѣтское и церковное правитель-ство, въ борьбѣ съ новшествами, по мѣрѣ надобности, составляло новые соборы, постановленіями которыхъ постепенно увеличи-вался составъ ежегодно читаемаго въ недѣлю православія Синодика. Вме-стѣ съ тѣмъ постепенно должна была развиваться обрядовая сторона совершенія чина православія. До самаго паденія Константи-нополя наблюдается развитіе и нарощеніе въ частяхъ этого памят-ника. Можно сказать, что Синодикъ ближайшей ко времени турецкаго завоеванія эпохи, или Синодикъ полного состава, представляетъ собой всю исторію болѣзни, которая по временамъ захватывала ви-зантійскую церковь, и заключаетъ живыми красками написанную кар-тину борьбы изъ-за богословскихъ, философскихъ и близкихъ къ нимъ вопросовъ. Разумно не отвлеченные вопросы, интересующіе только клиръ церковный, но такіе, которыми занималось все общество, о ко-торыхъ велись бесѣды на площадяхъ и въ частныхъ собраніяхъ. Ма-териалъ, находящійся въ Синодикѣ, не ограничивается предметами вѣрученія въ тѣсномъ смыслѣ, но распространяется на широкую область философскаго мышленія, общественной морали, политическихъ идеаловъ и т. п. Отсюда можно понять, какъ этотъ матеріалъ инте-ресенъ съ точки зрѣнія культурной исторіи Византіи. Формальная цѣнность этого матеріала доказывается тѣмъ, что большинство со-борныхъ актовъ утрачено безслѣдно, между тѣмъ какъ вносимыя въ Синодикъ статьи вырѣзывались на камень и хранились въ церкви св. Софіи.

Три мраморныя плиты, каждая въ три сажени длины и въ двѣ ширины, оставались на своемъ мѣстѣ до XVI вѣка, когда султаны воспользовались ими для украшенія своихъ усыпальницъ. Докумен-тальное значеніе Синодика усматривается еще изъ того, что онъ былъ официальнымъ памятникомъ, предназначеннымъ для употребленія въ церкви, списывался для потребностей мѣстныхъ церквей и имѣлъ широкое распространеніе. Довольно древніе списки его хранятся въ разныхъ заграничныхъ бібліотекахъ, восходя къ XI и XII вв. Рядомъ съ оригинальными греческими синодиками должны быть поста-влены русскіе переводные. Первое мѣсто между этими послѣдними за-нимаетъ московскій синодикъ патриаршей бібліотеки (№ 667), при-

надлежащій основной своей частью къ XV вѣку; за нимъ слѣдуютъ два синодика XVI вѣка, изъ коихъ одинъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, представляетъ любопытнѣйшія вставки русскаго происхожденія. Не говорю здѣсь о безчисленномъ множествѣ русскихъ синодиковъ, находящихся въ библиотекахъ и въ частныхъ собраніяхъ, которые представляютъ особый отличный типъ отъ разсматриваемыхъ здѣсь синодиковъ.

Можно понять на основаніи сказаннаго, что въ настоящее время возможна постановка вопроса объ изученіи Синодика, какъ историко-литературнаго памятника, по его происхожденію и составу. Въ составѣ Синодика ясно распознаются четыре слоя, отмѣчающіе четыре эпохи въ Византійской исторіи. Первый и основной, редакція котораго дана протоколами VII вселенскаго собора, выражаетъ торжество получившей перевѣсъ православной партіи при царяцѣ Теодорѣ и Михаилѣ III въ 842 году. Эта основная часть, въ которой иконоборцы и иконопочитатели занимаютъ главное мѣсто, болѣе двухъ столѣтій оставалась безъ существенныхъ измѣненій и только въ XI вѣкѣ получила литературную переработку и значительную прибавку въ началѣ, разсматриваемую въ позднѣйшихъ спискахъ, какъ предисловіе Синодика. Нельзя, однако, думать, чтобы въ теченіе указаннаго періода церковь ни разу не встрѣчала необходимости употребить въ дѣло практику, узаконенную въ 842 году. Можно догадываться, что были случаи какъ внесенія въ Синодикъ новыхъ именъ, такъ и выключенія. Очень распространено и извѣстно сказаніе о томъ, какъ изглажено было изъ Синодика имя царя Теофила; сказаніе это получило извѣстную литературную форму къ серединѣ X вѣка.

Въ иконоборческую эпоху выдвигались, хотя и остались не прѣшанными, вопросы общаго характера, которые потомъ снова выступили на очередь и оставили по себѣ слѣды въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ. Выбѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что періоды распространенія нашего памятника новыми статьями совпадаютъ съ періодами особеннаго напряженія умовъ въ Византіи и знаменуютъ собой глухую и мало отмѣченную писателями внутреннюю борьбу. Такъ какъ эта борьба отиравалась изъ важныхъ принциповъ: національность и космополитизмъ, свобода научнаго изслѣдованія, выработка новыхъ формъ гражданственности и, наконецъ, вопросъ о духѣ и букви свѣтскихъ и церковныхъ писателей,—то, понятно, что такіе вопросы придаютъ особенную цѣну Синодику. На основаніи Синодика

является возможнымъ прослѣдить эволюцію византійскаго общества, и тѣмъ любопытно получаемые здѣсь выводы, что ихъ можно поставить въ связь и по нямъ провѣрить параллельное развитіе западно-европейскихъ народовъ.

Второе, главное наслоеніе, не говоря здѣсь о небольшихъ вставкахъ, относится ко времени царя Алексѣя Комнина; оно выражаетъ результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка. Съ философской точки зрѣнія на очереди стоялъ вопросъ о сравнительномъ авторитетѣ еллинской, то-есть, языческой мудрости и христіанскихъ церковныхъ учителей; въ богословскомъ смыслѣ—теорія мірозданія, переселеніе душъ, ученіе о двухъ естествахъ во Христвѣ. Это суть тѣ самыя вопросы, которые въ ту же эпоху выдвигаются въ западной философій и богословіи. Безъ сомнѣнія, здѣсь представляется обязательной задача параллельнаго изученія развитія философскаго и богословскаго самосознанія на западѣ и въ Византіи. Существеннѣйшія положенія, выдвинутыя учеными схоластиками XII и XIII вв. основывались, между прочимъ, на матеріалѣ, доставляемомъ византійскою ученостью; отсюда можно заключать, какія важныя проблемы открываются для сравнительнаго изученія философскаго мышленія среднихъ вѣковъ.

Третій слой Синодика относится ко времени царя Мануила. Онъ представляетъ въ себѣ результаты богословской борьбы, которая однако не кончилась въ царствованіе Мануила, но продолжалась и при слѣдующей династіи Ангеловъ. Внесенныя въ синодикъ постановленія соборовъ 1157 и 1166 года должны быть разсматриваемы какъ новое торжество православнаго большинства надъ меньшинствомъ, стремившимся отстаить принципъ свободнаго изслѣдованія въ приложеніи къ вѣроученію.

Четвертый и послѣдній слой оставилъ въ Синодикѣ XIV вѣкъ. Сюда относятся положенія противъ еретиковъ Варлаама и Акипдина, явившіяся результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы, главная роль въ которой принадлежитъ со стороны православныхъ извѣстному солунскому митрополиту Григорію Паламѣ. Трудно было бы понять внутреннія причины этой ожесточенной борьбы, еслибы мы ограничились своимъ кругозоръ сухими фактами богословской полемики о еаворскомъ свѣтѣ и не поискали тѣхъ пружинъ, которыя вызвали самую богословскую борьбу. Здѣсь уместно указать одно общее положеніе, выдвигаемое большинствомъ противъ меньшинства: почти всѣ еретическія мнѣнія національная партія въ Византіи клеймилъ име-

пемъ яли „латинскій“ и „италианскій“, или вообще иноземный. I. Италъ въ XI в. — представитель италианскаго или латинскаго неправомислія; Дмитрій XII в. напитался зловредными идеями вслѣдствіе частныхъ путешествій на западъ; въ XIV в. Варлаамъ есть сѣятель тоже западныхъ сорныхъ травъ. Въ высшей степени любопытно, что православная византійская партія есть въ то же время національная, и что въ борьбѣ православныхъ съ еретиками пріобрѣтаетъ значеніе національный элементъ. Изученіе послѣдней части синодика приводитъ къ заключенію, что жизненнымъ нервомъ всей борьбы, сосредоточенной около имени Варлаама, было западничество въ самомъ широкомъ значеніи слова — въ политикѣ, вѣроученіи, и что побѣда Григорія Паламы должна быть признана побѣдою національной партіи надъ латинствующей и западнической.

Указанныя, послѣдовательно вошедшія въ Синодикъ, части не развѣиваютъ, а только намѣчаютъ богословскіе, философскіе и политическіе сюжеты. Въ Синодикѣ мы имѣемъ дѣло не съ системами, а съ краткими характеристиками системъ, составленными завѣдомо лицами противоположнаго направленія, не имѣвшими никакого интереса подробно говорить объ отвергнутыхъ церковью мнѣніяхъ. Рѣдко кака-либо случайность сохранила то или другое еретическое сочиненіе, весьма у не многихъ православныхъ писателей можно находить безпристрастіе въ изложеніи системъ противниковъ. А достанетъ ли словъ изобразить ту ревность, съ которою православные уничтожали еретическія сочиненія и, съ своей стороны, еретики вырывали страницы, подкабливали и совсѣмъ уничтожали сочиненія православныхъ? Въ Дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора приводятся вещественныя доказательства порчи книгъ. Можно еще удивляться, что сохранилось хоть что-нибудь изъ письменныхъ памятниковъ того времени. Изъ этого легко понять, что не всегда возможно довести до ясности тѣ намеки, которые находимъ въ синодикѣ. Сказаннаго считаю достаточнымъ, чтобы объяснить благосклонному читателю какъ важность представляемаго Синодикомъ матеріала для культурной исторіи Византіи, такъ и способъ обработки этого матеріала.

Въ смыслѣ общенсторическихъ выводовъ, изученіе Синодика убѣждаетъ, что византійская исторія имѣетъ свои стадіи развитія, представляющія параллелизмъ съ западно-европейскимъ развитіемъ. Черезъ всю исторію Византіи проходитъ живая и упорная борьба изъ-за религіозныхъ и философскихъ идей. Эта борьба, часто совсѣмъ не отмѣченная историками, можетъ быть изучаема на основаніи или по-

лемическихъ, или ораторскихъ произведеній, восполняющихъ до нѣкоторой степени недостатокъ лѣтописи и утрату философскихъ системъ. Логическая послѣдовательность между старыми и вновь выдвигавшимися вопросами служить показателемъ извѣстнаго поступательнаго движенія въ развитіи византійскаго общества.

Основная часть Синодика въ недѣлю православія выражаетъ торжество православія надъ иконоборчествомъ и поэтому должна быть изучаема на основаніи историко-литературныхъ данныхъ иконоборческаго періода. Къ изслѣдованію о Синодикѣ можно бы предъявить требованіе, чтобы оно представляло полную исторію борьбы, нашедшей себѣ конечное выраженіе въ вопросѣ о почитаніи святыхъ иконъ; но мы не преслѣдуемъ такой широкой задачи, которая едва ли совмѣстима съ предѣлами комментарія къ Синодику, какъ историко-литературному памятнику. Отдѣленный отъ протоколовъ соборныхъ, Синодикъ переживалъ свою особенную исторію въ редакціяхъ, спискахъ и переводахъ на другіе языки, и эта исторія сама по себѣ представляетъ благодарный матеріалъ для разныхъ историческихъ и литературныхъ темъ. Синодикъ привлекаетъ къ себѣ научное вниманіе, какъ памятникъ мало изслѣдованный съ точки зрѣнія времени и историческихъ обстоятельствъ его происхожденія и почти совсѣмъ не затронутый со стороны его состава и разности редакцій. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ и когда составленъ Синодикъ, какой былъ первоначальный составъ его, какъ происходили въ немъ постепенные приросты и прибавки, — на эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта.

Хотя въ византійской лѣтописи, описывающей время царицы Феодоры и Михаила III, находимъ упоминанія о соборѣ 842 года, на которомъ было учреждено торжество православія, но эти упоминанія слишкомъ недостаточны, ибо выдаютъ въ себѣ черты, отличающія въ лѣтописцахъ либо незнаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, либо легковѣрное довѣріе къ чужимъ словамъ, кромѣ же того, полны трудно примиримыхъ противорѣчій. Что Синодикъ во всемъ своемъ составѣ носитъ характеръ соборныхъ опредѣленій, въ этомъ нельзя сомнѣваться въ виду того, что для большей части заключающагося въ немъ содержанія можно отыскать оригиналъ въ соборныхъ протоколахъ. Уже этого было бы достаточно, чтобы и въ разсужденіи тѣхъ частей, для которыхъ не открытъ оригиналъ въ извѣстныхъ соборныхъ дѣяніяхъ, признать вѣроятнымъ положеніе о соборномъ ихъ происхожденіи. Въ смыслѣ такой вѣроятности можно



говорить о первой части Синодика, относящейся къ торжеству православія надъ иконоборствомъ. Должно думать, что эта часть во всемъ своемъ составѣ примыкаетъ къ собору 842 года и почерпнута изъ его дѣлнй. Но актовъ этого собора не сохранилось, и такимъ образомъ утрачена возможность критическаго изученія Синодика въ главной и основной его части. Отсюда вытекаетъ потребность собрать объ этомъ соборѣ возможно полныя свѣдѣнія, которыя бы съ одной стороны могли объяснить условія, при какихъ происходило въ первый разъ торжество православія, съ другой—дать матеріалъ къ сужденію о томъ, что послѣдовало на этомъ соборѣ.

Въ виду утраты протоколовъ этого собора, особенную цѣнность получаютъ прямыя и косвенныя указанія, находящіяся въ византійской исторической литературѣ. Но и въ этомъ направленіи изслѣдователя ожидаетъ полное разочарованіе. Хотя самыя популярныя лѣтописцы, послужившіе примѣромъ и давшіе богатый матеріалъ для своихъ собратьевъ X, XI и XII вѣковъ, жили именно въ IX вѣкѣ, но для занимающаго насъ періода, въ особенности же для собора 842 года, они имѣютъ весьма маловажное значеніе. Лѣтопись Теофава доведена до 813 года, лѣтопись Георгія монаха до 842 года. Цѣлый рядъ писателей-лѣтописцевъ, извѣстныхъ по имени и анонимныхъ, которые примыкаютъ къ двумъ названнымъ лѣтописцамъ и слывуть продолжателями ихъ, продолжая безъ перерыва разказъ Теофава и Георгія,—приступили однако къ своимъ изложеніямъ событій не ранѣе половины X вѣка и, слѣдовательно, вообще не могутъ быть разсматриваемы какъ источникъ первой руки. Относительно продолжателей Теофава и Георгія и другихъ лѣтописцевъ X и послѣдующихъ вѣковъ, касающихся событій отъ нихъ отдаленныхъ, историческая критика должна прежде всего поставить и рѣшить вопросъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ они составляли свою исторію.

По отношенію къ занимающему насъ періоду, вопросъ объ источникахъ представляется въ такомъ видѣ. Лучшій лѣтописецъ, пережившій эпоху торжества православія, Георгій, остановился въ своей лѣтописи на 842 годѣ и сообщилъ о событіяхъ этого года очень скудныя, скажемъ даже, весьма сбивчивыя свѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, перечитывая заключительныя страницы лѣтописи Георгія, посвященныя Михаилу и Θεодорѣ, приходишь въ изумленіе передъ жалкимъ, съ точки зрѣнія словеснаго искусства, способомъ изложенія мыслей у этого якобы знаменитаго и образцоваго писателя, у котораго учились

писатели послѣдующихъ вѣковъ. Чтобы не быть голословными, позволимъ себѣ сдѣлать анализъ относящагося къ собору 842 года мѣста <sup>1)</sup>).

Послѣ Теофила воцарился Михаилъ съ матерью своей Θεодорой. Онъ, по принятіи отеческаго царства, весьма благочестиво страхнувъ богопротивное новое ученіе, привнесенное въ церковь и много бѣдъ надѣлавшее, торжественно объявилъ искони Богомъ установленную, святую и православную вѣру. Θεодора же такъ была вѣрна и православна, что еще и при жизни мужа тайно чтла и поклачалась святымъ иконамъ. Она по собственному рѣшенію, по предложенію же и убѣжденію канцлера и логовета Θεоктиста, изгоняетъ изъ церкви и изъ города патріарха Іоанна съ его единомышленниками, указавъ ему для обитанія Калдіи, чѣмъ на Восфорѣ,—говорять, что онъ былъ ей кумъ. Вводитъ же святаго Меѳодія монаха и ставитъ его патріархомъ, и всѣхъ Теофиломъ сосланныхъ монаховъ и епископовъ соединивъ, православную утвердила вѣру и церковь умирала въ первое воскресеніе великаго поста. Ибо хотя царь и былъ еще младенцемъ, но тотъ, который изъ устъ младенецъ и ссушихъ совершилъ хвалу, самъ и его приготовилъ воспѣть истину божественнаго догмата. Ибо онъ собралъ соборъ въ Константинополь изъ святыхъ и боговдохновенныхъ отцовъ, которыми тщательно изобличена была злая ересь злыхъ и отвратительныхъ иконоборцевъ и краснорѣчиво опровергнута гнусная болтовня еретиковъ, свѣтло просіяло слово православія какъ бы изъ нѣкоторыхъ тайныхъ и непроходимыхъ лабиринтовъ и мрачныхъ ущелій проклятой и презрѣнной ереси. И такъ вождь и учитель ея съ единомышленными ему гонителями и насильниками, какъ противники истины и защитники лжи, какъ хищные волки и участники гнуснаго и дьявольскаго манихейскаго служенія... изгоняются, возводится же общимъ избраніемъ и божественнымъ изволеніемъ и благодатію блаженный Меѳодій, защитникъ православія, который всѣ завѣты и пагубные противъ святыхъ иконъ умыслы и нечистое пустословіе ересеначальниковъ и послѣдователей ихъ условія и помраченія прекрасно и со всею ясностью изобличилъ и опровергъ, какъ никто другой“...

Слѣдуетъ похвала патріарху Меѳодію и его подвигамъ при царѣ Теофилѣ, при чемъ лѣтописецъ снова возвращается къ 842 году. „И такимъ образомъ сей божественный мужъ, по благословенію Божию, принялъ церковь; и при содѣйствіи богоносныхъ отцовъ домъ Божій,

<sup>1)</sup> Изд. Муральта (С.-Пб. 1859), р. 718—719.

общество православныхъ направлялось и Божіею силой укрѣплялось и украшалось словомъ и дѣломъ, совѣтъ же еретичествующихъ, іудейское по истинѣ сѣмя и сообщество, въ конецъ постыжденное ослабѣло, явно обуздываемое и ежедневно опровергаемое. И скоро по царскому повелѣнію возвращены изъ ссылки и восстановлены со-державшіеся въ заключеніяхъ отцы и многіе монахи и не малое число благочестивыхъ свѣтскаго званія“...

Таково лѣтописное свидѣтельство современника, котораго, безъ сомнѣнія, весьма занимали событія 842 года и который не былъ лишень средствъ сообщить о нихъ точныя данныя. Для благочестиваго и вѣрующаго въ простотѣ сердца читателя здѣсь, можетъ быть, отыщется достаточно назидательнаго матеріала. Но, если отнестись къ приведенному мѣсту Георгія съ нѣкоторыми требованіями научной критики, то оно представитъ слишкомъ сомнительный по достоинству научно-исторической матеріалъ, изъ котораго нельзя ничего построить. Прежде всего настоятъ потребность объяснить составъ лѣтописнаго извѣстія въ томъ его видѣ, какъ онъ читается въ изданіи Муральта, а затѣмъ обращаться съ запросами къ самому лѣтописцу.

Въ изданномъ текстѣ монаха Георгія бросаются въ глаза несообразности, обнаруженіе которыхъ можетъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію задачъ критики въ разсужденіи какъ Георгія, такъ и другихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Подразумѣваемыя несообразности заключаются въ слѣдующемъ:

1) Михаилъ или Θεодора восстановили православіе? Въ текстѣ монаха Георгія находимъ рядъ выраженій, представляющихъ на первый планъ Михаила и приписывающихъ ему созваніе собора <sup>1)</sup>. Но у того же лѣтописца рядомъ выставляется и царица Θεодора и ей, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, приписана главная роль въ созваніи собора и утверженіи православія <sup>2)</sup>. Намъ могутъ сказать, что изъ этого нельзя еще дѣлать особенныхъ заключеній, такъ какъ лѣтописецъ имѣлъ въ виду двухъ царствующихъ лицъ и потому имѣлъ право приписать тому и другому созваніе собора, утверженіе православія, нмалженіе одного патріарха и возведеніе другаго. Этими

<sup>1)</sup> ὅστις τὴν πατρῶαν βασιλείαν διαδεξάμενος... τὴν ἱεράν τε καὶ ὀρθοτάτην πίστιν ἀνεκλήροε... εἰ γὰρ καὶ νῆπιος ἐτόγγαυεν ὁ βασιλεὺς, ἀλλ' αὐτός (то-есть, Богъ) καὶ τοῦτον παρεσκεύασε τὴν ἀλήθειαν τοῦ θείου δόγματος ἀνημνύσαι... σύνθετον συναθροίσας... и проч.

<sup>2)</sup> Ἡ δὲ Θεοδώρα οὕτως ἦν πιστὴ καὶ ὀρθόδοξος... ἐβεβαίωσε πίστιν καὶ τὴν ἐκκλησίαν εἰρήνευσεν.

соображеніемъ, если не всматриваться въ дѣло глубже, дѣйстви- тельно можно объяснить до нѣкоторой степени то обстоятельство, что лѣтописецъ неискусно изложилъ матеріалъ, разъ приписавъ распоряженія Михаилу, а потомъ тѣ же самыя распоряженія—Theo- дорѣ. Но, если обратить вниманіе на то, что часть повѣствованій, приписывающая означенныя распоряженія Theodorѣ, является не отдѣльною, а заключенною въ повѣсть о Михаилѣ, то, очевидно, что повтореніе одного и того же разказа два раза не можетъ быть объ- яснено тѣмъ соображеніемъ, какое представляется фронтнымъ на первый взглядъ. Если лѣтописецъ хотѣлъ сдѣлать честь сыну и ма- тери, то ему весьма естественно было всѣ распоряженія о созваніи собора и проч. излагать отъ двухъ царей, иначе говоря, глагольными формами ἀνεκήροσε, ἐβεβαίωσε, ἐπέηροσεν, συναθροίσας—должны бы были быть употреблены во множественномъ числѣ.

2) Когда былъ низложенъ патриархъ Іоаннъ и возведенъ Меодій, до собора или послѣ собора? Съ точки зрѣнія издавнаго текста Георгія этотъ вопросъ никоимъ образомъ не можетъ быть разрѣ- шенъ. Въ той части повѣсти, которая выставляетъ Theodору на пер- вый планъ, распоряженія ея излагаются въ такой послѣдовательно- сти: а) низложеніе Іоанна, б) возведеніе Меодія, в) созваніе собора и утвержденіе православія. Въ той же части, гдѣ дѣствія припи- сываются Михаилу, событія изложены въ такомъ порядкѣ: а) созваніе собора, б) низложеніе Іоанна, в) избраніе Меодія, г) возвращеніе изъ ссылки православныхъ духовнаго и свѣтскаго званія. Спраши- вается, возможна ли подобная сбивчивость въ лѣтописи, составлен- ной современникомъ и сдѣлавшейся извѣстною въ царствованіе Ми- ханла III, то-есть, до 867 года?

3) Всматриваясь въ текстъ Георгія, мы замѣчаемъ въ немъ кромѣ двойнаго или даже тройнаго повторенія одной и той же мысли съ нѣкоторыми стилистическими отличіями въ развитіи, еще ту стран- ность, что манера изложенія автора мѣняется въ каждомъ отдѣль- номъ предложеніи. Примѣровъ на небольшомъ отрывкѣ, избранномъ нами, можно указать не одинъ.

εἰσάγει δὲ τὸν ἐν ἁγίοις Μεθόδιον,  
μοναχὸν ὄντα, καὶ πατριάρχην ἀπο-  
καθιστᾷ...

ἀντεἰσάγεται δὲ κοινῇ ψήφῃ καὶ  
θεῖα προαβολῇ τε καὶ χάριτι Μεθό-  
διος ὁ ἀοίδιμος καὶ τῆς ὀρθοδοξίας  
πρόμαχος...

σύνοδον... συναθροίσας, ὑφ' ὧν ἡ τῶν κακῶν καὶ δυσωνόμων εἰκονομάχων κακίστη αἴρεσις ἀκριβῶς ἐλεγχθεῖσα καὶ τὰ βδελυρὰ τῆς ληρηματι διαρρήδην ἀνατραπέντα...

ὅς γε (Μεθοδῆ) πάσας.. τὰς διαβολὰς καὶ τὴν ὀλέθριον κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων μεθοδείαν καὶ τὴν βέβηλον κenoφωνίαν τῶν αἰρεσιάρχων καὶ φοιτητῶν τῆς ἐκείνων κenoφωνίας καὶ φρανοβλαθείας ἄριστα καὶ σαφέστατα ἐλέγξας καὶ ἀνατρέψας..

Непужныя повторенія аб' аднымъ я томъ же и пропуски важныхъ и любопытныхъ фактовъ, школьническое упражненіе въ приемахъ развитія данной мысли на нѣсколько ладовъ, переходы отъ простаго лѣтописнаго изложенія къ напыщенному ораторскому тону, напоминающему вступленія или заключенія къ житіямъ святыхъ или церковныя проповѣди X—XII вѣковъ, — вотъ что представляетъ намъ текстъ Георгія о такомъ важномъ въ церкви событіи, какъ торжество православія и соборъ 842 года.

Что же предстоитъ исторической критикѣ предпринять въ приложеніи къ подобному матеріалу? Можно ли пользоваться такимъ источникомъ, который такъ явно выдаетъ свои недостатки?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить авторитетъ монаха Георгія, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній на изданіе Муральта. Въ сущности и все то, что мы выше говорили, какъ будетъ сейчасъ ясно, относится не къ лѣтописцу Георгію, а къ издателю его. Здѣсь мы, впрочемъ, уступаемъ слово прекраснѣйшимъ знаатокамъ рукописнаго лѣтописнаго матеріала, знакомство съ трудами которыхъ обязательно теперь для византиниста. Издатель лѣтописи Теофапа, Де Бооръ <sup>1)</sup> говоритъ объ изданіи Муральта: Подъ именемъ лѣтописи Георгія Монаха, Муральтъ издалъ какой-то хаосъ, въ которомъ представляются два или три различныхъ слоя переработки оригинала. Другой византинистъ, авторъ сочиненія о византійской историографіи IX и X вѣковъ, Гиршъ, на основаніи изученія рукописей Георгія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Мы имѣемъ двѣ различныя редакціи хроники Георгія: одну краткую, другую — болѣе богатую фактическимъ матеріаломъ“. Что касается взаимнаго отношенія той и другой редакціи, то ученый изслѣдователь высказывается въ такомъ смыслѣ: Краткій текстъ долженъ считаться первоначальнымъ, а обширная редакція есть результатъ позднѣй-

<sup>1)</sup> De Boor, Theopanis Chronographia II. S. 360.

шихъ прибавокъ. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пространныя редакціи рукописей имѣютъ дополненія (рукописи Московская, Мюнхенская и Парижская), встрѣчаются такія фразы, которыя указываютъ на позднѣйшее ихъ происхожденіе. Такъ, въ жизнеописаніи Теофила <sup>1)</sup> повѣствуется, что онъ украсилъ усыпальницу своей любимой дочери Маріи серебромъ, но что царь Левъ снялъ эти украшенія. Этотъ царь Левъ царствовалъ отъ 886 до 912 года, и приведенное мѣсто могло быть написано не ранѣе X вѣка. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 708) въ повѣствованіи о патриархѣ Іоаннѣ и о построенномъ имъ дворцѣ Труллъ сказано, что этотъ домъ и доселѣ называется Труллою. Ясно, что писавшій это не былъ современникомъ Теофила и Михаила. Такимъ образомъ, какъ эти, такъ и другія мѣста написаны не Георгіемъ, но составляютъ вставки, сдѣланныя въ послѣдующее время, и что въ подробныхъ редакціяхъ мы имѣемъ позднѣйшую переработку хроникки Георгія, въ которой текстъ оригинала иногда сокращенъ, а обыкновенно распространенъ большимъ числомъ извѣстій. Дальнѣйшее доказательство этого заключается въ томъ, что грубыя ошибки встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно невозможно объяснить въ примѣненіи къ современнику—Георгію.

Приведенныя мнѣнія о состояніи рукописей Георгія монаха и объ изданномъ Муральтомъ текстѣ должны послужить руководящимъ началомъ для историковъ въ ихъ будущихъ изысканіяхъ. То обстоятельство, что популярнѣйшіе историки, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ рукописей, представляютъ сокращенныя и дополненныя редакціи, замѣчено было уже ранѣе и высказано десять лѣтъ назадъ пишущимъ эти строки по поводу рукописей Никиты Акомината. Это наблюдение теперь должно быть распространено на значительную часть византійскихъ лѣтописцевъ, которые испытали ту же судьбу, что и Никита Акоминатъ.

Итакъ, возвращаясь къ страннымъ риторическимъ упражненіямъ, изданнымъ Муральтомъ подъ 842 годомъ, мы не можемъ разсматривать ихъ, какъ произведеніе Георгія; здѣсь дѣйствительно сведены два или три слоя разновременныхъ приписокъ, размышленій, объясненій и дополненій, сдѣланныхъ читателями оригинальнаго произведенія нашего лѣтописца и неразборчивымъ переписчикомъ сведенныхъ въ одно цѣлое. Дѣло ученой критики при изданіи писателя было—

<sup>1)</sup> Изданіе Муральта, стр. 704.

разобрать и отдѣлить подлинное отъ неподлиннаго, чего Муральтъ не сдѣлалъ.

По нашему мнѣнiю, въ первоначальномъ произведенiи Георгiа о занимающемъ насъ фактѣ былъ весьма сухой разказъ, подобный тому, который находимъ въ предисловіи лѣтописи (Муральта, р. 3): „4-я книга повѣстуетъ о Константинѣ благочестивѣйшемъ и первомъ христіанскомъ царѣ и о слѣдующихъ за нимъ до послѣдняго Михаила, сына Теофилова, который, воцарившись ребенкомъ, посредствомъ божественнаго синода, снова возстановилъ и утвердилъ православную вѣру“. До нѣкоторой степени есть вѣроятность предполагать, что въ собственноручной рукописи лѣтописца не было того отдѣла, который приписываетъ утверженіе православiа царицѣ Теодорѣ <sup>1)</sup>, а это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ указывать на время, когда окончена Георгіемъ лѣтопись. Имя Теодоры выпущено было писателемъ и внесено его читателями на томъ основанiи, что возстановленіе православiа дѣйствительно принадлежало ей; но Георгію нельзя было хвалить царицу Теодору, вслѣдствіе извѣстныхъ неудовольствій между сыномъ и матерью, кончившихся тѣмъ, что послѣдняя была лишена власти и сослана въ монастырь. Совмѣстное правленіе Михаила и Теодоры продолжалось 15 лѣтъ; съ 857 до 23 сентября 867 г. Михаилъ правилъ одинъ, послѣдній годъ и 3 мѣсяца въ сотовариществѣ съ Василиемъ. Сочиненіе Георгiа, такимъ образомъ, окончено было между 857 и 26-мъ мая 866 года, когда былъ коронованъ Василій, о чемъ въ первоначальномъ текстѣ не было упоминанiя. Сказанное можетъ также служить объясненіемъ, почему Георгiй ограничился сухимъ указаніемъ факта торжества православiа, уклонившись отъ сообщенiя подробностей, которыхъ онъ не могъ не знать. Онъ не могъ съ похвалою говорить о царицѣ Теодорѣ, чтобы не оскорбить царя; подробностей не могъ сообщить, ибо онѣ связаны съ именемъ царицы.

Если, такимъ образомъ, авторитетнѣйшій лѣтописецъ IX вѣка оставилъ насъ почти въ невѣдѣнiи относительно важнаго въ церковномъ и гражданскомъ отношенiи переворота, послѣдовавшаго по смерти Теофила, то задача изученiя этого переворота встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненiя.

Какимъ путемъ сохранились извѣстiя о соборѣ 842 года и объ утвержденiи православiа, которыя читаются въ хроникахъ составлен-

<sup>1)</sup> *Hirsch Byzant. Studien* S. 14, *Cöslin. Handschr.*

ныхъ въ X и послѣдующихъ вѣкахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ специальное значеніе для первыхъ страницъ Русской лѣтописи. Не только по отношенію къ собору 842 года, но и по отношенію къ другимъ событіямъ, падающимъ на царствованіе Михаила III, мы находимъ въ литературѣ X вѣка указанія, которыя возбуждаютъ въ высшей степени научное любопытство, но источники которыхъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить съ достаточной ясностью.

Благодаря прекрасному изслѣдованію Гирша, мы имѣемъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о ходѣ лѣтописной традиціи въ IX и X вѣкѣ и можемъ возстановить степень зависимости одного писателя отъ другаго. Что касается продолжателя Георгія, или логоеета, какъ онъ названъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, доведшаго лѣтопись до смерти Романа I (948 г.), то и эта лѣтопись сохранилась въ двухъ редакціяхъ, полной и краткой. Для рѣшенія вопроса, какая изъ этихъ редакцій—первоначальная, Гиршъ сопоставляетъ лѣтописи X вѣка: продолжателя Оеофана, Симеона Магистра и Льва Грамматика. Первый въ изложеніи событій со времени Льва VI и до смерти Романа обнаруживаетъ сильное сходство съ продолженіемъ Георгія, и именно съ полной его редакціей, хотя независимо отъ этого представляетъ и такого рода извѣстія, которыхъ нѣтъ у продолжателя Георгія и которыя указываютъ, что онъ пользовался, кромѣ этого послѣдняго, еще другими источниками. Симеонъ Магистръ находится въ близкомъ родствѣ какъ съ Георгіемъ, такъ и съ его продолженіемъ. Особенность его однако та, что онъ не слѣдуетъ исключительно одной редакціи краткой или распространенной, представляя близкое родство то съ Московской рукописью, то съ Ватиканской. Хроника Льва Грамматика въ своей позднѣйшей части есть не что иное, какъ извлеченіе изъ Георгія и его продолжателя. Свѣдѣніи, почерпнутыя изъ этого источника, оказываются въ болѣе близкомъ родствѣ съ Московской и Парижской рукописями. Если эти лѣтописи, въ основаніи которыхъ лежатъ продолженіе Георгія, примыкаютъ то къ краткой, то къ полной редакціи его, то изъ этого можно заключить, что ни одна редакція не соответствуетъ первоначальному оригиналу, но обѣ суть переработки его. Въ Московской, Парижской и Мюнхенской рукописяхъ этотъ оригиналъ значительно сокращенъ: Ватиканская передаетъ его полнѣе, но также содержитъ и чуждыя вставки, ибо не всѣ данныя, заключающіяся въ ней, происходятъ изъ продолженія Георгія, но нѣкоторыя почерпнуты изъ другаго источника. Уже Муральтъ замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста взиты



изъ лѣтописи Генесія, и это замѣчаніе имѣетъ всю справедливость въ приложеніи къ исторіи Михаила III и Василія.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ продолжатель Георгія названъ логоетомъ, то вопросъ о времени происхожденія этой лѣтописи сводится ко времени жизни не названнаго по имени логоета. По этому вопросу въ наукѣ не достигнуто еще утвердительнаго заключенія <sup>1)</sup>. Довольно твердымъ основаніемъ къ выводамъ можетъ служить то соображеніе, что лѣтописи X вѣка, въ которыхъ положительно засвидѣтельствовано знакомство съ продолженіемъ Георгія, окончены при Никифорѣ Фоки (963—969),—слѣдовательно, нашъ логоетъ долженъ былъ написать свою лѣтопись раньше этого времени, или, какъ думаетъ Гиршъ (54), онъ писалъ въ началѣ царствованія Никифора Фоки. Можно далѣе заключить, что логоетъ писалъ отдѣльную лѣтопись, не намѣреваясь продолжать Георгія; онъ соединенъ съ лѣтописью Георгія уже переписчиками. Это доказывается однимъ мѣстомъ въ началѣ хроникъ, гдѣ есть ссылка на исторію Теофила, но какъ этого мѣста въ хроникѣ Георгія не оказалось, то всѣ вѣроятія говорятъ за то, что логоетъ писалъ и о царѣ Теофилѣ, но что эта часть хроникъ до насъ не сохранилась <sup>2)</sup>.

У лѣтописцевъ второй половины X (продолженіе Теофана, Симеонъ Магистръ) и начала XI вѣка (Левъ Грамматикъ) большинство извѣстій о времени Михаила III, не почерпнутыхъ изъ продолжателя Георгія, имѣетъ для себя объясненіе въ лѣтописи Генесія. Понятна поэтому важность для насъ этого послѣдняго писателя. Генесій писалъ свою исторію по предложенію Константина Порфиророднаго; какъ заявляетъ онъ въ предисловіи, писалъ на основаніи свидѣтельствъ очевидцевъ и сохранившагося преданія. Говоря вообще, это еще не особенно важная причина, чтобы видѣять Генесія изъ другихъ лѣтописцевъ, писавшихъ о времени Михаила III во второй половинѣ X вѣка. Но въ Генесіи мы имѣемъ типъ лѣтописца, который могъ имѣть хорошія свѣдѣнія о занимающей насъ эпохѣ по фамильнымъ преданіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ былъ сыномъ того Константина Армянина, который начальствовалъ отрядомъ царскихъ тѣлохранителей при Михаилѣ III, былъ товарищемъ его и любимцемъ и игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ, стоящихъ въ связи съ

<sup>1)</sup> *Hirsch*, *Byzant. Studien*, S. 52 и слѣд.—*В. Г. Васильевскій*, Симеонъ Метафрастъ, въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.*, часть 212, отд. 2.

<sup>2)</sup> *Hirsch*, S. 54. Anmerk.

утвержденіемъ православія и съ низверженіемъ патріарха Іоанна <sup>1)</sup>. У Скилицы-Кедрипа прямо названъ историкъ Іосифъ Генесій, въ рукописныхъ чтеніяхъ продолжателя Георгія, приводимыхъ у Гирша <sup>2)</sup>, Генесій прямо названъ сыномъ Константина Армишина, у Симеона Магистра и Льва Грамматика повторено это извѣстіе — ясный признакъ, что оно читалось въ той редакціи хроники логовета, которою пользовались означенные писатели.

Содержаніе лѣтописи Генесія подтверждаетъ указанный рукописный намекъ: авторъ любовно относится къ Константину, сообщаетъ разныя подробности объ его происхожденіи и служебной карьерѣ, защищаетъ его противъ обвиненій въ жестокости и хвалитъ его за умственные и душевные качества. Можно думать, что Генесій составилъ свою хронику въ первые годы единодержавія Константина VII (945 — 959), такъ какъ слѣды заимствованій изъ Генесія замѣтны въ составленной самимъ императоромъ жизни Василія; дальнѣйшее тому доказательство усматривается изъ того, что авторъ, говоря о занятіи Крита арабами, прибавляетъ, что островъ и до сихъ поръ находится въ ихъ власти, чего онъ не могъ бы сказать, еслибы писалъ послѣ 961 года, когда Критъ снова былъ возвращенъ подъ власть имперіи. Такимъ образомъ, значеніе Генесія объясняется двумя особенностями: 1) близостью его къ Константину, принимавшему участіе въ событіяхъ 842 года, и возможностью располагать хорошими фамилными преданіями; 2) тѣмъ обстоятельствомъ, что его лѣтопись, появившаяся при Константиѣ Порфирородномъ, могла служить и дѣйствительно послужила источникомъ для продолженія Теофана, Симеона Магистра и Льва Грамматика. Въ частности, для нашего вопроса Генесій представляется старшимъ по времени лѣтописцемъ, закрѣпившимъ письменное и устное преданіе о событіяхъ 842 года и давшимъ первый матеріалъ для лѣтописныхъ извѣстій, которыми можетъ располагать наука. Въ особенности въ виду совершенно скудныхъ данныхъ, находимыхъ у Георгія, Генесій является первымъ по времени лѣтописцемъ, котораго историкъ долженъ изучать для разъясненія событій 842 года.

Находимыя у Генесія данныя о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Теофила, заключаются въ слѣдующемъ:

За малолѣтствомъ Михаила III во главѣ управленія стояло ре-

<sup>1)</sup> *Georgii Contin.*, p. 747.

<sup>2)</sup> *Hirsch*, SS. 39, 48, 118 Anm. 2.

генство, состоящее изъ царицы Теодоры, патриція Θεоктиста и протомагистра Мануила. Всѣ распоряженія, относящіяся къ восстановленію православія, исходятъ отъ членовъ регентства (οἱ τῆς ἐπιτροπείας). Въ частности дѣло представляется въ такой послѣдовательности:

А. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, наступившими со смертью Θεοφιλα, преданные православію люди ищутъ случая произвести церковную реформу.

1) Во главѣ этого направленія стоятъ два члена регентства: Θεοκτιστὴς и Мануилъ;

а) послѣдній еще колебался, но и онъ сталъ искреннимъ приверженцемъ почитанія иконъ, когда студійскіе монахи, посѣтивъ его въ тяжкой болѣзни, предсказали ему выздоровленіе, если онъ обѣщаетъ содѣйствовать восстановленію иконъ <sup>1)</sup>.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануилъ настоятельно представляетъ царицѣ Θεοδορῆ необходимость восстановленія иконопочитанія,

а) указывая ей въ противномъ случаѣ на опасность, угрожающую ея власти.

3) Царица и сама не чужда была этихъ мыслей,

а) такъ какъ и сама была боголюбива

б) и была къ тому поощряема своей матерью и патриціями — двоюродными братьями;

в) но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ и давала уклончивыя отвѣты, ссылаясь то на трудность реформы, то на уваженіе къ памяти мужа <sup>2)</sup>.

В. Убѣжденная доводами Мануила, царица открыто становится въ число приверженцевъ православія и принимаетъ слѣдующее мѣропріятіе:

1) Разрѣшаетъ православнымъ собираться во дворцѣ канцлера <sup>3)</sup>,

<sup>1)</sup> Въ этомъ извѣстіи у Генесія, lib. IV, p. 79, есть одна любопытная фраза: καὶ προελθόντες τῇ κλίτῃ τῶν μοναζόντων τινὲς... κατὰ ὧν ἦδη ἀνωτέρω μνησθὲν πεποιήμεθα. Такъ какъ выше никакого упоминанія не встрѣчается, то въ этой фразѣ мы находимъ слѣдъ источника, которымъ здѣсь пользовался Генесій. Мѣсто взято изъ студійскаго житія.

<sup>2)</sup> *ibid.*, p. 80: ἀλλ' ἀντίκλιπεν αὐτῇ... εἴτε διὰ τὴν τοῦ τηλικούτου μετάθεσιν πράγματος, εἴτε διὰ φιλανδρίαν ἰσως παράλογον... εἰρήκει γὰρ πρὸς Μανουὴλ ὡς ὁ ἐμός ἀνὴρ σοφίας ἀρκούτως ἐξείχετο, καὶ οὐδὲν τῶν θεόντων αὐτῷ ἐλελήθει...

<sup>3)</sup> τοὺς ὀρθοδόξους τοῖς τοῦ κανικλείου ἐνδραστήμασιν ἀγαίρεσθαι διὰ θεομοθέτησιν.

чтобы совмѣстно обсудить вопросы касающіеся православія (τὰ περί ὀρθοδοξίας προβλήματα τε καὶ δογματά).

В. Послѣ внимательнаго изслѣдованія возстановляются святныя иконы и устроается церковный чинъ: священники и архіереи, придерживающіеся нечестія и противящіеся православію, лишены своихъ мѣстъ, и прежде всѣхъ нечестивый патріархъ Іоаннъ.

1) Посылаютъ къ нему знатныхъ мужей, начальниковъ царской стражи, чтобы взять его изъ патріархіи, но онъ не уступилъ ихъ требованію и остался во дворцѣ; донесеніе посланныхъ разжигаетъ сильный гнѣвъ противъ него <sup>1)</sup>.

2) Патрицій Варда отправляется для производства дознанія и узнаетъ,

а) что патріархъ Іоаннъ получилъ нѣсколько ранъ въ животь.

б) По показаніямъ самого патріарха, эти раны нанесены ему людьми царской стражи — язычниками; въ особенности жестоко обращался съ нимъ Константинъ Арминій, начальникъ отряда экскувитовъ;

в) но Варда, произведя дознаніе, нашелъ это показаніе ложнымъ и возгорѣлся гнѣвомъ на обманщика,

г) почему Іоаннъ справедливо лишенъ былъ патріаршаго трона.

Г. Возводится благочестивый патріархъ Меодій, которому вѣрили <sup>2)</sup> священныя якорь,

1) съ одобреніемъ богоносныхъ мужей, въ Византіи живущихъ и отовсюду собравшихся въ столицу.

Д. Назначенъ былъ день для ихъ собранія,

1) въ который божія церковь облакалась въ свое благолѣпіе;

2) съ тѣмъ чтобы громко возвѣстать православіе,

а) сошлись изъ знаменитой горы Олимпа, Афона и Иды и изъ Кимины (κατὰ Κορινθῶν),

б) удостоились царскихъ почестей и подарковъ и возвратились во-своися.

Чтобы имѣть представленіе о совокупности свѣдѣній, которыми располагалъ Генесій, нужно прибавить еще два-три замѣчанія. Онъ сообщаетъ о судьбѣ названнаго патріарха Іоанна, какъ онъ, заклю-

<sup>1)</sup> Слѣдуетъ отметить, что у Генесія, р. 80—81, мѣры противъ патріарха Іоанна выписаны изъ письменнаго источника: τοιγαροῦν ἀποστέλλουσιν... διὸ περί τε τούτου τοῖς ἀποστόλοις ἀπαγγέλλουσι καὶ κατ'αὐτοῦ πλείονα τὴν ὁρμὴν διεξάκουσιν, особенно ниже ὃ ἀχροαταί, ясно выдающее или рѣчь или житіе.

<sup>2)</sup> τούτῳ τὰς ἀρχιερατικὰς ἀχόρας ἐπέδωκαν, — срывин выше выраженія о мѣрахъ противъ патріарха Іоанна.

ченый въ монастырѣ, приказалъ своему служителю выколоть глаза на святыхъ иконахъ и какъ царица хотѣла наказать его за это ослѣпленіемъ, но, по ходатайству нѣкоторыхъ, ограничилась наказаніемъ его 200 ударовъ. Далѣе, есть довольно пространное извѣстіе о козняхъ еретиковъ противъ патріарха Меѳодія: враги патріарха подкупили женщину, которая заявила, что патріархъ находится съ ней въ преступномъ сожительствѣ. Но Меѳодій, человекъ подвижнической жизни, далъ очевидныя доказательства ложности изведеннаго на него обвиненія, а магистръ Мануэль и логофетъ Теоктистъ произвели слѣдствіе по этому дѣлу и привели женщину къ сознанию, что она подкуплена. Это извѣстіе имѣетъ для насъ то значеніе, что изъ него можно заключить, что отлученные отъ церкви еретики не были лишены средствъ продолжать борьбу съ православными. Рядомъ съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, Генесій сообщаетъ слѣдующій фактъ, имѣющій отношеніе къ торжеству православія. Съ тѣхъ поръ было постановлено (*ἐκ τὸτα διώρισται*), чтобы въ годовщину дня православія еретики шли со свѣчами впередъ процессіи, направляющейся изъ церкви Богоматери Влахернской. И этотъ обычай продолжался долгое время: иномыслящіе обяваны были при собраніи въ великой церкви выслушивать себѣ анафематствованіе.

Теперь бросимъ общій взглядъ на извѣстія Генесія. Важнѣйшими фактами, почерпаемыми единственно у этого писателя, нужно признать: а) указаніе обстоятельствъ подготовлявшихъ торжество православія; б) предварительное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся церковной реформы, въ собраніяхъ у канцлера Теоктиста; в) процессъ патріарха Іоанна, и наконецъ, г) хотя не прямое, но довольно прозрачное указаніе на время составленія собора: онъ происходилъ если не въ самый день установленія торжества православія, то въ весьма близкое время. Обладая сравнительно хорошими свѣдѣніями, Генесій можетъ возбуждать противъ себя сомнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ затронута фамиліальная честь. Съ этой стороны нуждаются въ разсмотрѣніи ближайшимъ образомъ факты, въ которыхъ игралъ роль его отецъ, а равно гдѣ затронуты служебныя связи его отца.

Ближайшимъ къ Генесію лѣтописцемъ нужно считать Продолжателя Теофана. Хотя четвертая книга его, посвященная царствованію Михаила III, также написана при Константинѣ VII и по его предложенію и даже на основаніи предоставленныхъ царемъ въ распоряженіе автора матеріаловъ, но неизвѣстный по имени Продолжатель

Феофана, хотя онъ имѣлъ подъ рукою исторію Генесія, вообще справился съ своей задачей весьма неудовлетворительно.

Трудно найти писателя такъ неискуснаго въ изложеніи своихъ мыслей, такъ малоспособнаго даже хорошо передавать вычитанное у другихъ. Но, при сравненіи его исторіи съ Генесіевымъ трудомъ, оказывается, что первый располагаетъ нѣсколько иными свѣдѣніями, чѣмъ второй, вслѣдствіе чего знакомство съ нимъ необходимо для опредѣленія совокупности лѣтописной традиціи о времени Михаила III и Теодоры. Попытаемся наглядно представить ходъ мыслей у нашего автора. Регентство (φρονεῖται καὶ ἐκίτρολοι) по случаю малолѣтства наследника престола, назначенное самимъ Теофиломъ <sup>1)</sup>, состояло изъ Теоکتиста, патриція Варды—брата царицы и магистра Мануила, родомъ изъ Арменіи, дяди царицы.

А. Мысль о церковной реформѣ занимала членовъ регентства.

1) Мануилъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, къ нему приходили студійскіе монахи и общали выздоровленіе, если онъ будетъ содѣйствовать восстановленію иконъ. О томъ же просили и другіе монахи, получившіе къ нему доступъ со времени исправленія имъ должности стратига въ арменской еемѣ.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануилъ входитъ въ соглашеніе съ членами регентства и привлекаетъ ихъ на свою сторону,

а) сообщаетъ царицѣ Теодорѣ свои намѣренія,

б) она же и сама постоянно имѣла это на умѣ,

в) но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ, такъ какъ многіе сенаторы и высшіе сановники преданы ереси, въ особенности же за нее стоитъ вліятельное духовенство и самъ патріархъ <sup>2)</sup>;

г) убѣждаетъ царицу, что нѣтъ опасности приступить къ восстановленію православія.

В. Царица принимаетъ слѣдующія мѣры:

1) призываетъ друнгарія вигліи Константина и чрезъ него даетъ знать патріарху,

а) что собравшіеся отовсюду благочестивые и монахи внесли просьбу о восстановленіи святыхъ иконъ:

<sup>1)</sup> Подчеркиваемъ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у Генесія.

<sup>2)</sup> Слѣдуетъ вставка о вредномъ вліяніи патріарха на цари Теофила, которая, впрочемъ, не представляетъ оригинальнаго взгляда нашего автора.

б) или патріархъ долженъ согласиться на эту просьбу и тогда православіе будетъ восстановлено,

в) или пусть оставитъ престолъ и ждетъ въ загородномъ помѣстьи,

г) пока созванъ будетъ соборъ, который разберетъ и обсудитъ заблужденія еретиковъ.

2) Патріархъ принялъ царскаго посла въ Θεссальской залѣ,

а) пораженный неожиданнымъ требованіемъ, отвѣтилъ, что ему нужно обдумать дѣло и отослалъ посланнаго,

б) схватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны въ животъ съ такимъ расчетомъ, чтобы опасности для жизни не было, но чтобы изліяніе крови возбудило переполохъ и вселило къ нему состраданіе.

в) Смятеніе распространилось въ церкви и во дворцѣ, такъ какъ молва о происшествіи дошла до дворца еще до возвращенія друнгарія: молва гласила, что патріархъ убитъ по личному приказу царицы.

3) Для производства слѣдствія отправленъ патрицій Варда;

а) онъ обнаружилъ, что раны сдѣланы умышленно;

б) о томъ, какъ происходило дѣло, дали показаніе слуги, представлено было орудіе, которымъ произведено пораненіе;

в) по сему Іоаннъ, обвиненный въ покушеніи на свою жизнь, лишенъ престола и сосланъ въ помѣстье Психа.

В. Возводится Богомъ и царицей для управленія церковью Меѳодій.

Г. Рѣчь царицы къ отцамъ собора:

1) соглашаясь на восстановленіе святыхъ иконъ, она проситъ отъ собора прощенія и амнистіи для Θεοφιλα, иначе отказывается содѣйствовать его цѣлямъ.

2) Меѳодій отвѣчалъ, что не во власти собора давать прощеніе умершимъ безъ показанія.

3) Θεοдора, подогрѣваемая любовью къ мужу, съ клятвой утверждала, что Θεοфилъ передъ смертью раскаялся и лобызалъ святыхъ иконы.

4) Услыхавъ это и горя желаніемъ восстановить иконы, отцы по общему рѣшенію постановили дать отпущеніе въ этомъ грѣхѣ (Θεοфилу) и выдать въ томъ удостовѣреніе Θεодорѣ.

Д. Затѣмъ, въ первое воскресенье великаго поста, отслуживъ всеобщее бдѣніе въ церкви Влахернской богородицы, утромъ съ цари-

цей совершаютъ процессію съ литіей въ великую церковь. И церковь снова получаетъ свою красоту

1) посредствомъ совершенія торжественной литургіи,

2) низверженія всѣхъ еретиковъ и архіерея ихъ:

а) Свѣдѣнія о патріархѣ Іоаннѣ: онъ происходилъ изъ хорошаго рода и родился въ Константинополѣ, пользовался расположеніемъ Михайла Травла и Теофила, послѣдняго даже училъ; проходилъ должность синкелла, потомъ назначенъ патріархомъ; извѣстенъ гаданіями и ворожбой;

б) примѣръ его гаданія—три князя языческаго племени.

в) Братъ Іоанна, патрицій Арсавиръ; дворецъ его въ обители св. Фоки, гдѣ патріархъ предавался своимъ занятіямъ волшебствомъ и непотребствами.

Въ заключеніе приведено извѣстіе о козняхъ еретиковъ противъ святыхъ иконъ: Іоаннъ приказалъ выколотъ глаза на одной иконѣ, за что подвергся наказанію бичами. Меодій оклеветанъ предъ Θεодоромъ и регентами въ незаконной связи съ одной женщиной. Назначенное по этому дѣлу слѣдствіе <sup>1)</sup> и судъ привлекли массу зрителей. Но радость клеветниковъ была преждевременна, ибо Меодій торжественно доказалъ свою неспособность къ сожитію съ женщиной. Что здѣсь продолжатель Теофана, хотя у него находимъ больше живыхъ подробностей, чѣмъ у Генесія, въ сущности пользовался тѣми же матеріалами, что и этотъ послѣдній, или, можетъ быть, только развилъ разказъ Генесія, видимъ изъ заключенія. Клеветники, въ качествѣ наказанія, обязаны были каждый годъ въ годовщину православія участвовать въ процессіи изъ Влахериской церкви въ Офійскую и выслушивать собственными ушами анаэмагствоваіе на нихъ <sup>2)</sup>, что установлено было продолжать до конца ихъ жизни. Наконецъ, независимо отъ Генесія, продолжатель Теофана сообщаетъ объ угощеніи во дворцѣ, устроенномъ для собравшихся отцовъ и о неприятомъ объясненіи между царицей и братьями Θεодоромъ и Теофаномъ Начертанными.

Сопоставляя извѣстія Генесія и продолжателя Теофана, нельзя не приходять къ заключенію, что послѣдній пользовался, кромѣ матеріаловъ достуинныхъ Генесію, еще особыми источниками. Такъ, въ

<sup>1)</sup> βῆμα γούν εὐθείας καὶ χριστήριον φρίκης γέμον ἐκ πολιτικῶν ἀνδρῶν συχρότου-  
μενον καὶ ἐκκλησιαστικῶν (lib. VI, p. 158).

<sup>2)</sup> ὃ καὶ τηρούμενον ἐφάνη ἐπὶ πολλοῦ καὶ τῆς αὐτῶν μέχρις ἐταμείθη ζωῆς (p. 160).



группѣ данныхъ, обозначенныхъ нами подъ буквой А, встрѣчаемъ слѣдующіе факты, неизвѣстные Генесію:

Назначеніе регентства самимъ Теофиломъ; участіе въ регентствѣ, кромѣ Θεоктиста и Мануила, патриція Варды; доступъ къ Мануилу и вліяніе на него, кромѣ студійскихъ монаховъ, еще другихъ, съ которыми онъ сошелся во время своей службы на востокѣ; предварительные переговоры съ членами регентства о церковной реформѣ. Продолжатель Теофана выражается конкретнѣе Генесія о томъ, что могло останавливать Θεодору при мысли о восстановленіи православія: она боялась того, что существующій порядокъ вещей отстаивали сепаторы и многіе изъ высшего духовенства. Все это свѣдѣнія важныя, которыми едва ли могъ пренебречь Генесій, еслибы они были въ его источникахъ. Что касается достовѣрности этихъ свѣдѣній, они не всегда могутъ быть подтверждены. Такъ, прежде всего, на счетъ установленія регентства самимъ Теофиломъ и на счетъ участія Варды въ этомъ регентствѣ—не находимъ подтвержденія въ традиціи. Можетъ быть, что составитель лѣтописи помѣстилъ Варду въ число регентовъ только на основаніи выдающейся роли, которую игралъ этотъ царедворецъ въ малолѣтство Михаила. Что на Мануила вліяли не только студійскіе, но и восточные монахи, это не можетъ основываться на официальныхъ данныхъ; вообще весь разказъ о болязни Мануила, по нашему мнѣнію, введенъ въ исторію изъ житій святыхъ и изъ чудесъ студійскихъ и другихъ подвижниковъ. Разговоръ Мануила съ Θεодорою вполне выражаетъ положеніе дѣла и можетъ считаться заслуживающимъ полного довѣрія.

Рядъ извѣстій, относящихся къ группѣ В, вызываетъ слѣдующее замѣчаніе. Въ общемъ этотъ разказъ ближе къ истинѣ, чѣмъ помѣщенный въ лѣтописи Генесія. Онъ изложенъ съ такой простотой и подробностями, что даетъ достаточныя данныя для критики взгляда самого автора. Словомъ, мы думаемъ, что въ повѣсти о дѣлѣ патриарха Іоанна, мы имѣемъ слѣды официального акта, которымъ авторъ пользовался и который воспроизвелъ довольно полно. Такимъ образомъ, предполагая, что друнгарій царской стражи Константины отправился къ Іоанну съ письменнымъ предложеніемъ отъ царицы, находимъ возможнымъ видѣть въ словахъ „собравшіеся отовсюду благочестивые и монахи внесли просьбу о восстановленіи святыхъ яконъ“ реальный мотивъ, которымъ начиналось предложеніе Θεодоры. Но если это такъ, то вся группа извѣстій объ Іоаннѣ поставлена у нашего автора не на мѣстѣ. Православные могли обратиться къ ца-

рицѣ съ просьбой тогда, когда она открыто высказалась за реформу и дала имъ позволеніе собираться во дворцѣ Θεоктиста для обсужденія относящихся къ возстановленію православія вопросовъ, какъ объ этомъ читается у Генесія. Но совершенно невѣроятно, чтобы первый шагъ Θεодоры былъ направленъ прямо противъ Іоанна.

Ближайшее мѣсто по времени къ разсмотрѣннымъ лѣтописцамъ занимаютъ Симеонъ Метафрастъ и Левъ Грамматикъ. Время жизни перваго изъ нихъ и масса весьма интересныхъ и для русской исторіи вопросовъ, связанныхъ съ хроникой Симеона магистра и Метафраста, достаточно выяснены въ прекрасномъ изслѣдованіи В. Г. Васильевскаго <sup>1)</sup>. Хроника Симеона составлена въ послѣдней четверти X вѣка; авторъ могъ, слѣдовательно, пользоваться трудами названныхъ выше лѣтописцевъ, неизвѣстныхъ имъ матеріаловъ у него не было въ распоряженіи, а потому для нашего вопроса онъ не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ. Еще меньше значенія имѣетъ Левъ Грамматикъ, написавшій свою хронику въ 1013 году, о чемъ и заявлено въ концѣ его труда. Онъ даже не воспользовался лѣтописной традиціей и ограничился по отношенію къ событіямъ 842 года самыми общими и скудными данными.

Повидимому, съ большимъ вниманіемъ къ лѣтописной традиціи отнесся Іоаннъ Скилица, котораго сочиненіе до сихъ поръ извѣстно лишь въ лѣтописи, носящей имя Кедрина, представляющей на самомъ дѣлѣ дословное воспроизведеніе Скилицы. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому, скажемъ прямо, что Кедринъ только тѣмъ и извѣстенъ въ исторической литературѣ, что вновь издалъ подъ своимъ именемъ Скилицу. Это былъ высокопоставленный государственный человѣкъ, носившій титулъ куropалата и званіе великаго друнгарія царской стражи <sup>2)</sup>. Онъ жилъ въ XI вѣкѣ, довелъ хронику до 1057 года, занимаясь ею въ концѣ XI вѣка. Нѣкоторыя изъ его сочиненій относятся ко времени царя Алексѣя Комнина (1081—1118).

Едва ли можно во всей полнотѣ раздѣлять мнѣніе Гирша, что Скилица относительно времени Михаила III пользовался только Генесіемъ и продолжателемъ Θεофана.

Изъ разбора его извѣстій мы выносимъ убѣжденіе, что кругъ его

<sup>1)</sup> Журн. Мин. Нар. Пр., часть 212, отд. 2; см. также *Hirsch*, *Byzant. Studien*, S. 303 и слѣд.

<sup>2)</sup> *Hirsch*, S. 358 и сл.

наблюденій былъ нѣсколько шире, чѣмъ у его предшественниковъ Х вѣка, что нѣкоторымъ событіямъ онъ даетъ иное освѣщеніе, чѣмъ его предполагаемые непосредственные источники. Отмѣтимъ эти особенности въ традиціи, переданной у Скилицы. Сказавъ о регентствѣ, назначенномъ Теофиломъ изъ магистра Мануила и патриція Теоктиста, онъ далѣе сообщаетъ объ ихъ рѣчи къ народу и войску; эта рѣчь была сказана въ ниподромѣ и сопровождалась присягой.

А. По принятіи царства, Θεодора по внушенію благочестивыхъ мужей обратилась къ разсмотрѣнію вопроса объ ереси иконоборцевъ.

1) Этой мысли сочувствовалъ Теоктистъ, но Мануилъ колебался.

а) Никто не смѣлъ явно высказываться за восстановленіе иконъ, такъ какъ ересь поддерживали большая часть сената и синода и самъ патріархъ;

б) рѣшился на это одинъ Мануилъ по Вожьему содѣйствію: болѣзни и предсказаніе студійскихъ монаховъ.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануилъ отправляется на конѣ во дворецъ и входитъ къ царицѣ,

а) убѣждаетъ ее всѣми мѣрами восстановить иконы,

б) она же и сама давно искала къ тому случая,

в) такъ какъ давно уже побуждали ее мать ея и дяди—патриціи,

г) но дѣлала Мануилу возраженія, ссылаясь то на данную мужу клятву, то на силу и численность еретиковъ и, наконецъ, говорила: еслибы въ православіи не было чего-либо противнаго священному писанію, то мужъ мой не изгналъ бы его изъ церкви.

3) Мануилъ поставилъ ей на видъ, что если не будетъ восстановлено православіе, то угрожаетъ переворотъ и лишеніе царства какъ ей, такъ и сыну.

В. Убѣжденная доводами Мануила, Θεодора

1) разрѣшаетъ собраться во дворцѣ Теоктиста членамъ сената и синода, украшеннымъ разумомъ и ученіемъ для обсужденія вопросовъ, касающихся православія.

а) Собравшись и высказавшись и приведши свидѣтельства изъ священнаго писанія, православная партія одержала перевѣсъ;

б) составлено опредѣленіе о восстановленіи святыхъ иконъ;

в) архіереи и монахи и члены сената, прѣжде державшіеся ереси, въ большинствѣ примкнули къ православію, остальные же сосланы въ ссылку.

В. Мѣропріятія противъ патріарха Іоанна изложены согласно Генесію, только короче:

1) дознаніе Варды закончилось тѣмъ, что онъ силой взялъ Іоанна изъ патріархіи.

Г. Возводится Мееодій

1) съ одобренія благочестивыхъ іереевъ, свѣтскихъ и монаховъ и подвижниковъ съ горъ, пришедшихъ въ столицу.

Д. Они единогласно предали вѣчной анаемѣ ересь иконоборцевъ

Затѣмъ Скилица сообщаетъ извѣстныя свѣдѣнія объ Іоаннѣ, наказанномъ 200 ударовъ за то, что онъ выпарапалъ глаза на иконѣ, о происхожденіи его, о служебной карьерѣ при Михаилѣ Травлѣ и о волшебствѣ; послѣднее подтверждено случаемъ съ тремя языческими князьями. Далѣе помѣщена повѣсть о злостномъ навѣтѣ еретиковъ на Мееодія; наконецъ, объ угощеніи во дворцѣ и о разговорѣ царицы съ братьями Начертанными.

Приведенными данными, можно сказать, исчерпывается лѣтописная традиція по отношенію къ собору 842 года и къ вопросамъ, близко съ нимъ соприкасающимся. Эти данныя далеко не освѣщаютъ событія съ надлежащей полнотою, мало характеризуютъ главныхъ дѣятелей и вообще не удовлетворяютъ многихъ запросовъ, которые могутъ быть предъявлены со стороны историка. Но что всего болѣе печально,—предыдущее разысканіе должно убѣдить, что въ лѣтописной традиціи не сохранилось указанія на два факта: а) когда и какъ происходилъ соборъ, чѣмъ онъ занимался и какіе результаты его дѣяній, и б) совпадаетъ ли соборъ съ торжествомъ православія, или представляетъ собой отдѣльный актъ. Ясно, что пока не рѣшены эти вопросы, такъ темно обозначенные въ традиціи, было бы преждевременно приступать къ изложенію исторіи собора.

Намъ необходимо расширить поле изученія и обратиться за поисками въ другія области. Византійская исторіографія, не представляющая за иные періоды ни одного лѣтописца, который бы могъ быть названъ современнымъ писателемъ, находитъ себѣ иногда весьма важную подмогу въ произведеніяхъ духовнаго или свѣтскаго краснорѣчія и въ обширной литературѣ житій. Многія событія византійской исторіи, оставшіяся малоизвѣстными или недостаточно объясненными, раскрыты при помощи данныхъ почеркнутыхъ изъ названнаго рода литературы. Что довольно бѣдный современными историческими писателями IX вѣка можетъ также собрать хорошую жатву изъ памятниковъ ораторскаго искусства и въ особенности въ

литературѣ житій, въ этомъ нельзя сомнѣваться уже потому, что бурная эпоха иконоборческаго движенія выдвинула цѣлый рядъ очень популярныхъ дѣятелей, имя которыхъ пользовалось широкой извѣстностью въ различныхъ краяхъ имперіи. Борьба между православной и еретичествующею партіями, попеременно получавшими преобладаніе, подняла на ноги провинціальное населеніе, заставивъ его группироваться около того или другаго героя, подвижника или исповѣдника. Ссылка на поселеніе, закрытіе монастырей, отнятіе свободы слова и запрещеніе письменнаго изложенія миѣній—все это, конечно, должно было подавляющимъ образомъ дѣйствовать на тогдашнюю литературу. Трудно далѣе сказать, православная или иконоборческая партія обпаружила больше энергій по истребленію литературныхъ памятниковъ въ эту эпоху. Далѣе мы увидимъ, съ какимъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, получившая перевѣсъ партія старалась уничтожить въ книгахъ основанія, имѣющія значеніе для противной партіи и съ какимъ суровымъ фанатизмомъ уничтожались цѣлыя бібліотеки и портились рукописи. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что манія книгостребленія погубила всю производительность того времени. Многое увесено было заблаговременно въ южную Италію, многое сохранено въ частномъ владѣніи.

Герои и подвижники за идею православія, дѣятельность которыхъ падаетъ на IX столѣтіе, и потому уже оставили въ литературѣ болѣе или менѣе ясный слѣдъ своей дѣятельности, что послѣ 842 года наступило для нихъ полное торжество, что возобладавшая наконецъ православная партія имѣла всю возможность воздать имъ должную похвалу за ихъ подвиги и страданія. Послѣ утвержденія православія патріархъ Меѳодій торжественно переноситъ въ Константинополь останки суроваго и непреклоннаго аскета Θ. Студата и патріарха Пякифора. Ученики и почитатели исповѣдниковъ собираютъ свѣдѣнія объ ихъ жизни и составляютъ разказы о житіи, страданіяхъ и чудесахъ ихъ, и эти разказы быстро распространяются по отдаленнымъ мѣстамъ, гдѣ еще помнили подвижниковъ. Такимъ образомъ, агіографическая литература можетъ дать нѣкоторыя новыя черты къ выясненію нашего вопроса. Но мы имѣемъ кромѣ того въ произведеніяхъ церковнаго краснорѣчія живыя и едва ли не современныя событіямъ указанія.

Особенно цѣпныя черты, могущія выдержать сопоставленіе съ любымъ изъ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ изложеній касательно событій 842 года, находимъ въ церковномъ словѣ, сказанномъ, какъ можно су-

дять по надписанію, по случаю перенесенія останковъ патріарха Никифора въ Константинополь <sup>1)</sup>). Такъ какъ перенесеніе мощей Никифора происходило еще при жизни Меѳодія, то для насъ эта рѣчь, независимо отъ всего прочаго, имѣетъ значеніе почти современнаго памятника. Авторомъ ея названъ Теофанъ пресвитеръ и препозитъ. Къ сожалѣнію, она напечатана въ латинскомъ переводѣ, что и лишаетъ насъ возможности прямо поставить ее въ связь съ дѣлописными изложеніями.

Передаемъ содержаніе той части рѣчи, которая относится къ событіямъ 842 года.

Послѣ того какъ по смерти Теофила имперія перешла къ женѣ его Θεодорѣ и къ Михаилу, эта женщина съ усердіемъ обратилась къ благочестію. Понимая, что ничто такъ не будетъ способствовать безопасности имперіи, какъ окончаніе церковной смуты, она, переговоривъ съ высшими сановниками государства, призвала тѣхъ, которые отличались своимъ вліяніемъ между монахами и предложила имъ на обсужденіе вопросъ о возстановленіи иконъ. Когда затѣмъ она узнала, что они всѣ согласны и что ежедневно горятъ однимъ желаніемъ и болятъ сердцемъ о перемѣнѣ религіи, потребовала отъ нихъ, чтобы они выбрали мѣста изъ святоотеческихъ книгъ въ подтвержденіе истинны, указала мѣсто во дворцѣ, гдѣ должны собратъ назначенный соборъ, и обратилась съ манифестомъ къ народу. Собралось такое множество, что нельзя было перечесть, ибо прибыли не только тѣ, которые сохранили чистый умъ во время нечестія, но очень многіе изъ тѣхъ, что сочувствовали врагамъ благочестія и были назначены на духовныя мѣста еретиками; перемѣнивъ свои мысли, и эти послѣдніе подвергли проклятію враговъ святыхъ иконъ.

При этомъ быстромъ и неожиданномъ оборотѣ дѣлъ тогдашній патріархъ Іоаннъ, впавъ въ изумленіе и умопомраченіе, едва не наложилъ на себя руки. Онъ былъ виновникомъ всего бѣдствія, ибо имѣлъ вредное вліяніе на царя Теофила. Послѣ его низверженія съ общаго согласія и по опредѣленію великихъ императоровъ и церковнаго собора, избранъ съ общаго одобренія Меѳодій.

Тогда утверждень былъ второй Никейскій соборъ, созванный императрицей Ириной и блаженнымъ патріархомъ Тарасіемъ и одобрены всѣ его опредѣленія. Тогда всѣ церкви возвратили свою красоту и снабжены святыми иконами; на мѣсто тѣхъ, которые

<sup>1)</sup> Acta Sanctorum, Martii, 11, p. 318

сквернили ихъ, поставлены священники и правители, придерживающіеся истиннаго ученія.

Здѣсь мы не имѣемъ всѣхъ занесенныхъ въ лѣтопись свѣдѣній о событіяхъ 842 года, но что сообщается въ словѣ на перенесеніе мощей Никифора, имѣетъ характеръ достовѣрности и выдерживаетъ сравненіе съ лучшими лѣтописными источниками. Собственно въ словѣ сообщаемыя свѣдѣнія обнимаютъ только ту группу событій, которыя касаются мѣръ, принятыхъ царицей къ возстановленію православія; по смыслу и тону эти извѣстія всего ближе соприкасаются съ данными Скилицы—Кедрина. Но нашъ источникъ независимъ отъ всей лѣтописной литературы по заключительной части, дающей ему свой опредѣленный характеръ. Онъ даетъ понять, что мѣра противъ патріарха Іоанна предпринята была во время засѣданій собора, о чемъ не даетъ подозрѣвать ни одинъ другой источникъ. Далѣе, онъ даетъ намъ ключъ къ сужденію о томъ, что происходило на соборѣ, о чемъ тоже не сообщаютъ лѣтописныя изложенія. Согласно воззрѣнію слова, отцы Константинопольскаго собора отправлялись въ своихъ сужденіяхъ и опредѣленіяхъ отъ актовъ VII вселенскаго собора. Утвердивъ опредѣленія этого собора, они и въ своихъ дѣйствіяхъ должны были сообразоваться съ тѣмъ, что происходило на VII вселенскомъ соборѣ.

Что акты VII вселенскаго собора могутъ быть привлечены въ качествѣ матеріала для возстановленія протоколовъ константинопольскаго собора 842 года, эта мысль, представляющая въ себѣ большую долю достовѣрности, утверждается главнѣйше на приведенномъ словѣ. Если принять безъ ограниченій это свидѣтельство, то нельзя не допустить и необходимыхъ заключеній, изъ него вытекающихъ. Не имѣя актовъ собора 842 года, мы имѣемъ то, что до нѣкоторой степени является замѣною ихъ, или что съ нѣкоторой вѣроятностью можетъ быть принимаемо за утраченные акты,—разумѣемъ первую часть Синодика въ недѣлю православія. Разсмотрѣнная выше литература лѣтописей оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи по отношенію къ принятымъ на соборѣ рѣшеніямъ. Синодикъ въ недѣлю православія въ существѣ есть рядъ краткихъ соборныхъ постановленій, которыя явились результатомъ дѣятельности собора 842 года. При этихъ двухъ положеніяхъ сейчасъ найденное третье получаетъ большую цѣну и важность. Если отцы собора 842 года въ своихъ рѣшеніяхъ отправлялись отъ актовъ VII вселенскаго собора, то очевидно, что, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая

касаясь почитанія святыхъ иконъ, утраченные протоколы собора 842 года должны были совпадать съ протоколами VII вселенскаго собора (въ той же части). Это заключеніе въ свою очередь ведетъ къ другому: первая часть Синодика можетъ находить себѣ подтвержденіе въ Дѣяніяхъ VII вселенскаго собора.

Изъ предыдущаго ясно, что Синодикъ, если только подтвердится его зависимость отъ актовъ VII вселенскаго собора, самъ по себѣ долженъ быть разсматриваемъ въ смыслѣ источника для изученія собора 842 года. Здѣсь необходимы сличенія и сопоставленія въ доказательство соборнаго происхожденія первой части Синодика. Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о формальномъ дѣлопроизводствѣ на соборахъ.

По Дѣяніямъ вселенскихъ соборовъ <sup>1)</sup> легко составить себѣ идею объ общей формѣ созыва и дѣлопроизводства на соборахъ. Въ разсужденіи внѣшней формы созыва соборовъ должно дѣлать различіе между соборами вселенскими и помѣстными. Для первыхъ требовались продолжительныя приготовленія, сношенія съ восточными патріархами и Римомъ, для вторыхъ этого не требовалось. Иконоборческая эпоха выработала въ этомъ отношеніи свою практику. Когда въ началѣ 815 года патріархъ Никифоръ узналъ о намѣреніи Льва Армянина вновь поднять вопросъ о почитаніи иконъ, то съ цѣлью удержать царя отъ этого шага, патріархъ собралъ соборъ изъ 270 отцовъ (епископовъ, игуменовъ и монаховъ). Весьма вѣроятно, что патріархъ Никифоръ собралъ только живущихъ въ Константинополѣ и окрестностяхъ ревнителей православія, ибо для оповѣщенія отдаленныхъ епархій онъ не имѣлъ времени. Нельзя далѣе не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ протоколахъ засѣданій соборовъ мы не имѣемъ генетическаго развитія мыслей и выработки положеній. Все заставляетъ, напротивъ, предполагать, что на соборъ вносились готовые доклады, составленные предварительно избранными на то комиссиями или отдѣльными лицами, уполномоченными къ тому. Эта система докладовъ бросается въ глаза при чтеніи Дѣяній VII вселенскаго собора. Что касается до формальнаго дѣлопроизводства, объ этомъ можно сдѣлать слѣдующія наблюденія: иконоборческій соборъ 815 года, на которомъ предсѣдательствовалъ преемникъ патріарха Никифора, Θεодотъ Касситера, рѣшалъ весь

... <sup>1)</sup> Есть русскій переводъ, сдѣланный Каванской духовной академіей.



вопросъ противъ святыхъ иконъ въ три засѣданія, при чемъ на послѣднемъ были прочтены уже готовые постановленія и отобраны подписи. Правда, мы знаемъ, что собору 815 года слѣдовало лишь возвратиться къ постановленіямъ собора 754 года, и новыхъ постановленій не предстояло дѣлать. Но все же противники православія должны были считаться съ тѣми положеніями, которыя представляемы были противъ нихъ. Само собой разуміется, еслибы собравшіеся были не подготовлены къ вопросу, то въ три дня едва ли могли придти къ рѣшеніямъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что весь матеріалъ подготовленъ былъ анагностомъ Іоанномъ, будущимъ патріархомъ, который по порученію царя занимался этимъ дѣломъ съ мая по ноябрь 814 года <sup>1)</sup>. Переноса теперь эти соображенія къ разсмотрѣнію Синодика, какъ акта постановленій собора 842 года, мы приходимъ къ тому предположенію, что и здѣсь общія идеи развиты были не отцами собора, а выработаны или въ предварительной комиссіи, или отдѣльными докладчиками. Этотъ соборъ также, по всей вѣроятности, только утвердилъ обработанный ранѣе матеріалъ, ибо опъ не могъ имѣть много засѣданій. Въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ изложеніяхъ, въ особенности въ Похвалѣ патріарху Никифору, мы имѣли случай отмѣтить ту сторону, которая объясняетъ дѣло съ формальной точки зрѣнія. Прежде всего ревнители православія получили отъ царицы разрѣшеніе собираться и разсмотрѣть вопросъ о возстановленіи иконопочитанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда же взялъ въ свои руки теоретическую подготовку вопроса будущій патріархъ Меодій, который былъ несомнѣнно въ Константинополѣ въ это время. Второе обстоятельство, отмѣченное Похвалою, рѣшаетъ всѣ сомнѣнія насчетъ самостоятельности и трудности задачи, предстоявшей какъ предварительной комиссіи, такъ и собору. Задача собора, а слѣдовательно и предварительной комиссіи и отдѣльных докладовъ, сводилась къ постановленіямъ собора 787 года: утвержденъ VII вселенскій соборъ и одобрены всѣ его опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, это единственный и правильный шагъ, какой могли сдѣлать ревнители православія: какъ иконоборцы начинали съ анаематствования VII вселенскаго собора, такъ православные должны были утвердить авторитетъ этого собора, которымъ въ свое время утверждено было православіе.

<sup>1)</sup> Прекрасныя данныя къ этому вопросу см. *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni* въ болхискомъ изд. и у Мина.

Новыхъ постановленій не приходилось дѣлать, ибо на VII вселенскомъ соборѣ тщательно собрана была литература вопроса, при томъ же онъ имѣлъ высшій авторитетъ, какъ утвержденный вселенскою церковью. Единственный новый предметъ, котораго нельзя было обойти въ 842 году, касался принятія въ нѣдра церкви раскаявшихся иконоборцевъ духовнаго чина. Практика давала и въ этомъ отношеніи твердыя правила: на VII вселенскомъ соборѣ почти не отказывали бывшимъ иконоборческимъ епископамъ въ принятіи къ единенію съ церковью, если они торжественно заявляли раскаяніе. Патріархъ Меодій былъ, кажется, въ этомъ отношеніи весьма снисходителенъ, вѣрилъ раскаянію иконоборцевъ и оставилъ ихъ на мѣстахъ. Въ свое время увидимъ, что онъ подвергся за это нареканіямъ со стороны болѣе суровыхъ Студійскихъ монаховъ. Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что акты собора 842 года должны опираться на постановленія VII вселенскаго собора, что въ нихъ нельзя искать личнаго творчества или авторства Меодія, или кого либо изъ близкихъ къ нему лицъ. Съ этой точки зрѣнія мы попытаемся сопоставить краткую редакцію Синодика съ актами VII вселенскаго собора.

Извѣстно, что VII вселенскій соборъ состоялся при императрицѣ Иринѣ. Цѣль его была въ возстановленіи православія, отвергнутаго постановленіями иконоборческаго собора 754 года. Сотрудникомъ Ирины и предсѣдателемъ на этомъ соборѣ былъ патріархъ Тарасій, при самомъ избраніи своемъ уже поставившій условіемъ—возвращеніе церкви къ иконопочитанію (784 г.). Обстоятельства подготовленія и составленія этого собора были необычны. Прежде всего потребовалось болѣе полутора года на сношенія съ представителями патріаршихъ кафедръ и на созваніе уполномоченныхъ изъ Рима и съ востока. Затѣмъ, когда соборъ открылся въ августѣ 786 года, приверженцами иконоборчества обнаружена была такая активная оппозиція, опирающаяся на расположенныя въ Константинополѣ войска, что православные принуждены были уступить угрозамъ и разойтись изъ храма св. Апостоловъ. Можно догадываться, что въ этому времени правительство достаточно убѣдилось,—въ какихъ элементахъ населенія и въ какихъ сословіяхъ преимущественно сильна оппозиція. Согласно съ этимъ принять было рядъ мѣръ, чтобы ослабить враждебную партію въ Константинополѣ. Въ высшей степени важно при этомъ историчеки отмѣтить то, что царица Ирина произвела передвиженіе военныхъ частей: бывшія въ столицѣ войска размѣстила по провинціямъ, въ Константинополѣ же приказала

явиться отрядамъ изъ провинцій. За всѣмъ тѣмъ прошелъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ Ирина рѣшилась открыть засѣданія собора въ сентябрѣ 787 года и при томъ не Константинополѣ, а въ Никее. Было всего 8 засѣданій, съ недѣльными промежутками.

Для исторіи соборовъ, и въ частности того, которымъ мы занимаемся, практика VII вселенскаго собора можетъ быть принята какъ типъ, по которому вообще складывалось какъ дѣлопроизводство, такъ и отношенія партій православной и иконоборческой. Всего интереснѣе на нашъ взглядъ отношеніе собора къ иконоборческимъ епископамъ, о которыхъ завѣдомо знали, что они при открытіи собора 786 года употребляли всѣ средства для возбужденія толпы и устрашенія правительства. Теперь, при обсужденіи вопроса о принятіи въ общеніе съ церковью иконоборческихъ епископовъ, заявившихъ готовность отречься отъ заблужденій, нѣсколько возраженій сдѣлано было лишь противъ тѣхъ, которые сильно замѣшаны были въ гоненіи противъ православныхъ, и еще представлялся довольно деликатный вопросъ объ епископѣ Неокесарійскомъ, предсѣдательствовавшемъ на иконоборческомъ соборѣ 754 года. Но какъ относительно первыхъ, такъ и послѣдняго рѣшеніе собора склонилось въ пользу принятія ихъ къ общенію и оставленію на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

На соборѣ предъявлены были далѣе матеріалы за и противъ иконопочитанія: первые взяты были изъ постановленій собора 754 года, вторые изъ отеческой литературы и изъ сочиненій защитниковъ иконопочитанія. Вся та часть Дѣявій, гдѣ предъявлялись документы и излагались положенія иконоборцевъ и иконопочитателей, имѣетъ большой историческій и литературный интересъ, такъ какъ при этомъ дѣлались ссылки на такіа сочиненія, которыя теперь уже утрачены, и такъ какъ при этомъ выяснилось, какъ иконоборцы и иконопочитатели взаимно относились къ историческимъ справкамъ и литературнымъ доказательствамъ. Есть, между прочимъ, ссылки на апокрифы, есть указанія на испорченныя или уничтоженныя сочиненія. Нѣсколько мѣстъ здѣсь не будутъ излишни въ буквальной передачѣ. Діаконъ и скевофилакъ Дмитрій заявляетъ <sup>1)</sup>: „Осматривая святую и великую церковь константинопольскую, я нашелъ тамъ утраченными двѣ книги, которыя были снабжены серебряными изображениями. При

<sup>1)</sup> *Labbe, Sacrosancta Concilia VII, p. 372; Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. VII, стр. 406 (русскій переводъ, Казань, 1873).*



жденіемъ тому служить состязаніе между царемъ Теофиломъ и братьями Теодоромъ и Теофаномъ Начертанными <sup>1)</sup>. Теофанъ привелъ одно мѣсто изъ пророчества Исаи, Теофилъ возразилъ ему, что мѣсто это не такъ читается и, раскрывъ находившуюся у него книгу, подтвердилъ справедливость сказаннаго. Теофанъ же сталъ кричать, что онъ перенортилъ и эту книгу, и всѣ другія, какія только попадались ему подъ руку; пусть, присокупилъ онъ, принесутъ ту книгу, которая находится въ патриархіи и лежитъ въ библіотекѣ на такомъ-то мѣстѣ, тогда я повѣрю. Послали за этой книгой и скоро принесли ее. Царь, развернувъ книгу, не могъ скоро попасть на нужное мѣсто, собесѣдникъ его протянулъ руку и сказалъ: нужно перевернуть три листа, и тамъ найдешь искомое мѣсто.—Лѣтописецъ разказываетъ далѣе, какъ разгнѣванный такой дерзостью царь наказалъ братьевъ.

Въ протоколахъ VII вселенскаго собора сохранился обильный матеріалъ въ защиту иконопочитанія и въ доказательство исконности обычая поклоненія святымъ иконамъ. Для отцовъ собора 842 года не предстояло необходимости вновь перерабатывать этотъ матеріалъ. Въ особенности важными для насъ оказываются протоколы 6-го засѣданія. Въ этомъ засѣданіи Левъ асикритъ сдѣлалъ предложеніе рассмотреть акты иконоборческаго собора 754 года <sup>2)</sup> и выслушать составленное уже заранѣе опроверженіе постановленій этого собора. Какъ можно догадываться, опроверженія сдѣланы были соборною комиссіей, работа которой въ общемъ была уже тогда извѣстна <sup>3)</sup>, докладъ въ этомъ засѣданіи раздѣленъ былъ между епископомъ Неоцесарійскимъ Григоріемъ и діаконами Іоанномъ и Епифаніемъ. Первый прочитывалъ, статья за статьей, опредѣленія иконоборческаго собора, послѣдніе докладывали опроверженія на каждую статью, прочтанныю Григоріемъ. Но послѣ сличенія этой части протоколовъ VII вселенскаго собора съ Синодикомъ нельзя не придти къ заключенію, что въ послѣднемъ мы имѣемъ не воспроизведеніе опредѣленій VII собора, а сокращенное ихъ изложеніе. Слѣдовательно, никакъ нельзя допустить безъ значительныхъ оговорокъ ту мысль;

<sup>1)</sup> *Theophanis Contin.* III, с. 14.

<sup>2)</sup> *Labbe*, VII, р. 392: τήμερον δὲ μετὰ χειρας ἔχομεν αὐτῶν τῶν χριστιανοκατηγόρων τὴν ἐγγραφοὺν βλασφημίας, ἣν οὐκ ἄλλοκοτον καὶ ἐναντίαρεπτον καὶ αὐτέλεχτον ὄρον τοῦ ψευδοσυλλόγου.

<sup>3)</sup> ἀλλὰ καὶ τὴν ἐντεχνον καὶ ἑρατικωτάτην αὐτοῦ ἀνατροπὴν, ἣν τὸ πνεῦμα τὸ Ἅγιον παρέχετο: ἔδει γὰρ αὐτὸν ἠριαμβευθῆναι σοφαῖς ἀντιρρήσεσι καὶ σπαραχθῆναι ἰσχυραῖς ἀναλύσεσι, ἣν καὶ ὑποβάλλωμεν πρὸς τὸ παριστάμενον.

что соборъ 842 года ограничился утвержденіемъ и принятіемъ опредѣленій VII вселенскаго собора. Въ дошедшей до насъ редакціи Синодика замѣчается частію личное творчество, частію выборъ матеріала изъ соборныхъ актовъ. Предлагаемый ниже подробный анализъ содержанія Синодика дастъ намъ случай возвратиться къ этому вопросу, здѣсь же достаточно отмѣтить тѣ положенія, которыя несомнѣнно представляются дословно заимствованными изъ актовъ VII вселенскаго собора. Само собой разумѣется, вонервыхъ, сюда относятся имена иконоборцевъ, отлученныхъ отъ церкви; восторыхъ, имена подвижниковъ православія, которые поминаются съ провозглашеніемъ вѣчной памяти; наконецъ, втретьихъ, нѣсколько общихъ положеній противъ иконоборцевъ, неоднократно повторенныхъ на VII вселенскомъ соборѣ и неизмѣнно появляющихся во всѣхъ спискахъ Синодика. Сюда относятся анаеematствованія, произнесенныя на седьмомъ и восьмомъ засѣданіи собора 787 года, имѣющія общій характеръ <sup>1)</sup>: ἄλλοις τοῖς αἰρετικοῖς;—τῷ φροαξαμένῳ συνεδρίῳ κατὰ τῶν σεπτῶν εἰκόνων;—τοῖς ἐκλαμβάνουσι τὰς καρὰ τῆς θείας γραφῆς ῥήσεις κατὰ τῶν εἰδῶλων εἰς τὰς σεπτὰς εἰκόνας. Лишь подъ однимъ условіемъ можно припаять мысль о тѣсной зависимости первой части Синодика отъ актовъ VII вселенскаго собора, если предположить, что первоначальная редакція этой части, составленная въ 842 году, была короче, чѣмъ та редакція, въ которой Синодикъ дошелъ до насъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что Синодикъ, по самой цѣли своей служить знаменемъ церкви торжествующей, имѣлъ постоянную тенденцію развиваться и обновляться въ обѣихъ своихъ составныхъ частяхъ: положительной и отрицательной, то-есть, какъ въ той, гдѣ провозглашается вѣчная память, такъ и въ той, гдѣ произносится анаеема. Нароставшіе элементы распознаются по несомнѣннымъ признакамъ: это—имена лицъ, жившихъ послѣ эпохи утвержденія православія; распространение Синодика объясняется также привнесеніемъ въ него мѣстныхъ епархіальныхъ элементовъ. Принявъ это въ соображеніе, можно допустить, что Синодикъ находился въ постоянномъ процессѣ развитія и пополненій, и что древнѣйшая дошедшая до насъ редакція его, относящаяся къ XI вѣку, уже не совпадаетъ съ первоначальною, современною торжеству православія. Чтобы хотя до нѣкоторой сте-

<sup>1)</sup> Labbe, VII, p. 576, 592; Дьякия (русскій перев.), VII, стр. 610, 627—628, и последующія четыре или пять положеній, которыя будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ.

пени возсоздать эту послѣднюю, мы можемъ сослаться на протоколы собора 869 года, бывшаго при патриархѣ Фотіи. Въ засѣданіи восьмомъ этого собора обсуждался, между прочимъ, вопросъ о новыхъ иконоборцахъ, имена отлученныхъ отъ церкви въ 869 году присоединены къ тѣмъ, которые отлучены были въ 842 году. При этомъ діаконъ и нотарій Стефанъ отъ лица собора произнесъ тѣ статьи аносематствованія, которыя мы находимъ въ протоколахъ VII вселенскаго собора и въ Синодикѣ <sup>1)</sup> и которыя, очевидно, нужно считать основными и несомнѣнно принадлежащими къ древнѣйшей редакціи.

Разсмотрѣніе лѣтописной традиціи о соборѣ 842 года приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ сохранившихся изложеніяхъ, относящихся большей частью къ X вѣку, недостаетъ живаго и нагляднаго представленія объ общемъ ходѣ дѣлъ по смерти царя Теофила. Съ значительными затрудненіями удастся отыскать только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи событій, восстановить же причинную связь и послѣдовательность между фактами оказывается невозможнымъ. При такомъ состояніи источниковъ пельзя являгать исторію собора 842 года, а можно лишь ограничиться подведеніемъ итоговъ изъ разбора лѣтописной традиціи.

Починъ въ церковной реформѣ принадлежалъ византійскому духовенству, которое при посредствѣ регента Мануила нашло возможнымъ дѣйствовать на царицу, приводя ей на видъ политическіе и религіозные мотивы въ пользу восстановленія православія. Убѣжденная доводми Мляуила и совѣтами родственниковъ, Теодора поручила приверженцамъ реформы выработать проектъ восстановленія православія. Когда выяснилось при обсужденіи этого проекта (τὰ κερὶ ὀρθοδοξίας προβλήματα τε καὶ δογματά), что иконоборческая партія бездѣйствуетъ и не можетъ быть опасною, предпринять былъ смѣлый шагъ противъ патриарха Іоанна VII. Приверженцы реформы отправили къ царицѣ петицію, которая для нея послужила мотивомъ къ мѣрамъ противъ иконоборческаго патриарха. Можно думать, основываясь на аналогіяхъ въ исторіи патриарховъ Игнатія и Фотія, что процессъ патриарха Іоанна былъ ранѣе собора, восстановившаго православіе, ибо иначе къ патриарху была бы отправлена соборная коммиссія, а не друнгарій Константинъ со стражей. Меѳодій возведенъ въ патриархи послѣ низверженія Іоанна, и подъ его предсѣдатель-

<sup>1)</sup> Labbe, VIII, p. 1357: Τῆ φραζαμένῃ συνεδρίῳ κατὰ τῶν σεπτῶν εἰκόναυ; τοῖς ἐκλαμβάνουσι τὰς γραφικὰς ῥήσεις κατὰ τῶν εἰδῶλων εἰς τὰς σεπτὰς εἰκόνας, κ. слѣд.

ствомъ состоялся соборъ, возстановившій православіе. Соборъ не имѣлъ нужды въ многочисленныхъ засѣданіяхъ, ибо матеріалы для него подготовлены были на совѣщаніяхъ во дворцѣ каицлера Оео-ктиста, при томъ же какъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ, такъ и на соборѣ предстояло только выбрать статьи въ опроверженіе иконоборцевъ изъ актовъ VII вселенскаго собора. Отцамъ встрѣтилось, однако, важное затрудненіе по отношенію къ имени недавно умершаго царя Теофила. Какъ иконоборецъ, Теофилъ долженъ былъ подвергнуться церковному отлученію на ряду со своими предшественниками, но естественное чувство уваженія къ мужу и отцу Михаила III, именемъ котораго царствовала Теодора, препятствовало ей подписать соборное опредѣленіе, въ которомъ произнесена анаѳема Теофилу. Но всей вѣроятности, имя Теофила не подвергалось на соборѣ отлученію; изъ уваженія къ царицѣ отцы собора принуждены были пройти молчаніемъ это имя. Въ лѣтописяхъ отмѣченъ этотъ фактъ дарованія Теофилу соборной амнистіи, но недостаточно выясненъ и обставленъ. Повдѣйшая традиція съ любовью занялась этимъ сюжетомъ и развила его въ связный и послѣдовательный разказъ. Таковы въ общихъ чертахъ довольно скудные результаты, какіе мы могли получить изъ разсмотрѣнія лѣтописи. Но есть возможность расширить область изученія занимающаго насъ вопроса посредствомъ ознакомленія съ лицами, принимавшими участіе въ событіяхъ 842 года.

Періодъ иконоборчества, блѣдно изображенный въ лѣтописи, имѣетъ рядъ героев и безстрашныхъ борцовъ за православіе, имена которыхъ окружены ореоломъ святости. Довольно богатая литература житій, посвященная подвигамъ ревнителей православія, не могла не касаться утвержденія православія въ 842 году и не выставлять заслуги и такихъ лицъ, о которыхъ мало знаетъ лѣтописецъ. Нельзя, конечно, предъявлять къ жизнеописаніямъ святыхъ тѣхъ же требованій, какъ къ лѣтописи, и ожидать отъ нихъ пополненія фактическаго матеріала, но мы замѣтили при изученіи агиографической литературы занимающаго насъ періода ту особенность, что она стремится къ переработкѣ самаго фактическаго матеріала, переданнаго лѣтописью X вѣка, и вліяетъ на лѣтописныя изложенія XI и XII вв. Съ этой точки зрѣнія литература житій не можетъ не представлять своего интереса.

Синодикъ воздастъ провозглашеніе вѣчной памяти слѣдующимъ лицамъ, кромѣ царей, царицъ, патріарховъ и епископовъ: Теодору Студиту, Теофану Великія Ограды, Исаакію чудотворцу, Іоанникію



пророчественному, Иларіону Далматскому, Симеону Стилиту. Въ житіяхъ святыхъ принимаютъ участіе въ подготовленіи торжества православія и присутствуютъ на соборѣ 842 года подвижники: Іоанникій и Арсакій, ученики Θεодора Студита, затворникъ Исаія, Θεοφανъ исповѣдникъ, Михайлъ Святоградецъ, Θεοφанъ и Θεοдоръ Начертанные и многіе другіе. Лѣтопись приписываетъ заслугу возстановленія православія царцѣ Θεοдорѣ, членамъ регентства Мануилу и Θεοκτισту и патриарху Меѳодію, агиографія выставляетъ рядъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей, которымъ приписываетъ починъ и вліяніе на самого Меѳодія. Агиографическая литература выдвигаетъ затѣмъ новые элементы въ изложеніи обстоятельствъ утвержденія православія; съ теченіемъ времени этими элементами воспользуется лѣтопись и поставитъ ихъ рядомъ съ фактами, переданными лѣтописцами X вѣка.

Первое мѣсто въ ряду житій должно быть отдано жизнеописанію царицы Θεοдоры. До сихъ поръ извѣстное житіе Θεοдоры <sup>1)</sup>, какъ составленное на основаніи лѣтописной и житійной литературы позднѣйшаго времени, не можетъ идти въ сравненіе съ новымъ, открытымъ В. Э. Регелемъ и печатаемымъ въ изданіяхъ Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ <sup>2)</sup>. Это житіе составлено въ IX вѣкѣ, что можно заключать изъ прямыхъ указаній автора на современность его съ описываемыми лицами; къ тому же заключенію приводитъ и особенная близость житія съ лѣтописными изложеніями, свидѣтельствующая о томъ, что надъ авторомъ не возобладалъ еще тотъ матеріалъ, который развитъ въ позднѣйшей агиографической литературѣ. Жизнеописатель, вмѣстѣ съ лѣтописными извѣстіями, выставляетъ царицу Θεοдору ревностною христіанкой и тайной почитательницей иконъ. Она боялась только гнѣва и жестокостей своего мужа, который жестоко преслѣдовалъ иконопочитателей. Вмѣстѣ съ другими приверженцами православія она ожидала только благопріятнаго времени, чтобы заявить о своемъ образѣ мыслей. Между переданными православію отличались въ то время: Іоанникій, получившій даръ предсказанія, Никифоръ патриархъ, Θεοдоръ игумень Студійскаго монастыря, Меѳодій исповѣдникъ, Михайлъ равноангельный и великій исповѣдникъ Θεο-

<sup>1)</sup> *Acta sanctorum*, Febr., XI, p. 554.

<sup>2)</sup> *Vita s. Theodoraе Imperatricis*. Благодаря особенной любезности г. Регеля, предоставившаго въ наше распоряженіе корректурные листы, мы имѣли возможность ознакомиться съ этимъ житіемъ раньше выхода въ свѣтъ изданія Академіи Наукъ.

фанъ <sup>1)</sup> Великія Ограды, братья Θεодоръ и Θεοφάνη Начертанные и многіе другіе.

О ближайшихъ обстоятельствахъ, стоящихъ въ связи съ возстановленіемъ православія, почерпнаемъ въ житіи Θεодоры слѣдующее. Нечестивый и коварный Θεοφίλῃς впалъ въ дисентерію <sup>2)</sup> и отъ нея умеръ такимъ образомъ.

Передъ смертію у него открылись уста, такъ что видны были внутренности; царица плакала, а онъ страшно мучился. Разъ, не много забывшись во снѣ, царица увидѣла Богородицу съ младенцемъ на рукахъ, окруженную сонмомъ ангеловъ, которые немилостиво были и поругались надъ царемъ Θεοφίλωμῃς ради св. иконъ, что продолжалось довольно долгое время. Царь Θεοφίλῃς, безпокойно двигая головою, проговорилъ съ усиленіемъ: увы мнѣ, несчастному, за иконы я мучуюсь и истязуюсь! И было страшно это слышать предстоящимъ и плачущимъ. Между ними былъ и канцлеръ Θεοκτίστῃς; у него, когда онъ въ смятеніи побѣжалъ, выпалъ изъ-за пазухи крестъ, носимый имъ тайно. Царь, увидѣвъ цѣпочку, висающую на шеѣ его, и на ней изображеніе всевышняго, сталъ указывать на него пальцемъ, желая чтобы Θεοκτίστῃς приблизился. Тотъ въ страхѣ побѣжалъ прочь, но его задержали и подвели къ царю. Всѣ думали, что царь велитъ вырвать его волосы <sup>3)</sup>, но онъ схватился пальцемъ за цѣпочку и прилекъ крестъ къ устамъ своимъ. Когда же онъ лобызалъ изображеніе Спасителя, вдругъ соединились уста его и лицо приняло прежній видъ и прекратились стоны и мученія. Вскорѣ онъ уснулъ, исповѣдуя спасительность почитанія св. иконъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ въ мирѣ <sup>4)</sup>.

О возстановленіи православія изложено въ общихъ чертахъ, и при томъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ изложеніе Г. Амартола.

Царь же Михаилъ <sup>5)</sup>, принявъ отеческое царство вмѣстѣ съ матерью Θεοδορίῃ, богоненавистную и душевредную иконоборческую ересь сокрушилъ и предалъ анаѳемѣ, боголюбивую же и богоустановленную, святую и душеспасительную вѣру утвердилъ и дерзновенно про-

<sup>1)</sup> ὁ τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ.

<sup>2)</sup> Vita, p. 9, 21: δύο καὶ δεκά χρόνους καὶ μῆνας τρεῖς τῆς βασιλείας κρατήσας, δυσεντερικῇ νόσῳ περιπεσὼν τὸν τῆδε μεθῆλλε βίον.

<sup>3)</sup> Vita, p. 10: καὶ τῶν μὲν νομισάντων, ὅτι τὰς τρίχας αὐτοῦ τίλαι κελεύει.

<sup>4)</sup> Vita, p. 11. 8: τούτων δὲ οὕτως προβάτων, μετὰ τινος ἡμέρας ἀποκνεύσας ὁ βασιλεὺς Θεοφίλος ἐχοιμήθη ἐν εἰρήνῃ.

<sup>5)</sup> πάντα ἡμῶν ἐτῶν ὑπάρχων.

возгласилъ по созволенію и внушенію честной и святой своей матери Θεодоры. Итакъ, по божественной волѣ и царскому повелѣнію, въ присутствіи всѣхъ святыхъ и православныхъ отцовъ, подвижниковъ и исповѣдниковъ, злая ересь нечестивыхъ иконоборцевъ тщательно изобличена и суетныя ея ученія опровергнуты, свобода же и православіе возсіяло во всей вселенной. И вредоносныя звѣри уничтожены и слово православія возсіяло всему міру... въ первую недѣлю святаго поста—по волѣ православныхъ и великихъ царей и преблаженныхъ отцовъ: Іоаннікія и Арсакія, Исаія и Меѳодія и другихъ многихъ, собранныхъ для этого.

Тогда же съ безчестіемъ ниводится съ престола начальникъ и учитель ереси Іоаннъ и предается проклятію вмѣстѣ съ единомышленниками его, возводится же по благодати божіей и по общему избранію всѣхъ православныхъ Меѳодій, блаженный исповѣдникъ и борецъ православія, который все ухищреніе діавола на святыхъ иконы и все суесловіе ересіарховъ и учениковъ ихъ ясно обличивъ и опровергнувъ, утвердилъ и укрѣпилъ православную нашу вѣру <sup>1)</sup>, за что претерпѣлъ многія и другія преслѣдованія и опасности, и тяжелыя стѣсненія и наказанія отъ иконоборцевъ и отъ коварнаго Θεофила... По царскому повелѣнію возвращены были всѣ и освобождены отъ узъ въ изгнаніи бывшіе и въ жестокихъ оковахъ томившіеся отцы и монашествующіе и не малое число благочестивыхъ мірянъ, которыхъ нечестивый Θεофилъ присудилъ къ изгнанію, отпавъ имущество ихъ, а иныхъ, подвергнувъ наказаніямъ, заключилъ въ темницы.

Боголюбивая же царица Θεодора, видя православную вѣру христіанскую цвѣтущую и сіяющую, радовалась и веселилась; сорадовался ей и Θεоктистъ логооетъ и канцлеръ, жаркій ревнитель православної вѣры <sup>2)</sup>, а къ нему былъ враждебно расположенъ вesarь Варда братъ царицы, который и убилъ его безвинно.

Хотя въ жизнеописаніи царицы Θεодоры нельзя указать новыхъ данныхъ въ дополненіе нашихъ свѣдѣній о соборѣ 842 года, за то

<sup>1)</sup> Vita, p. 13. 8: ὅτις πᾶσαν τοῦ διαβόλου, τοῦ αἰὲ βλακαίνοντος τὸ γένος ἡμῶν τὴν ὀλίθριον κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων μεθοδεῖαν καὶ τὴν βέβηλον κενοφωνίαν τῶν αἴρεσιάρχων καὶ φρισητῶν τῆς ἐκείνων κακονομίας καὶ φρενοβλαβείας ἄριστα καὶ σαφέστατα ἀνατρέψας καὶ διελέγξας.

<sup>2)</sup> Vita, p. 14. 17: συνέχαιρα δὲ καὶ συνεκρόται ἐπὶ τούτοις τῇ αὐγούστῃ καὶ Θεόκτιστος ὁ λογοθέτης, ὁ καὶ κανίχλειος, θερμὸς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως ζηλωτὴς τυγχάνων.

встрѣчаемъ здѣсь новыя черты, касающіяся обращенія Теофила къ православію. Какъ извѣстно, предсмертное раскаяніе Теофила и принятія Θεодорой мѣры къ очищенію памяти своего мужа составляютъ весьма излюбленный мотивъ въ сказаніяхъ позднѣйшаго времени объ утвержденіи православія. Не можетъ быть сомнѣнія, что обработка этого мотива имѣетъ свое начало въ литературѣ житій. У Скилицы-Кедрина замѣтны только слѣды знакомства съ мотивами, развиваемыми въ житіяхъ; у лѣтописца Зонары говорится уже о просьбѣ царицы Θεодоры, обращенной къ отцамъ собора, чтобы они помолились о спасеніи души Теофила <sup>1)</sup>. То обстоятельство, что въ древнѣйшемъ жизнеописаніи, каково приведенное, говорится о предсмертномъ раскаяніи Теофила, служитъ доказательствомъ, что объ этомъ предметѣ стали ходить сказанія уже въ IX вѣкѣ.

Было бы слишкомъ самонадѣнно съ нашей стороны утверждать, что мы исчерпали литературу житій, относящихся прямо или косвенно къ періоду утвержденія православія. Большинство приводимыхъ въ Синодидѣ и житіяхъ лицъ, принимавшихъ такъ или иначе дѣятельное участіе въ событіяхъ 842 года, имѣютъ отношеніе къ Студійскому монастырю и прямо называются учениками Θ. Студита. Жизнь этого замѣчательнѣйшаго бойца воинствующей церкви достойна всесторонняго изученія и можетъ быть привлекательною темой для ученой диссертациі <sup>2)</sup>. Θ. Студитъ по своей непримѣрной энергіи и громадному вліянію во всѣхъ слояхъ общества является весьма характернымъ представителемъ монашествующаго духовенства. Своими письмами, рѣчами и бесѣдами онъ постоянно держалъ въ напряженіи партію иконоборцевъ и питалъ надежды на лучшее будущее въ слабѣвшихъ подъ гнетомъ преслѣдованія иконопочитателяхъ. Съ духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ онъ велъ открытую дипломатическую борьбу, апеллируетъ къ суду римскаго папы и признавая въ немъ верховнаго судью въ церковныхъ дѣлахъ <sup>3)</sup>. Изъ византійскаго монашества онъ желалъ бы сдѣлать полное силы и жизненной энергіи учрежденіе, такъ какъ отдавалъ предпочтеніе тѣмъ, которые подвизаются на жизненномъ поприщѣ, передъ тѣми,

<sup>1)</sup> *Zonaras*, ed. Dindorf, IV, lib. XVI, c. I.

<sup>2)</sup> Его жизнь и сочиненія изданы у *Angelo-Mai*, *Nova Patrum Bibliotheca*, t. VI, p. 293; t. VIII (новыя письма); t. IX, появившіеся въ 1888 году, заключаютъ въ себя проповѣди.

<sup>3)</sup> *Nova PP. Bibliotheca*, IX, p. 36—37 (κατήχησις 15).

кто пустынно-жительствоуетъ и спасается въ горахъ <sup>1)</sup>). Слова и рѣчи Θ. Студита были событiемъ и быстро разносились съ одного конца имперiи на другой. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: Недавно я говорилъ вѣчто о тайнственномъ и сейчасъ же распространилось мое слово отсюда до Константинополя, оттуда до Пруссѣиспо мнѣ и говорящему и молчащему! <sup>2)</sup>). Особенность направленiя Θ. Студита должна была создать особенную школу среди его учениковъ и почитателей. Въ высшей степени любопытно обстоятельство, отмѣченное въ его жизнеописанiи <sup>3)</sup>), что изъ-за устава Θ. Студита была борьба между монашествомъ. Одна часть стояла за авторитетъ Студита, другая не признавала его. Такъ какъ въ данномъ случаѣ протестъ идетъ со стороны сиракузскаго духовенства, то мы имѣемъ здѣсь, можетъ быть, намекъ на партiи, заявившiя себя при патриархахъ Меѳодiѣ и Игнатiѣ.

Дѣятельное участiе учениковъ и почитателей Θ. Студита въ эпоху восстановленiя православiя весьма выразительно отмѣчается въ литературѣ житiй. Здѣсь слѣдуетъ напомнить тотъ мотивъ, слабо намѣченный въ лѣтописи, что инициатива въ дѣлѣ восстановленiя православiя принадлежала регенту Мануилу, который подъ влиянiемъ студiйскихъ монаховъ, исцѣлившихъ его отъ болѣзни-неоднократно дѣлалъ представленiя царицѣ о необходимости возстановленiя православiя. Этотъ мотивъ, будучи, по всей вѣроятности-замыслованъ въ житiй, развитъ въ агiографической литературѣ, и именно—въ чудесахъ, приписываемыхъ подвижникамъ Студiйскаго монастыря. Такъ, въ жизнеописанiи Николая Студита сообщается чудо, содѣянное святымъ надъ патрищемъ Мануиломъ. Разъ Мануиль, приговоренный врачами къ смерти, обратился за помощiю къ святому. Этотъ предсказалъ ему выздоровленiе и присовокупилъ, что

<sup>1)</sup> *Ibidem*, p. 93: Ἐχέτω οὖν ὁ πατήρ Ἰωαννῆσιος σὺν ταῖς ὑποταγαῖσι τὴν ἐρημίαν καὶ τὴν ὄρεινὴν οὐ στέργει τὴν ὑποταγὴν καὶ τὴν ξενίαν. Ἐκεῖνος ἐν τῷ νῦν καιρῷ οὐ δεδιώκεται, οὐ δὲ δεδιωγμένος ἐνεκεν δικαιοσύνης... τοούτους ζήλου καὶ μὴ τοῦς ἐρημικοῦς.

<sup>2)</sup> *Nova PP. Bibl.*, IX, p. 274: καὶ στενά μοι ἐκατέρωθεν καὶ λαλοῦνσι καὶ μὴ λαλοῦνσι.

<sup>3)</sup> *Ibid.*, t. VI, c. 56. См. также Творенiя св. отца нашего преподобнаго Θ. Студита, перев. съ греческаго С.-Пб. дух. академiи. С.-Пб. 1867, т. 1, стр. 81. По взгляду почитателей его, Θεοδὸρὸς Студιτῆς есть „одинъ изъ апостоловъ Христовыхъ и богодарованный учитель вселенской церкви“.

его ожидаетъ высокая служебная карьера <sup>1)</sup>. Подобная же черта отмѣчена въ жизни  $\Theta$ . Студита. Благодать исцѣленія здѣсь сообщена, впрочемъ, Вардѣ, брату царицы Теодоры, когда онъ былъ военачальникомъ на востокѣ <sup>2)</sup>.

Въ литературѣ житій отмѣченъ, далѣе, тотъ фактъ, что святыи подвижникамъ на Олимпѣ открыто было заранѣе имѣющее вскорѣ послѣдовать возстановленіе православія <sup>3)</sup>, вслѣдствіе чего онѣ, по внушенію свыше, отправились въ Константинополь и разказали о видѣніи патриарху Меоодію, убѣждая его принять зависящія отъ него предварительныя мѣры. Здѣсь благочестивыя сказанія сосредоточиваются около имени пророчесвеннаго Іоанникіи и Арсакіи. Первому приписывается даръ предсказанія во многихъ случаяхъ. Онъ предсказалъ Игнатію возведеніе его въ высшій духовный санъ <sup>4)</sup>; святой Иринѣ, посѣтившей его на пути въ Константинополь, предсказалъ онъ поступленіе въ иноческій санъ <sup>5)</sup>, что въ особенности свидѣтельствовало объ его дарѣ прозрѣнія, такъ какъ Ирина была вызвана по царскому приказу, повелѣвавшему явиться въ Константинополь всѣмъ знатнымъ и красивымъ дѣвцамъ для выбора изъ нихъ невѣсты царю Михаилу.

Въ житіяхъ, наконецъ, глашійше развитъ съ особенными подробностями едва намѣчаемый въ лѣтописи мотивъ о предсмертномъ раскаяніи и посмертномъ прощеніи Теофила. Мы видѣли уже развитіе его въ жизнеописаніи царицы Теодоры, встрѣчаемъ его также въ жизни святой Ирины <sup>6)</sup>. Окончательную обработку получилъ этотъ мотивъ уже въ синаксаряхъ.

<sup>1)</sup> Acta Sanctorum, Februarii, t. I, p. 550. Николай сказалъ: magistratum praefecturae Dei munere administraturus sis.

<sup>2)</sup> Nova PP. Bibl., VI, c. 45, 46. Творенія  $\Theta$ . Студита, I, стр. 69—71.

<sup>3)</sup> Греческіе и русскіе синаксари; объ нихъ будетъ ниже.

<sup>4)</sup> Мудридская Национальная Библи. Cod. O. 29 fol. 43: 'Από τοῦ ἐγκωμίου τοῦ εἰς τὸν ἅγιον Ἰγνατίου τὸν γέγονότα πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως συντεθέντος: παρά Μιχαὴλ μοναχοῦ καὶ συγγέλλου. — Οὐ διέλιπε ἑμιλῶν (то-есть, Игнатіи) διορατικῶ Ἰωαννικίῳ καὶ τῇ θεωματοουργῇ καὶ ὁμολογητῇ Θεοφάνῃ τῇ τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ, εἰ καὶ ἀρχιερεὶα τοῦτον γενήσασθαι προσφήτησαν, ὃ δὴ καὶ γέγονε.

<sup>5)</sup> Acta Sanctorum, Iulii, t. VI (dies XXVIII), c. 6, 7.

<sup>6)</sup> Ibid., c. 4 и 5. Сказанъ кратко о возстановленіи православія, авторъ житія отмѣчаетъ въ немъ только внѣшнюю сторону — установленіе торжественной литіи. Теодора, желая освободить мужа отъ адскихъ мученій, созываетъ отцовъ и проситъ ихъ разрешить его. Отцы написали ему Теофила вѣстѣ съ другими еретическими именами и по истеченіи дней молитвъ открыли τὸν τόρον и не нашли въ немъ имени Теофила.

Говоря объ окончательной обработкѣ сейчасъ указаннаго мотива, мы имѣемъ въ виду распространеннаго сказанія, развивавшіяся отдѣльно отъ лѣтописи и отъ житій и посвященныя исключительно обращенію Теофила. На греческомъ лучшимъ представителемъ этихъ сказаній являются тексты, издаваемые В. Э. Регелемъ <sup>1)</sup>. По этимъ сказаніямъ оказывается, что сама царица Теодора въ послѣдніе часы жизни Теофила, открывъ кивотъ, гдѣ у ней были крестъ и образъ Богоматери, заставила Теофила, противъ воли его, приложиться къ нимъ. Затѣмъ мадридскій списокъ выставляетъ участіе пустынниковъ въ дѣлѣ восстановления православія. Іоанникій, Арсакій и Исаія, по внушенію свыше, пошли въ Константинополь и побудили Меоодія свергнуть еретиковъ и восстановить православіе <sup>2)</sup>.

О восстановленіи православія сообщается слѣдующее. Смерть Теофила еще не лишила преобладанія иконоборческую партію. Но Меоодій съ благочестивыми епископами рѣшается обратиться къ Теодорѣ съ просьбой о восстановленіи честныхъ иконъ, и Богъ устроилъ такъ, что это было хорошо въ двойномъ смыслѣ: содѣйствовало спасенію Теофила и публичному выраженію православныхъ чувствъ царицы, которыя она доселѣ скрывала. Ибо когда Меоодій униженно просилъ царицу возвратитъ церкви ея благолѣпіе, Теодора отвѣтила ему: „православныя твои мысли, святой отецъ, я хорошо знаю; да будетъ же тебѣ извѣстно, что я сама отъ предковъ научена поклоненію святыхъ иконъ“,—и сейчасъ же вынимаетъ изъ-за пазухи крестъ и изображение Богоматери и предъ всѣми лобызаетъ ихъ. Отличіе мадридскаго пересказа заключается только въ томъ, что въ немъ обращеніе Меоодія къ царицѣ обусловлено предварительнымъ воядѣйствіемъ на самаго Меоодія со стороны означенныхъ выше пустынниковъ.

Заявивъ публично свою преданность иконопочитанію, царица обращается съ своей стороны съ просьбою къ патріарху: помолитесь

<sup>1)</sup> Въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Тексты издаются по двумъ спискамъ, найденнымъ въ Лондонѣ и Мадридѣ. Διίγησις ψυχωφελής πάνυ περί Θεοφίλου τοῦ βασιλέως, ὅπως ὁ φιλόνητος καὶ πολυεύσπλαγχνος Θεός—συγγνώμην δίδωκεν τῷ αὐτῷ Θεοφίλῳ καὶ ἄρεσιν ἀμαρτιῶν.

<sup>2)</sup> τοιγαροῦν τὸ τηρικαῦτα ἐκ θείας ἐλλάμψεως ἐφάνη τῷ δαίφ καὶ μεγάλφ Ἰωαννικίφ φιλοσοφοῦντι ἐν τοῖς ὄρεσι τοῦ Ὀλύμπου ὁ ἅγιος Ἀρσακίος... λέγων πρὸς αὐτὸν ὁ Θεός... παρακαλεῖται σοι δι' ἐμοῦ παραγενέσθαι ἐν τῷ κύρῳ Νικομηδείας — πρὸς τὸν ἐχλεκτὸν αὐτοῦ θεράποντα Ἠσαΐαν, ὅπως τὰ τῷ Θεῷ φίλα καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἀρόβ-ζοντα οἱ ἀμφοτέρωι σὺν ἐμοῖ τελήσητε (p. 24—25).

Господу, чтобы онъ простилъ Теофилу его прегрѣшенія, въ особенноти его поруганіе св. иконъ. Мессодій обѣщается назначить постъ и молитву и просить также саму царицу распорядиться о томъ же по всему дворцу. Затѣмъ въ Великой церкви собраны были епископы и монахи и пустынники, между послѣдними Іоаннѣй изъ Олимпа <sup>1)</sup>, Теодоръ исповѣдникъ и игуменъ Студійскій и Теофанъ исповѣдникъ и игуменъ Великаго поля, Михаилъ исповѣдникъ и синкеллъ агіополить, Теодоръ Граптъ и Теофанъ митрополить Никійскій, поэтъ и Граптъ. Всѣ они предались общей молитвѣ и бдѣнію съ постомъ въ первую седмицу св. четырехдесятницы, умоляя Бога простить царя Теофила <sup>2)</sup>. Тоже самое исполнила во дворцѣ Теодора. Наконецъ, въ концѣ первой седмицы, когда пришло утро пятницы, царица въ утомленіи заснула. Ей привидѣлся сонъ: будто она стоитъ на форумѣ близъ колонны Константина и видитъ большую толпу народа, спѣшно проходящую по площади; у многихъ въ рукахъ были различныя орудія пытки, и среди толпы находится обнаженный со связанными назадъ руками и подгоняемый ударами бича Теофилъ. Признавъ его въ этомъ ужасномъ положеніи, царица будто пошла за нимъ съ плачемъ и, прошедши Мѣдныя ворота, увидала мужа вѣселаго великаго и страшнаго, сидящаго на тронѣ передъ страшнымъ и святымъ образомъ Господа нашего І. Христа. Приведши сюда Теофила, поставили его передъ этимъ мужемъ, а царица упала къ ногамъ воссѣдающаго на тронѣ и умоляла его за своего мужа. Послѣ того какъ она много убивалась и плакала, страшный этотъ мужъ сказалъ: „о, жена! велика вѣра твоя, за твои слезы и вѣру и за просьбы іереевъ моихъ дамъ прощеніе Теофилу мужу твоему“. И тотчасъ же приказалъ предстоящимъ и державцамъ Теофила ангеламъ: „развяжите его и отдайте женѣ его“. Она же взяла и ушла въ радости.—Таковъ былъ сонъ. Между тѣмъ св. Мессодій въ началѣ молитвъ съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующій опытъ. Вписавъ въ книгу имена всѣхъ еретическихъ императоровъ и присоединивъ къ нимъ имя Теофила, онъ положилъ эту книгу на святой престолъ подъ покровъ. Сдѣлавъ это, во время молитвы разъ видитъ во снѣ ангела говорящаго ему: „услышана молитва твоя и прощеніе получилъ Теофилъ, не утруждай болѣе этимъ Бога“. Патриархъ,

<sup>1)</sup> Мандр.: съ Арсикиемъ.

<sup>2)</sup> Р. 32: ἵκτοτα οὖν καὶ μέχρι τῆς δευτέρας ἑξήτησας αἱ πανουχίδαι ἐν τῇ μετρητῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ τῇ πρώτῃ ἑβδομάδι τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς.



пробудившись и желая убѣдиться въ видѣніи, взялъ съ престола книгу, открылъ ее и нашелъ въ ней имена всѣхъ еретиковъ, но тамъ, гдѣ было написано имя Теофила, осталось пустое мѣсто. Это чудо скоро распространилось по всему городу и всѣ славили Бога. Теодора послѣ того еще болѣе увѣрилась въ прощеніи Теофила.

Въ концѣ заключается очень важное сообщеніе о празднованіи возстановленія иконъ.

Царица повелѣла патриарху Меѳодію дать всѣмъ знать о послѣдовавшихъ ему и ей откровеніяхъ Божіихъ и оповѣстить всѣмъ православнымъ: митрополитамъ, архіепископамъ, игуменамъ, клирикамъ и свѣтскимъ людямъ, чтобы они собрались въ Великую церковь съ честными крестами и святыми иконами въ первое воскресенье поста. И когда это было исполнено, и безчисленное множество народа собралось въ Великой церкви, прибылъ и самъ царь Михаилъ со святою и православной своей матерью и со всѣмъ синклитомъ, каждый держа въ рукѣ царскую свѣчу. Потомъ патриархъ и всѣ собравшіеся съ пѣніемъ лѣтіи пошли отъ св. престола съ крестомъ и евангеліемъ къ царскимъ вратамъ, называемымъ Ктенаріевыми <sup>1)</sup>, и, совершивъ здѣсь ектезію, съ молитвою и возгласами „Господи помилуй“ возвратились въ святой храмъ съ радостію великою и веселіемъ, для совершенія божественной литургіи. Такъ возстановлено было поклоненіе святымъ иконамъ во храмѣ Божіемъ. Благочестивѣйшіе цари съ святѣйшимъ патриархомъ Меѳодіемъ установили тогда ежегодно праздновать святой этотъ праздникъ въ Великой Божіей церкви въ первое воскресенье великаго поста, чтѣ и донынѣ совершается благодатію челолюбиваго Бога нашего во славу и честь Божію.—Заключительная часть сказанія должна быть признана лучшимъ мѣстомъ во всей литературѣ, касающейся обрядовой стороны чина въ недѣлю православія <sup>2)</sup>.

Приведенія сказанія объ обращеніи царя Теофила и о посмертномъ его прощеніи были любимымъ предметомъ для чтенія. Между прочимъ эти статьи, въ переводѣ, входили въ составъ древняго русскаго хронографа. Здѣсь онѣ являются то въ краткой редакціи, то въ распространенной, то въ видѣ отдѣльнаго сказанія, носящаго за-

<sup>1)</sup> Лондонскій списокъ: *μήτρι τῶν βασιλικῶν πυλῶν τῶν καλουμένων Κτεναρίων*, Мадридскій: *Τροαρίων*.

<sup>2)</sup> Сходство можно находить въ жизнеописаніи св. Ирины (*Acta SS., Julii t. VI, c. 2*).

главіе: слово соборное <sup>1)</sup>. Распространенная русская редакція оканчивается вполне сходной съ изводами, издаваемыми В. Э. Регелемъ. Краткая нашла себѣ примѣненіе въ Иконописномъ подлинникѣ Хронографа, гдѣ она снабжена иллюстраціями <sup>2)</sup>. Какъ сказаніе, представляющее собой назидательный и поучительный примѣръ дѣйствительности молитвъ за умершихъ, статья эта входила въ русскіе поминники (синодики). Таковъ, между прочимъ, синодикъ Румянцовскаго музея <sup>3)</sup>, гдѣ статья о Теофілѣ служитъ какъ бы объясненіемъ къ иллюстраціямъ. Всего находимъ здѣсь четыре изображенія. Первое иллюстрируетъ слѣдующій текстъ: Егда же хоташе отъ житія сего расторгнутися Теофілъ, въ недугъ впаде, и бѣ видѣти страшно, яко уста его и челюсти расторгнушася, яко и внутренняя бѣ видѣти. Царица же Θεодора видѣ во снѣ пречистую Богородицу, младенца держащу превѣчнаго, обстоиму свѣтлыми ангелы, Теофила же мужа ея отъ тѣхъ немилостивно біема и поругаема. Царица же взявши икону пречистыя Богородицы, молящися съ плачемъ и приложи ко устамъ Теофилу и абіе сведостася уста его и взоръ чловѣчъ бысть на немъ.

Второе: Пришедъ же Теофілъ въ себе и возьмъ святую икону, лобызаше, и абіе же на иконы шатающаяся уста въ первое существо предложася, изнесши убо царица отъ своихъ ковчежць святую икону, всею душею почитати Теофила устрои, и помагѣ исчезаетъ отъ житія Теофілъ.

Третье: Царица Θεодора отъ многого поста и бдѣнія воздремася и видѣ царя Теофила на опако рукама связана и видѣ тамо мужа преестественна, предъ образомъ Христовымъ стояща, къ ногамъ же его паде царица, моляся о Теофілѣ, онъ же повелѣ его разрѣшити и дати ей, и возбу абіе царица и повѣда патріарху видѣніе свое.

Четвертое: Во утрѣи же пятка мольбѣ бывши, узрѣ патріархъ Меодій ангела страшна въ велицѣмъ храмѣ глаголюща ему: услышася моленіе твое, о епископе, и милость получи царь Теофілъ, къ тому не стужай божеству моему.

Конечнымъ результатомъ литературнаго развитія по обработкѣ какъ вообще матеріаловъ для исторіи собора 842 года, такъ и заключительнаго въ немъ эпизода—обращенія Теофила—являются помѣщаемые въ древнепечатныхъ постныхъ тріодяхъ синаксари, подѣ

<sup>1)</sup> А. Потова, Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, I, М. 1866, стр. 89.

<sup>2)</sup> Тамъ же, II, стр. 143.

<sup>3)</sup> По описанію Ундольскаго № 154, л. 110.

первымъ воскресеньемъ великаго поста. Таковы: греческая тріода, напечатанная въ Венеціи въ 1644 году, Московская 1589 года, Киевская 1648 года<sup>1)</sup>. Изъ сличенія славянорусскихъ синаксарей съ греческими нельзя не приходиться къ заключенію, что первые представляютъ точный переводъ съ греческаго оригинала. Эти синаксари любопытны кромѣ того тѣмъ, что представляютъ собой заключительную, такъ сказать, канонизованную церковь литературную обработку какъ лѣтописнаго, такъ и житійнаго матеріала по исторіи возстановленія православія. Въ этомъ смыслѣ синаксари могутъ быть разсматриваемы, какъ источникъ для изученія собора 842 года, почему находимъ уиѣстными привести здѣсь сполна текстъ русскаго переводнаго синаксаря по Московской постной тріоди 1589 года<sup>2)</sup>.

„Въ той же день, недѣля 1 поста православія, сирѣчь востелесіе святыхъ и честныхъ иконъ церковь праздновати пріять бывшую отъ Михаяла и Теодоры святыхъ и блаженныхъ царица и святого Меодія патриарха Константию граду, бысть же сице. Льву Исавру изъ осляго паственія и рукокупленнаго житія по Божію поущенію свящетры греческаго царства удержавшу, иже во святыхъ Германъ тогда кормилъ церковныхъ обіемъ, абіе присылается отъ онога и слышитъ: яко мнѣ мнится, владыко, иконы ничтоже различати идоломъ, повелѣваю у б

<sup>1)</sup> Богѣ полное собраніе упомянутыхъ старопечатныхъ книгъ находится въ Москвѣ, въ Типографской библиотекѣ: 1) *Типографская* № 27. Τριώδιον ψυχοφελέστατον περιέχον τὴν πρέπουσαν ἐν τῇ ἀγίᾳ καὶ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ ἀπασαν ἀκολουθίαν. Τυπωθὲν μὲν παρ' Ἰωάννῃ Πέτρῳ τῷ Πινέλλῳ ἀναλώμασι τοῖς αὐτοῦ, διορθωθὲν δὲ παρὰ τοῦ ἐλαχίστου ἐν ἱερομονάχοις Θεοφιλᾶκου τοῦ Τζανφουρνάρου μετ' ἐπιμελείας: ὅτι κλειστός. Ἐνετίησιν, ἔτους 1644. Τὸ συναξάριον τῇ κοριακῇ τῆς α' ἑβδομάδος. Начало: Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ κοριακῇ πρώτῃ τῶν νηστειῶν τὴν ὀρθοδοξίαν ἤτοι τὴν ἀναστήλωσιν τῶν σεπτῶν εἰκόνων ἢ ἐκκλησίᾳ τοῦ χριστοῦ ἑορτάζειν παρέλαβε... 2) *Типографская* № 481 (новый 1025). Τριώδιονъ сн есть Трипѣнець о святой великой четьредесятници отъ еллияскаго ивслѣдовавъ благословеніемъ и повелѣніемъ въ Божъ его милости господина отца Юсепа Грыдхи архимандрита печерскаго киевскаго... въ лѣто отъ созданія міра 7156, а отъ Р. X. 1648, мѣсяца Іануарія дня 18, индикта I. На л. 314 слѣдуетъ Синаксарь, представляющій точный переводъ съ греческаго; л. 424. Последованіе въ недѣлю православія. На проклітіе еретиковъ. Подобаеть вѣдати, яко по отпустѣ утриѣ молима обще со святыми древы лрестными и честными иконы и отходимъ на мѣсто отдѣленное, ядѣже подобаеть чести съборное. Идущимъ же и возвращающимся намъ, поемъ настоящій канонъ. Твореніе сн. отца Θ. Студита. Л. 333. И абіе предисловіе соборное святаго неленскаго седмаго собора. Должноє къ Богу благодареніе... и дальѣ слѣдуетъ переводный синодикъ. 3) *Типографская* № 1018, л. 168.

<sup>2)</sup> Это есть дословный и весьма неудачный переводъ синаксаря.

елика скорость изъ среды тѣмъ быти, или еще истинніи суть зракове, но вповышшее да повѣшаются, да не со грѣхи валяющесе всегда тѣхъ оскверняемъ лобызюще. Патріархъ же толикія мерзости царя отвращаше глагола: о, царю, бѣсновати убо нѣкому нѣкогда на святыхъ иконы слышимъ, Кована же бити ему прозвище. сїи же: по азъ, рече, сїце еще младъ сїи зовомъ быхъ. Неповинующажесе убо послушати его патріарха в заточеніе посмаетъ его и единомудрена себѣ поставляетъ Анастасія и тако иже на иконы брань обличается, глаголетъ же сѧ евреомъ прежде еже толику ненависть ему подложити отъ нѣкоего волшебства предрекшихъ и еже въ царство возведеніе, вегда убогъ сый и с ними ослята пастыаше, еже животь кормити купопаше, оному же злѣ житіе отторгну иже изъ опого суровѣйшій скименъ мотилоименитый Коньстантинъ еже есть копронимъ царство прїимъ и вицше еже на иконы бѣснованію прїятель бываетъ, и что подобаетъ глаголати елика и какова и сїи беззаконный содѣла, но обаче и оному гнуснѣ скончавшуся, иже отъ Хазари сынъ оною во царство возстаецъ, понеже и той жизнь злѣ преиде, Ирина и Коньстантинъ власти наслѣдницы бывають. сїи отъ Тарасія св. патріарха наставляеми седмый соборъ во никей собирають и святыхъ иконы божїи церкви вземлетъ, сїмъ къ Богу предшедшимъ иже отъ родника Пижифоръ бысть царь, таже по семъ ставрикїевъ сынъ, понемъ же Михаилъ рагкавен иконы чтуше. по Михаиле же звѣрообразный левъ арменинъ бысть царь, иже отъ мниха нѣкоего затворника и злочестива лестїю растлѣнъ, второе иконоборство воздвигше, и паки безлѣпостна Божїя церкви показася. сего амореи прїемлетъ Михаилъ, того паки сынъ Теофилъ, иже на иконы неистовства прочая во вторыхъ полагающе. Сей убо Теофилъ многи отъ св. отецъ томленіемъ и мучамъ различнымъ издавъ, иконъ ради явѣ честныхъ, правды же обидимымъ наипаче вящше творяше, яко възскаше аще кто есть во градѣ крамолюю съ другомъ бываетъ, ни единого на многи дни яко глаголетъ обрѣсти, и дванадесяте же лѣтъ самовластвовавъ и чревнымъ недугомъ объять бывъ, расторгнутися хотяше отъ живота, устѣ его паче зѣло отверзопася яко внутрь утробы его явитися, царица же Теодора болѣзпена о приключившемся бывши едва къ слю обращсьи и во спѣ видѣ пречистую Богородицу, младя держащу превѣчнаго, святыми обстоима ангели, Теофила же тоя подруга отъ тѣхъ немилостивно біема и поругаема, яко убо отъиде отъ нея соизъ и Теофилъ мало возведъся возопи: горе миѣ страстному, святыхъ ради иконъ біень есмь, и абїе полагаетъ на него царица богородич-

ный образъ молящися со слезами. Теофилъ убо сице имѣя, видѣ нѣкоего отъ стоящихъ ему икону носяща, похитивъ его облобываше, и абіе яже на иконы шатавшася уста, и безстудно зянувъ гортанію в первое существо претворяшеса и одержащая вѣдый мужа, премѣнися и усну, исповѣдавъ добро быти св. иконы почитати и честн. изнесши убо царица отъ своихъ ковчежець св. и честныя образы лобзати и всею душею почитати Теофила устрои. Помалѣ убо исчезаетъ отъ житія сего Теофилъ, Теодора же иже во изгнаніихъ и въ темницахъ всѣхъ воззавши въ свободѣ пребывати повелѣ, и низвергается убо отъ престола Іоаннь иже Іаннисъ, волхвомъ и бѣсомъ начальникъ а не патріархъ, Христовъ же исповѣдникъ Меодій восходитъ на престолъ, много пострадавъ прежде, и въ ровѣ затворенъ бысть. Симъ же тако бывающимъ посѣщеніе бываетъ нѣкое божественное Іоанннкію великому во Олимовѣхъ горахъ постыщемуса. великій убо постыикъ Арсакій пришедъ къ нему глагола: богъ къ тебѣ посла мя, яко да идемъ къ затворнику Исаію, еже въ Никомидіи прендобному мужу бывшу, и отъ того увѣмы елика любовна богу и прикладна его церкви, и убо къ прендобному Исаіи пришедше слышаша отъ него: тако глаголетъ Господь, се приближися врагомъ моимъ изобличеніе, вы убо къ царици Теодоре и къ патріарху Меодію шедше рцѣте сице. умоли всѣхъ священныхъ и тако ми со ангелы жертву принесеша, вида моего образъ и вреста. Сіи услышавше, въ Константинь градъ абіе достигоша и реченная Меодію патріарху и избраннымъ Богу всѣмъ возвѣстиша. собрашажеса къ царици придоша и покорну ту всяко обрѣтають, изъ отецъ бо бже благочестива и христорлюбива, абіе убо и святны образъ Христовъ и Богоматери отъ шія возвышену изнесше всѣмъ зрящимъ и лобзающимъ глаголаше. аще кто симъ не поклоняется державно и не служебнѣ не яко боги, но яко образы первообразныхъ ради любве, да будетъ проклятъ. Сіи же радостію великою возрадовашеса, противу же тому и царица молится имъ да молбу о мужи ея Теофилѣ сотворять. сіи же вѣру ея видѣвше и отрицающуса злыхъ, повинуются паче молитву творити. и иже во святыхъ Меодій патріархъ вся собравъ отъ мала же и до велика, причетъ же весь и архереи въ великую Божию церковь, въ нихъ же бѣша избранніи сіи иже изъ олимба великій Іоаннкіе и Арсакіе, иже ученици Теодора Студита и иже великаго села Теофанъ исповѣдницы, Михайлъ святоградецъ и синкеллосъ, Теофанъ же и Теодоръ писани и друзіи мпожайшии молбу всенонциую къ Богу сотворяють о Теофилѣ, всѣмъ молящимся со слезами и усердіемъ и

се чрезъ всю первую недѣлю поста сотворяють и самой царицы Теодоре такоже со женами и прочими содѣвающа людьми. Сиде же снмъ часто молящимся, Теодора же царица о утреніи озаряюща пятка на сонъ обращающа пенщева обрѣстися у столпа крестнаго и нѣщимъ съ плищемъ проходящимъ путь проходити, различнымъ мукамъ сосуди носящимъ, посредѣ же сихъ водима связана царя Теофила опакъ связанъ руцѣ. сего же познавши послѣдоваше и та недущимъ, даже и до нѣдннхъ вратъ доспѣша видѣ преестественимъ образомъ мужа нѣкогого предъ образомъ Христовымъ сѣдяща, ему же прямо Теофила поставиша, сему же ногамъ прикоснувшися парица, о царя моляшеса, сн же помолчавъ много и отперзъ уста рече. велика ти вѣра жено, разумѣи убо яко за слези твои и вѣру, еще же и за молитву и моленіа рабъ моихъ и священникъ моихъ милость даю мужу твоему Теофилу, таже глагола и водящимъ: разрѣшите его а предайте женѣ ему, та же того вземши отъиде радующися, и абіе отъ сна возставъ. си убо Теодора царица узри. Патриархъ же Меодій молитвамъ и мольбамъ бывающимъ о немъ, книгу нову вземъ написа въ ней всѣхъ еретикъ царей имена и того Теофила, и подѣ святою трапезою великія церкви утаивъса всѣхъ положи. О пятцѣ же и патриархъ узри нѣкогого ангела страшна въ великіи входяща храмъ и къ нему пришедъ рече: услышася моленіе твое, епископе, и милости получи царь Теофилъ, ктому уже прочее о семъ не достужай божеству, сн же окушашеса аще есть истина яримое, отъ мѣста своего сошедъ и книгу обрѣтъ и прочетъ, обрѣте отъ Божіихъ судьбъ заглажено отъ Бога всячески Теофилово имя. Се увѣдвши царица преобрадовася зѣло и къ патриарху посылаетъ вся люди собрати со кресты и съ честными образы въ великую церковь, яко да утварь образомъ тои отдастси, и новое Божіе чудо всѣмъ познано будетъ, и убо всѣмъ вскорѣ собравшимся со свѣщцами и царица съ сыномъ Михаиломъ приде, и молбѣ тамо бывши со иконами и честными дресвы крестными и святымъ Божіимъ евангелиемъ даже и до глаголемаго поприща изыдоша, еже Господи помилуи възвающе, и тако въ церковь возвратишася, божественную службу совершиша и воздвиженнымъ святымъ и честнымъ иконамъ отъ предиреченныхъ святыхъ мужей проповѣданомъ убо благочестивымъ, сопротивнымъ же отпроповѣданомъ и преданомъ проклятію. И оттогѣ повелѣша сн святіи исповѣдницы молебну сиде таковому торжеству бивати, да не когда тому же, злочестію впадемъ,

невзмѣнный образъ отца молитвами святыхъ твоихъ исповѣдникъ помилуй насъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь<sup>4</sup>.

Итакъ, житія знакомятъ насъ съ отдѣльными моментами эпохи возстановленія православія. Инициатива принадлежитъ пустынноикамъ Іоанникію, Арсакію и Исаи, осѣненнымъ божественнымъ откровеніемъ и направляющимъ въ Константинополь, дабы воздѣйствовать на царицу и Мѣнуила. Изъ обстоятельствъ, касающихся собора, житія останавливаются только на одномъ предсмертномъ обращеніи и посмертномъ раскаяніи Теофила. Этотъ послѣдній мотивъ возобладалъ надъ всѣмъ историческимъ матеріаломъ и съ теченіемъ времени явился въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ русскомъ хронографѣ, въ помѣстникахъ и въ постной тріоди.

Все, что сохранила древность изъ литературнаго матеріала, имѣющаго отношеніе къ церковной исторіи, нашло себѣ примѣненіе въ *Анналахъ Баронія* <sup>1)</sup>. По многимъ и даже существеннымъ вопросамъ церковной исторіи Бароній и доселѣ остается надежнымъ руководителемъ; лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пылкости ученыхъ XIX столѣтія посчастливилось открыть новыя источники, Бароній можетъ нуждаться въ небольшихъ пополненіяхъ и исправленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, начитанность его и обширное знакомство съ рукописными сокровищами, изъ которыхъ нынѣ и теперь еще не сдѣлался достоиніемъ печати, наконецъ, сводъ всего литературнаго матеріала, доступнаго его учености и исключительному положенію,—справедливо обезпечиваютъ за *Анналами Баронія* почетное мѣсто между источниками церковной исторіи. Дошедши до Баронія при изученіи вопроса о соборѣ 842 года, мы не могли не испытать удручающаго чувства, вызваннаго сознаніемъ малой цѣнности успѣховъ, сдѣланныхъ наукой послѣ Баронія. Позволимъ себѣ кратко обозначить приводимыя въ *анналахъ* по нашему вопросу данныя. За изложеніемъ лѣтописныхъ извѣстій, которыхъ впрочемъ въ распоряженіи Баронія было меньше, чѣмъ имѣется въ настоящее время, слѣдуетъ сказаніе о предсмертномъ обращеніи Теофила, заимствуемое изъ Геннадія патріарха Константинопольскаго <sup>2)</sup>. Это есть то самое сказаніе, которое мы нашли

<sup>1)</sup> „*Annales ecclesiastici auctore Caesare Baronio cum critica Antonii Pagii*“. Для нашего предмета матеріалъ находится въ 14 томѣ (Lucae, 1743).

<sup>2)</sup> *Baronii Annales*, XIV, p. 260, col. 2: ex antiquioribus monumentis prodidit Gennadius patriarcha Constantinopolitanus in expositione pro Concilio Florentino sessione quinta.

въ отдѣльныхъ повѣстяхъ и въ синаксаряхъ. То обстоятельство, что Геннадій внесъ это сказаніе въ свое сочиненіе, утверждаетъ фактъ распространенности и признанія его въ XV в. — Слѣдуютъ извѣстныя лѣтописныя данныя о возстановленіи православія, дополняемая прекраснымъ памятникомъ церковнаго краснорѣчія, именно словомъ Теофана на перенесеніе мощей Никифора патріарха. Дальнѣйшая исторія Меодія весьма кстати освѣщена данными изъ жизни Іоанникія, равно какъ изъ церковныхъ актовъ, рисующихъ потребности того времени. Въ примѣчаніяхъ, принадлежащихъ Пажи, находимъ частью дополненія къ тексту Баронія, частью критическую оцѣнку фактовъ и извѣстій, при чемъ ссылки на изслѣдованія Аллациа придають особенную цѣнность этимъ примѣчаніямъ. Относящаяся къ вопросу литература житій рассмотрѣна внимательно и болѣе важныя мѣста приведены въ латинскомъ переводѣ. Кромѣ того, помѣщенъ рядъ приложеній, имѣющихъ особенную цѣнность: каноны Теофана и Θεодора Студита, Синаксарь въ недѣлю православія, гдѣ излагается исторія иконоборства <sup>1)</sup>, бесѣда Митрофана, епископа Тавроменія въ Сициліи. Всѣ эти матеріалы имѣютъ первостепенное значеніе для вопроса о возстановленіи православія, но далеко не во всякомъ, даже университетскомъ городѣ, можно имѣть ихъ подъ рукою; отсюда можно видѣть какую цѣну сохраняютъ и донинѣ анналы Баронія. Мы не считали справедливымъ пропустить имя Баронія и не указать его громаднхъ заслугъ, хотя бы сопоставленіе широкой постановки научныхъ задачъ въ его время съ подборіемъ мелкихъ крохъ въ нынѣшнее и могло набросить тѣнь на успѣхи научнаго движенія въ занимающей насъ области.

Состояніе источниковъ приводитъ къ заключенію, что въ вопросѣ объ утвержденіи православія остается много сторонъ недостаточно освѣщенныхъ. Не говоря о прочемъ, мы лишены средствъ судить о взаимныхъ отношеніяхъ иконоборческой и православной партіи и хотя до нѣкоторой степени выяснить реальныя основанія, на которыхъ держалась та и другая система. Нельзя не остановить вниманія на томъ обстоятельстве, что возстановленіе православія не сопровождалось никакими значительными потрясеніями. Въ самомъ дѣлѣ, едва сошелъ со сцены Теофілъ, упорный и убѣжденный врагъ святыхъ иконъ, какъ вся система, поддерживаемая имъ и тремя его предшественниками, пала. Въ весьма короткое время приведены

<sup>1)</sup> Этотъ Синаксарь мы привели выше по Московскому изданію 1689 года.



въ исполненіе важныя мѣры, требовавшія предварительныхъ и притомъ кабинетныхъ работъ: созванъ соборъ, устраниены приверженцы иконоборства изъ духовной и свѣтской администраціи, составлены опредѣленія и торжественно отлучены отъ церкви тѣ, кто не сочувствовалъ вновь призванному къ жизни началу. Можно бы подумать, что реформу произвели новые люди, которые прежде были не у дѣлъ, но это не совсѣмъ вѣрно. Что касается высшихъ лицъ гражданской администраціи,—и до реформы и послѣ реформы встречаемъ тѣ же имена; въ церковномъ управленіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ исповѣдниковъ, вознагражденныхъ почетными должностями послѣ реформы, также не замѣчается большихъ переменъ,—и это нѣкоторые ставили въ упрекъ патриарху Меодію, какъ увидимъ ниже. Большинство лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ 842 года, занимали въ государствѣ важное служебное положеніе со времени утвержденія на престолѣ армянской династіи (Левъ V), то-есть, съ 813 года. Какъ опытные дѣятели по гражданской и военной части, они вносили въ управленіе государствомъ и по смерти Теофила извѣстнаго рода знаніе и искусство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что цари армянской династіи необходимо должны были дать преобладаніе при дворѣ и въ администраціи своимъ землякамъ-армянамъ. Шафлагоянъка по происхожденію, царица Θεοδώρα, если только я сама не достигла царской короны вслѣдствіе сильной при дворѣ партіи восточнаго происхожденія <sup>1)</sup> (ея братья и дяди), зна-

<sup>1)</sup> О способѣ избранія невѣсть царями прекрасныя данныя въ житіяхъ свв. Ирены и Θεοφανία. Въ первомъ (Acta SS., Julii, t. VI, c. 5, 6, 8) сообщаются очень любопытныя данныя о восточномъ элементѣ въ столицѣ Византийской имперіи. Ирина отправилась въ Константинополь по царскому призыву, ибо Θεοδώρα γράμματα περί τοῦτο κατὰ πάσαν ἐπέμπετο γῆν. Во исполненіе этого, οἱ τῆς θαυμασίας Κιρήνης πατέρες ὡσπερ ἀρατῆς ὄρα ταύτην οὖτω δὴ καὶ σώματος κάλλει διαβεβημένην ἐκ τῆς Κακπαδοκῶν, ὄθεν ὤρμητο, κολυτελῶς εὐ μάλα καὶ κοσμίως εὐτρεπίσαντες; πρὸς τὴν Κωνσταντινούπολιν ἀκοστέλλουσι, σὺν αὐτῇ δὲ καὶ τὴν ἀδελφὴν, ἧτις ὑστερον καὶ τῷ πρὸς μητρὸς θείῳ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τῷ καίσαρι Βάρθα πρὸς γάμου κοινωνίαν ἐχρημάτισεν... Ἐκεῖ δὲ καὶ τὴν πόλιν κατέλαβον, ἐξίσαισι πρὸς αὐτὴν ὅσοι τε κατοίκησιν εἶχον ἐν αὐτῇ τῶν συγγενῶν καὶ ὅσοι ἦν περί τινων αὐτοῖς ἀναγκαίων ἐπιθήμια, τῆς συγχλήτου βουλής ὄντες καὶ προεδρίας, καὶ μεγάλα παρὰ βασιλεῦσι δυνάμενοι οἷτε τῶν πατρικίων ἔχοντες τιμὰς, οὓς ὀνομαστοὺς ἐκάλουν γουβερνίους, πλοῦτῳ καὶ δόξῃ περβελέπτους καὶ ἀρετῇ περιβοήτους, ἅμα μὲν ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν ἡμερόμενοι ἦν πρό πολλὰ θεάσασθαι ἐπεθόμουν, ἅμα δὲ καὶ τιμῶντες; αὐτὴν, ὡς εἰκόσ, βασιλεῖ μνηστευομένην... Что касается житія Θεοφανία, супруги Льва Мудраго, оно издано, хотя и не вполне, Герцикштейномъ, Monumenta graeca ad Photium pertinentia, p. 72. Мы ознаком-

чительно усилила число этой партіи. Отца ея уже не было въ живыхъ, когда на нее палъ выборъ царя Теофила. Съ Θεοδορῳ приближи ко двору: мать ея Θεοκτίστα, при коронованіи дочери получившая патриціанскій санъ и придворную должность восты <sup>1)</sup>, три незамужнія сестры Каломарія, Софія и Ирина. Сестры царицы сдѣлали потомъ хорошія партіи: Каломарія вышла замужъ за брата патріарха Іоанна патриція Арсавира, имѣвшаго санъ магистра; Софія—за Константина Вавуцика, справлявшаго посольство къ западному императору; Ирина—за Сергія, брата патріарха Фотія <sup>2)</sup>. Дядя ея Мануилъ и братья Варда и Петрона ранѣе уже занимали важныя государственныя должности и проложили ей дорогу къ трону. И они съ своей стороны соединились браками съ крупными чиновными родами и образовали при дворѣ довольно сомкнутый кругъ, въ который не легко было попасть чуждому имъ человѣку. Дочери Θεοδορῳ, числомъ пять, всѣ вступили въ монашество, за исключеніемъ Маріи, выданной за Алексѣя Мусело тоже армянскаго происхожденія. Итакъ, несомнѣнно, что люди восточнаго происхожденія держали въ своихъ рукахъ правительство въ послѣдніе годы жизни Теофила. Мы не можемъ стать на точку зрѣнія византійской историографіи и утверждать, вмѣстѣ съ лѣтописцами X и XI вѣка, что система иконоборства рухнула вслѣдствіе тайнаго расположенія правительственныхъ лицъ къ иконопочитаію. Еслибы это было дѣйствительно такъ, то естественно рождался бы вопросъ: кѣмъ же держалась иконоборческая система при Θεοφίλῳ и до него? Несомнѣнно, она держалась тѣми же лицами, которыя стоятъ у кормила правленія и послѣ утвержденія православія. Итакъ, можно поставить вопросъ: какіе же мотивы руководили правительствомъ, когда

---

лись съ этимъ важнымъ памятникомъ по *Византскому списку, Cod. Theolog. Graecus № 279, fol. 108*. Τοῦ σοφωτάτου κυρεῦ Νικηφόρου τοῦ Γρηγορᾶ λόγος εἰς τὴν ἁγίαν Θεοφανῶ τὴν βασιλισσαν. На оборотѣ л. 116 рукописи читается: Βασιλεῖος δ' οὗτος ὁ Μακεδῶν καὶ ἡ σύζυγος Εὐδοκία καὶ παῖς ἐτρέφετο βασιλικῶς αὐτοῖς ὁ σοφωτάτος Δέων, δι' ἐν καὶ ἠθροίζοντο μὲν ἐκ παντὸς εἴθους, ἠθροίζοντο δ' ἐξ ἀπίσης κόλλας ὅσσαι κατ' ἐκλογὴν ὄρα καὶ κάλλει σώματος διαφέρουσαι ἦσαν νεάνιδες, ὧν ἐν μέσῳ τῇ καταλόγῳ γενέσθαι κληθεῖσα καὶ ἡ Θεοφανῶ τοσοῦτη πάσα παρήλασεν ἀνθεὶ προσώπου καὶ ἡλικίας, ὄρα καὶ ἠθους εὐπρεπεία, ὄρα καὶ πλησιφαῖς πανσέληνος πάντας τοὺς ἐν νυκτὶ φαινομένους ἀστῆρας. Слѣдуетъ характеристика женской красоты.

<sup>1)</sup> *Contin. Theoph.* III, с. 5; IV, с. 22.

<sup>2)</sup> Неспорченное мѣсто продолжателя Θεοφῶна возобновляетъ *Hirsch*, *Byzant. Studien*, S. 215 Anm. 2; *Georg. Hamartoli*, p. 702, одна сестра за Θεοφῶна.

оно рѣшилось уступить православной партіи? — Изъ хорошаго источника, выдающаго по многимъ чертамъ живое и реальное преданіе, именно изъ Генесія, мы знаемъ, что магистръ Мануилъ въ своихъ представленіяхъ царицѣ, между прочимъ, указывалъ на политическіе мотивы, вызывающіе необходимость уступокъ; какъ можно догадываться, шла рѣчь объ опасности для царствующей династіи, и именно со стороны войска, которое желало династическаго переворота <sup>1)</sup>. Къ сожалѣнію, указанные уже выше недостатки лѣтописи позволяютъ лишь съ крайней осторожностью затронуть вопросъ о роли племенныхъ интересовъ въ византійской исторіи, которые по нашему убѣжденію играли первостепенное значеніе и въ иконоборческомъ вопросѣ. Рядомъ съ явнымъ усиленіемъ при дворѣ и въ высшей администраціи армянскаго элемента, замѣчаемъ въ царствованіи Теофила приливъ восточнаго вліянія, обнаружившійся во многихъ отношеніяхъ. Такимъ именно преобладаніемъ не-ромѣйскихъ элементовъ, допущеннымъ Теофиломъ, объясняемъ мы прозваніе *ἰθυόφλος*, даваемое иногда этому царю.

Есть до нѣкоторой степени возможность понять, откуда могла угрожать опасность царицѣ Теодорѣ и Михаилу III. Въ послѣдніе годы Теофила между военными людьми приобрѣлъ весьма важное значеніе нѣкто Теофовъ, происходящій изъ царской династіи въ Персіи. Это, впрочемъ, была личность въ высшей степени загадочная; объ исторіи происхожденія Теофова ходили разнорѣчивыя преданія, въ которыхъ трудно было разобраться даже болѣе близкимъ къ его времени писателямъ, Генесію и продолжателю Теофана. Но какъ бы то ни было, Теофовъ приобрѣлъ большую военную славу и пользовался особенными почестями отъ царя, который сдѣлалъ его своимъ зятемъ. Независимо отъ вполне заслуженнаго почета за свои военныя дѣла, въ которыхъ могъ сравняться съ нимъ развѣ одинъ магистръ Мануилъ, Теофовъ представляется въ лѣтописномъ преданіи человѣкомъ въ высшей степени популярнымъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ которыхъ расположены были отряды персидскаго происхожденія. Всѣ писатели отзываются объ немъ съ чувствомъ глубокаго уваженія, восхваляя его умъ, образованіе и православный образъ мыслей <sup>2)</sup>. Возвышеніе Теофова влечетъ за собой большой

<sup>1)</sup> На подразумеваемое изъето Генесія обращаетъ вниманіе *Hirsch*, *Byzant. Studien*, S. 151.

<sup>2)</sup> *Genesii*, ed. Bonn. p. 52. Въ восточной войнѣ Теофова нѣтъ съ собою

принявъ въ военную службу земляковъ его, которые получили привилегированное положеніе <sup>1)</sup> и возбуждали къ себѣ зависть. Начавшіяся вслѣдствіе того интриги разсматриваются лѣтописцами, какъ борьба персидскаго и армянскаго элемента. Первоначальный поводъ къ алой интригѣ противъ Теофова подали событія въ военномъ лагерѣ, гдѣ Теофовъ провозглашенъ былъ царемъ. Хотя этотъ случай не имѣлъ для генерала дурныхъ послѣдствій, такъ какъ царь убѣдился изъ его объясненій и послѣдующаго образа дѣйствій, что продолженіе было безъ его вѣдома и воли, тѣмъ не менѣе объ этомъ снова вспомнили недоброжелатели Теофова передъ смертью Теофила <sup>2)</sup>. Мы не можемъ не настаивать на томъ обстоятельстве, что лѣтописцы относятъ къ послѣднимъ днямъ жизни Теофила секретное приказаніе его умертвить Теофова. Это было, повидимому, предсмертное распоряженіе его, вызванное опасеніями за судьбу своего сына и супруги, съ цѣлью устранить угрожавшую имъ катастрофу. Все дѣло происходило при такой обстановкѣ, что никто не могъ нѣмнѣе сказать, кому поручено было убить Теофова. Одни утверждали, что Петронъ, брату царицы Теодори, другіе называли Оорифу, начальника царской гвардіи, третьи—какого-то евнуха. Ясно во всемъ этомъ одно обстоятельство, что царь Теофилъ передъ смертью имѣлъ причины бояться переворота, что переворотъ могъ быть произведенъ Теофовомъ, котораго преданіе выставляетъ весьма популярнымъ человекомъ и преданнымъ православію. Если это такъ, то послѣдовавшія за смертью Теофила мѣропріятія регентства объясняются

---

двухъ генераловъ Мануала и τὸν ἐκ Περσίδος Θεόφοβον, ἄνδρα θεοσεβῆ καὶ πολλῆς ἐχόμενον ἀρενῶπου καὶ καλαιᾶς λογίότητος; *ibid.* p. 61; *Hamartoloi* ed. Murgalt, p. 711: ἡγαπήτο δὲ Θεόφοβος παρὰ τῶν πολιτῶν οὐχ ἥττον ἢ τῶν Περσῶν ὡς ὑρθόδοξος (ср. p. 716).

<sup>1)</sup> *Theoph. Contim.*, p. 112: ἀλλὰ καὶ κώδιξι στρατιωτικοῖς αὐτοὺς ἀναγράφεται, καὶ τάγμα οὕτως καλούμενον Περσικὸν ἐγκατέστησε καὶ τοῖς κατὰ πόλεμον ἐξιοῦσι Ρωμαίοις ἐναριθμείσθαι προσέταξε. *Genesis*, p. 53; *Hamartoloi*, p. 702: προσέφυγε Θεόφοβος μετὰ Περσῶν χιλιάδων ἰδ', οὗς διένειμεν ἐν τοῖς θέμασι, κατασκηνώσας καὶ εἰς τούρμας ἀποκαταστήσας, αἱ μέχρι τοῦ νῦν λέγονται τούρμαι Περσῶν.

<sup>2)</sup> *Genesis*, p. 60. Зложелатели стали внушать Теофила: μετὰ τὴν τελευταίην αὐτοῦ ἐπιθέσειν παρὰ Θεοφόβου οὐκ ἕνα Πέρσαις κατὰ τῶν αὐτοῦ κληρονόμων καὶ τῶν κατ' ἐπιτροπείαν ἐκριπισθῆναι. *Hamartoloi*, p. 716: πρὸ δὲ τῆς αὐτοῦ τελευταίας ὁ θεομισθὴς οὗτος βασιλεὺς βουλὴν μυστικὴν ποιησάμενος μετὰ τῶν ὁμοφρόνων αὐτοῦ περὶ Θεοφόβου τοῦ Πέρσου, ὡς ὅτι πολλὴν ἀγάπην καὶ πίστιν ἔχουσιν εἰς αὐτὸν οἱ τε ὑπ' αὐτὸν Πέρσαις καὶ τῶν ἐν τέλει οὐκ ὀλίγοι, καὶ μήπως ἐμοῦ τελευταίως αὐτοῦ μελετήσας τυραννίδι κατὰ τε ἐμοῦ παιδὸς νηπίου ὄντος καὶ τῆς γυναίκός...

какъ необходимая, вынужденная обстоятельствами уступка, настоятельность которой сознана была магистромъ Мануиломъ. Трудно въ настоящее время дать себѣ отчетъ только въ томъ, что представитель православной партіи выдается преданіемъ какъ персъ по происхожденію.

Политическій мотивъ въ восстановленіи православія не можетъ быть оспариваемъ; весьма вѣроятно, что интересы разныхъ племенныхъ группъ, входившихъ въ составъ имперіи, также участвуютъ въ событіяхъ иконоборческой эпохи. Иврѣдка византійская лѣтопись даетъ понять, что въ сложномъ процессѣ образованія понятій, вѣрованій, бытовой обстановки и проч. участвовали разнообразныя вліянія, идущія или съ востока, или съ запада, что носителями этихъ вліяній, порождающихъ новшества въ жизни, являются представители той или другой этнографической группы. Такъ, большинство новшествъ философскаго и религіознаго характера выводится съ запада (въ XI и XII вѣкахъ), такъ иконоборство выводится съ востока, первыя приписываются итальянцамъ, второе—евреямъ или арабамъ. Науки о тайнахъ, какъ астрологія, гаданія и волшебства относятся къ восточнымъ вліяніямъ <sup>1)</sup>. Съ этой точки зрѣнія не лишено интереса прослѣдить взгляды самихъ византійцевъ на взаимное отношеніе иконоборческой и православной партій въ ближайшее къ изучаемому періоду время. Для этой цѣли попытаемся собрать и изложить преданія, касающіяся двухъ главныхъ представителей названныхъ направлений, патріарховъ Іоанна VII и Меодія. Нѣтъ нужды говорить, что лѣтописцы относятся крайне несочувственно къ послѣднему иконоборческому патріарху <sup>2)</sup>. Одно изъ наиболѣе общихъ и распространенныхъ мѣстъ, относящихся къ характеристикѣ Іоанна, состоитъ въ обвиненіи его въ сношеніяхъ съ духами, въ преданности магіи, волшебству и гаданіямъ, въ неопределенной жизни и нечестіи. Если не ошибаемся, въ Іоаннѣ нашли себѣ примѣненіе и конкретное выраженіе тѣ восточныя вліянія, тѣ искусства и науки, о которыхъ говоритъ Гелесій въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ. И дѣйствительно, по

<sup>1)</sup> *Genesis*, p. 55: τῶν οὖν ἐκ Περσίδος κατὰ διαφόρους χρόνους μεμερισμένων, τούτων τινὲς ἀστρονομίαν μαγίαν, αὐτῇ γὰρ τούτοις τῶν ἄλλων τεχνῶν καὶ ἐπιστημῶν προτετιμῆται: εἰς τὸ ἀκριβὲς ἐκλεπομένη, καὶ ἄλλαι τυχὸν μαγικαὶ τε καὶ προνομαστικαὶ μέθοδοι.

<sup>2)</sup> О патріархѣ Іоаннѣ см. нашу статью въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, январь 1890 г. Зѣсь мы ограничиваемся лишь нѣкоторыми изъ нея извлеченіями.

всей вѣроятности Іоаннъ былъ анатоліецъ по происхожденію, вышедшій въ люди изъ невнатнаго рода при царяхъ армянской династіи. Нельзя не видѣть, что онъ дѣлалъ себѣ карьеру не быстро и обязанъ былъ впоследствии пріобрѣтеннымъ высокимъ положеніемъ исключительно своимъ способностямъ и высокому образованію. Въ первый разъ онъ становится извѣстнымъ въ 814 году, когда царь Левъ V Армянинъ задумалъ возвратиться къ иконоборческой системѣ и отменить постановленія VII вселенскаго собора. Будучи тогда въ званіи анагносты, Іоаннъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими лицами, приготовилъ и теоретически обосновалъ, по личному порученію царя, проектъ возстановленія иконоборческой системы. Объ этомъ находимъ весьма интересные данныя въ лѣтописи <sup>1)</sup>: „Іоаннъ въ сообществѣ съ нѣкоторыми грубыми невѣждами уполномоченъ былъ царемъ пересмотрѣть старыя книги, скрывающіяся въ монастыряхъ и церквахъ. И собравъ множество книгъ, старательно изслѣдовали ихъ, но ничего не нашли, чего злостно добивались, пока не попали на синодикъ Константина Исавра и Кавалина. Найдя въ немъ для себя основаніе, начали и въ книгахъ отыскивать для себя главныя положенія, отмѣчая знаками тѣ мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, могли убѣдить неразумную толпу, что въ древнихъ книгахъ есть запрещеніе поклоняться иконамъ. Когда Левъ спросилъ одного изъ нихъ, можно ли подтвердить книгами поклоненіе иконамъ, онъ отвѣчалъ: объ этомъ нигдѣ не написано, но говорятъ, что таково древнее преданіе. И они боролись противъ истины, начавъ съ пятидесятницы собирать книги; въ іюлѣ привлекли на свою сторону Антонія (епископа Сидейскаго) и до декабря держали дѣло въ тайнѣ“.

Не касаясь здѣсь подробностей служебной карьеры Іоанна, ограничимся приведеніемъ тѣхъ извѣстій, которыя выдають въ немъ порожденіе восточной культуры и проводника восточныхъ вліяній. Сюда относятся обвиненія его въ чернокнижьи, чародѣйствѣ и сношеніяхъ съ духами. Объ этой демонической силѣ Іоанна сложились сказанія и, между прочимъ, разказъ о посѣченіи имъ статуй на Ипподромѣ. Прекрасная повѣсть о посольствѣ Іоанна въ Багдадъ къ халифу Мотасиму полна эпическихъ чертъ и служитъ выраженіемъ бесспорнаго историческаго факта — восточнаго культурнаго вліянія на Византію въ иконоборческой періодъ. Эта повѣсть разказываетъ слѣдующее <sup>2)</sup>:

<sup>1)</sup> *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni* (ap. *Migne*, t. 108, p. 1024).

<sup>2)</sup> *Theophanis Contin.*, III, c. 9 (p. 95—97).

Царь Теофилъ снарядилъ Иоанна посломъ къ архонту Сиріи, снабдивъ его и другими роскошными предметами, которыми славится Ромэйское царство и которые приводятъ въ изумленіе иноземцевъ, и вручивъ золотой казни больше четырехъ кентинаріевъ. Дорогие предметы назначены въ подарокъ эмиру, золото же въ личное распоряженіе Иоанна, на приемы и представительство: ибо посолъ долженъ былъ сорить золотомъ, какъ пескомъ, по своему усмотрѣнію, дабы внушить мысль, что казна посланнаго неистощима. Послу даны были два сосуда изъ золота и драгоценныхъ камней—въ просторѣчїи называютъ ихъ умивальными чашами, — чтобы вслѣдствіемъ ихъ величественно и блестяще облечь его въ блескъ. Онъ же, прибывъ въ Багдадъ, произвелъ величественное впечатлѣніе и своимъ острымъ умомъ, и пророчесственнымъ даромъ, и своимъ богатствомъ, и роскошью. Посланцамъ калифа и другимъ посѣтителямъ онъ щедро раздавалъ подарки, какіе могъ только дарить царь ромзевъ. Вслѣдствіе чего имя его сдѣлалось почетнымъ и знаменитымъ. Еще только достигнувъ варварскихъ предѣловъ, онъ поразилъ всѣхъ, которые посланы были для встрѣчи его и для освѣдомленія о здоровьи царя, наградивъ ихъ царскими дарами. Прибывъ же къ калифу и представившись ему, передалъ ему царскую грамоту и послѣ приѣма отправился въ отведенное ему помѣщеніе. Горя желаніемъ болѣе и болѣе возвысить ромэйское вліяніе, всѣмъ къ нему приходившимъ по какой бы то ни было причинѣ дарилъ по серебряной чашѣ, наполненной золотомъ. Разъ, угощая у себя варваровъ, онъ внушилъ слугѣ объявить о пропажѣ одной изъ тѣхъ умивальныхъ чашъ, которая была выдана ему для стола на этотъ случай. Когда же началось сильное смятеніе, и варвары, жалѣя о пропажѣ такой прекрасной и дорогой чаши, стали въ безпокойствѣ разыскивать ее и употребляли всѣ старанія обнаружить вора, тогда Иоаннъ приказалъ подать другую чашу и прекратилъ поиски и смятеніе слѣдующими словами, приведшими въ изумленіе сарацинъ: „пусть пропадаетъ и эта!“ Вслѣдствіе этого и эмиръ, платя томъ же щедростью и не желая уступить въ великодушїи, честилъ его съ своей стороны дарами, на которые онъ, впрочемъ, мало обращалъ вниманія, и освободилъ изъ темницы до сотни плѣнныхъ, которыхъ, разодѣвъ въ великолѣпныя одежды, препроводилъ къ Иоанну. Этотъ же очень похвалилъ и одобрилъ великодушїе предлагающаго даръ, но отказался принять его, объяснивъ: пусть они живутъ спокойно и на свободѣ, пока не будетъ произведенъ разрывъ плѣнными и пока содержащіеся въ плѣну сарацины не будутъ возвращены

взамѣнъ этихъ. Такой поступокъ привелъ въ изумленіе калифа. Съ этихъ поръ онъ относился къ послу не какъ къ чужестранцу, но приблизилъ его къ себѣ и часто приглашалъ для бесѣды, показывалъ ему свои сокровища и прекрасныя зданія и придворныя церемонія и такъ чтилъ его до почетнаго отправленія его назадъ. Прибывъ къ Теофилу и сдѣлавъ ему донесеніе о своемъ посольствѣ, онъ убѣдилъ его построить по сарацинскому образцу дворецъ Врійскій, который по формѣ и архитектурнымъ украшеніямъ вполне воспроизводитъ сарацинскій стиль. Архитекторомъ этого дворца, построеннаго по плану Іоанна, былъ вѣкто Патраки, носившій санъ патриція. Только въ томъ отступилъ онъ отъ первоначальнаго плана, что около царскаго покоя устроилъ храмъ во имя Владычицы нашей Богородицы, а въ притворѣ дворца трехпрѣдѣльный храмъ, превосходный по красотѣ и изяществу: средній прѣдѣлъ въ честь архистратига, а боковыя во имя женъ мученицъ<sup>4</sup>.

Въ приведенной выдержкѣ изъ греческаго писателя сохранились любопытныя данныя о сильномъ вліяніи, проникавшемъ въ Византію съ востока. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, какъ много заботился царь Теофилъ о придворномъ этикетѣ, какъ по его имени назывался знаменитый тронъ, на которомъ возсѣдали цари Х вѣка при торжественныхъ приемахъ иностранцевъ. Есть основаніе думать, что постройки времени Теофила и нововведенія въ придворномъ церемоніалѣ произведены не безъ вліянія патриарха Іоанна, который вывезъ изъ Багдада разнообразныя наблюденія, и о постройкахъ котораго, поражавшихъ современниковъ, сохранилась память въ X столѣтіи.

О сношеніяхъ Іоанна съ востокомъ несомнѣнно ходили сказанія, что можно заключать изъ извѣстія того же писателя, изъ котораго мы заимствовали приведенное мѣсто. Нѣсколько ниже <sup>1)</sup> онъ возвращается къ тому же самому предмету, говоря о бѣгствѣ Мануила на востокъ и о принятыхъ Теофиломъ мѣрахъ къ примиренію съ нимъ. Это примиреніе состоялось при посредствѣ Іоанна, когда онъ заключилъ договоръ съ калифомъ; по другимъ же слухамъ, Іоаннъ устроилъ это не чрезъ торжественное посольство, а въ другое время, тайно

<sup>1)</sup> Ibid. III., с. 26 (р. 119): ὅθεν οἱ μὲν εἰρηνικὰς σκοπὰς διὰ τοῦ μοναχοῦ ποιῆσαι τοῦτόν φασι Ἰωάννου, πρὸς καιρὸν τοῦ κατὰ τὰς φυλακὰς διαλλαγίου... εἰ δὲ δι' αὐτοῦ μὲν τοῦ Ἰωάννου, οὐ μὲν οὕτως διὰ φανερᾶς ἐνταύθεως καὶ συντυχίας, κρυπτῆς δὲ καὶ ἀδήλου πολλοῖς...



переодѣвшись пилигримомъ и отправившись на востокъ вмѣстѣ съ грузинскими монахами. Для насъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что самый важный представитель втораго періода иконоборчества лѣтописнымъ преданіемъ поставленъ въ такую близость съ востокомъ и является проводникомъ восточной культуры въ Византіи. Думаемъ, что будутъ не бесплодны поиски въ литературѣ иконоборческаго періода и другихъ указаній. Живнеописатель патріарха Никифора, говоря о заслугахъ святаго въ пользу православія, выводитъ его на брань противъ іудеевъ, фригійцевъ и послѣдователей Манеса <sup>1)</sup>, усматривая въ этихъ именахъ устои и корни иконоборчества. Передавая затѣмъ бесѣду патріарха съ царемъ, онъ употребляетъ выраженіе <sup>2)</sup>, изъ котораго явствуетъ, что поклоненіе иконамъ разсматривалось, какъ порожденіе еллинскаго заблужденія. Для существа дѣла безразлично, имѣетъ ли слово „еллинскій“ въ приведенномъ мѣстѣ общее значеніе всего дохристіанскаго, языческаго, или же болѣе тѣсный, этнографическій смыслъ. Во всякомъ случаѣ противоположность принциповъ православія и иконоборчества можетъ становиться осязательной: одно начало—западное европейское, другое—восточное азіатское. Иконоборческая эпоха представляетъ эпизодъ культурной борьбы между западомъ и востокомъ. Побѣдой надъ иконоборчествомъ приобрѣтали значеніе европейскіе этнографическіе элементы, которымъ открылась широкая политическая роль уже въ исходѣ IX вѣка.

Въ жизни патріарха Меѳодія представляются наблюдению два ряда явленій: одни касаются его отношеній къ Риму и къ главѣ католической церкви, другія знакомятъ съ испытаніями, вышавшими на его долю въ Константинополѣ, съ церковной и политической дѣятельностью его въ періодъ утвержденія православія. Какъ искренній приверженецъ православія, бывъ избранъ въ патріархи національною греческою партіею, душой которой было духовенство, Меѳодій, казалось, имѣлъ достаточныя средства къ прекращенію церковной смуты и къ успокоенію умовъ. Между тѣмъ четырехлѣтній періодъ его патріаршества не прошелъ безъ новыхъ соблазновъ, и при томъ раздвоеніе произошло среди самой господствующей партіи, именно часть духовенства стала высказывать неудовольствія противъ патріарха. Что

<sup>1)</sup> *Migne, Patrologia*, t. 100., c. 26: βάλλει μὲν τὴν Ἰουδαϊκὴν κυριοκτονίαν, βάλλει δὲ καὶ τὴν τῶν Φρυγῶν τερατώδη ἑρεσολίαν, τιτρώσκει δὲ τὴν Μανιχαϊκὴν ἀνείρωξιν.

<sup>2)</sup> *Ibid.* c. 42: οἱ μὲν γάρ, καίτοιγε ἀπόκόν τι οἰόμενοι τὰς εἰκόνας χρῆμα καὶ Ἑλληνικῆς ἔχρονον πλάνης.

Меоодій не осуществилъ возлагаемыхъ на него упованій, это видимъ изъ довольно натянутыхъ его отношеній къ монахамъ Студійскаго монастыря, которые безспорно стояли во главѣ національной греческой партіи и имѣли громадное вліяніе въ Константинополѣ и провинціяхъ. Создавшіися во время его патриаршества отношенія заключали въ себѣ такъ много жизненной силы и обуславливались такими важными интересами, что историки съ основаніемъ усматриваютъ въ нихъ начало двухъ политическихъ партій, дѣйствовавшихъ во второй половинѣ IX вѣка и названныхъ по имени Игнатія и Фотія.

Наблюдая различныя эпохи византійской исторіи, въ особенности разсматривая такіе критическіе моменты, когда ставился вопросъ о существованіи тысячелѣтней имперіи, мы приходимъ къ заключенію, что за выдѣленіемъ болѣе или менѣе случайныхъ чертъ, соответствующихъ различнымъ эпохамъ и потому замѣчливыхъ, въ Византіи въ дѣйствительности имѣютъ жизненное значеніе двѣ политическія партіи: западническая и національная. По тѣсной связи политическихъ вопросовъ съ церковными, политическая борьба въ Византіи находитъ себѣ выраженіе въ церковной политикѣ, въ свою очередь чисто церковные вопросы пріобрѣтаютъ острый характеръ, становясь символомъ политическихъ партій. Подъ всѣми разнообразіями партій усматривается одна устойчивая и положительная черта: борьба національнаго начала съ чуждымъ, принесеннымъ съ запада. Византійскій націонализмъ представляетъ въ себѣ много оттѣнковъ и разнообразныхъ наростовъ. Были періоды, когда во главѣ народной партіи стояли восточные элементы; получала преобладаніе греческая партія, націонализмъ выражался въ эллинскихъ тенденціяхъ. Въ исторіи національной партіи было много оттѣнковъ, объясняемыхъ изъ этнографическихъ особенностей, вошедшихъ въ составъ имперіи; извѣстную долю въ исторіи національной партіи нужно отнести и на счетъ славянства. Гораздо, конечно, проще происхожденіе и характеръ противоположнаго первому политическаго направленія, которое можно вообще охарактеризовать какъ западническое. Это направленіе легче обнаружить и осязательно убѣдиться въ существованіи его. Преобладаніе его знаменуетъ крайній упадокъ византизма, утрату надежды на собственные средства и силы. Но его не такъ часто можно наблюдать въ чистомъ видѣ. Западническое направленіе нерѣдко принимаютъ на себя разныя оттѣнки и разновидности національной партіи,—это обнаруживается особенно ярко въ иконоборческую эпоху и въ періодъ борьбы партій Игнатія и Фотія.

Попробуемъ разсмотрѣть положеніе византійскихъ политическихъ направленій съ указанной точки зрѣнія въ періодъ жизни патріарха Меѳодія. Извѣстно, что онъ былъ по происхожденію сициліецъ. Живныя связи и духовное общеніе Сициліи съ Константинополемъ въ VIII и IX вв. свидѣтельствуются какъ участіемъ сицилійскаго духовенства на VII вселенскомъ соборѣ, такъ и важной ролью, какую сицилійскіе греки играли въ исторіи Византіи въ IX вѣкѣ. Меѳодій стоитъ на рубежѣ той поворотной эпохи, которая породила разрывъ между восточной и западной церковью. При Меѳодіи Римъ и Константинополь были еще въ единеніи вѣри, въ то время былъ еще живой обмѣнъ святинь между западомъ и востокомъ, догматическихъ различій еще не народилось, въ политикѣ питаемы были благочестивыя надежды на братское согласіе и устраненіе недоразумѣній между двумя имперіями. Сильная волна греческихъ переселеній со времени иконоборческихъ эдиктовъ закрѣпила за Византіей южную Италію и Сицилію, утвердивъ въ этихъ областяхъ греческій языкъ и греческій обрядъ.

Въ періодъ иконоборческихъ смуть обѣ враждующія партіи нерѣдко обращались въ Римъ для разрѣшенія догматическихъ и обрядовыхъ споровъ. Нужно признать за достовѣрный фактъ, что иконоборческое движеніе сильно способствовало росту римскихъ притязаній. Во время борьбы за иконопочитаніе одинаково льстили римскому первосвященнику и православная и иконоборческая партіи: и консервативная національная, и либеральная національная партіи—обѣ не задумывались въ выборѣ средствъ, какими можно было получить преобладаніе. Строго консервативный умъ и представитель національной партіи игуменъ Феодоръ Студитъ ищетъ въ Римѣ высшаго авторитета въ спорахъ своихъ съ патріархами Константинополя; иконоборческіе императоры съ своей стороны желаютъ найти въ Римѣ и въ церкви западной подтвержденіе своихъ нововведеній. Но должна была наступить пора, когда обращенія къ западу будутъ считаться измѣной національности.

Рядъ извѣстій изъ жизни патріарха Меѳодія, ставящихъ его въ сношенія съ Римомъ, заслуживаетъ вниманія не только въ его біографіи, но и съ точки зрѣнія церковной исторіи IX вѣка.

Прибывъ въ Константинополь, онъ вступилъ въ монашество и подвизался въ обители Хицолакка до 814 года,—эпохи, когда, съ восшествіемъ на престолъ Льва V, въ Константинополѣ снова началось иконоборческое движеніе. Левъ Варда, армянскаго происхожде-

вія, задумавъ отри́ну постановленій VII вселенскаго собора о почитаніи иконъ, столько же является выразителемъ извѣстной части общественнаго мнѣнія, сколько проводникомъ собственныхъ политическихъ и національныхъ воззрѣній. Его занимала, повидимому, та мысль, что иконоборческая эпоха была гораздо счастливѣе для Византіи, чѣмъ послѣдующее за утвержденіемъ православія время; онъ указывалъ на то обстоятельство, что Левъ Исавръ и Константинъ Копронимъ были счастливы въ войнахъ съ варварами и язычниками, между тѣмъ какъ иконопочитатели терпѣли отъ нихъ пораженія и что, вѣроатно, почитаніе иконъ есть преступленіе, за которое христіане терпятъ отъ язычниковъ. По всей вѣроятности, не было недостатка въ людяхъ, которые раздѣляли его воззрѣнія. Левъ V приступилъ къ иконоборческой реформѣ со всей осторожностью и предусмотрительностью. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на одного ученаго чтеца, грамматика Іоанна, которому поручилъ сдѣлать разборъ мѣстъ изъ священнаго писанія и отцовъ, говорящихъ о почитаніи иконъ, и представить записку о тѣхъ основаніяхъ, которыми руководились отцы VII вселенскаго собора въ своихъ опредѣленіяхъ. Грамматикъ Іоаннъ, при содѣйствіи Антонія, впоследствии епископа Силейскаго, со всей ревностью приступилъ къ дѣлу, получивъ доступъ въ царскую и монастырскія библіотеки. Не желая прежде времени обращать вниманіе на дѣль своихъ запятій, они отвѣчали на вопросы любопытствующихъ, что царь поручилъ имъ разобратъ по старымъ книгамъ одинъ интересующій его вопросъ. Около шести мѣсяцевъ они работали тайно, только въ декабрь 814 года патріархъ Никифоръ, появивъ намѣренія Льва V, началъ тревожиться и принимать свои мѣры противъ задуманной царемъ реформы. Личныя объясненія царя и патріарха не привели къ соглашенію; тогда Никифоръ собираетъ помѣстный соборъ изъ 270 отцовъ и приглашаетъ на него къ отвѣту сторонниковъ царя и тѣхъ богослововъ, которые поддерживали его въ противно-церковныхъ реформахъ. Съ своей стороны Левъ V предлагалъ составить смѣшанный соборъ изъ сторонниковъ того и другаго воззрѣнія, но патріархъ находилъ неумѣстнымъ подвергать обсужденію вопросы, рѣшенныя на VII вселенскомъ соборѣ. Обычныя церемоніи, совершаемыя въ праздникъ Рождества Христова 814 года, прошли съ соблюденіемъ установленныхъ церковью обрядовъ; но съ началомъ 815 года Левъ V не скрывалъ уже болѣе своихъ плановъ. Собранія приверженцевъ православія и иконоборческой партіи начали обращать на себя вниманіе, нельзя стало болѣе скрывать разрыва

между царемъ и патриархомъ. Съ одной стороны стоявшія въ Константинополѣ войска начали публично оскорблять священныя изображения, съ другой—приверженцы иконопочитанія дѣлали шумныя починны сходки, дѣло грозило волненіями. Царь приглашаетъ патриарха для переговоровъ, послѣдній явился въ сопровожденіи епископовъ, игуменцовъ и монаховъ. Въ бесѣдѣ съ царемъ патриархъ пытался убѣдить его отиѣнить принятія намѣренія, ссылаясь на множество духовенства, которое готово всѣмъ пожертвовать ради святыхъ иконъ. Тогда царь согласился выпустить во дворецъ сопровождавшее патриарха духовенство. Въ числѣ прибывшихъ былъ и Теодоръ Студитъ. Этотъ рѣзко указалъ, что вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла не оправдывается законами церкви, что царь обязанъ одинаково со всѣми сынами церкви послушаніемъ духовному главѣ ея. Смѣлый монахъ заслуживалъ бы казни за дерзкія слова, сказалъ царь, но этой чести пока ему не будетъ дано. Упорная борьба началась тогда между защитниками церковной свободы и приверженцами императора. Полиція начала разгонять собранія и обявлять подпиской не принимать участія въ обсужденіи религіозныхъ вопросовъ. Теодоръ Студитъ разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ церкви, въ которомъ высказывалъ мысль, что молчаніе и уклончивость въ сферѣ церковныхъ дѣлъ есть измѣна церкви и православію.

Въ мартѣ 815 года собранъ былъ соборъ иконоборцевъ, на которомъ низложенъ патриархъ Никифоръ и восстановлены опредѣленія 754 года. Придерживавшіеся святыхъ иконъ подверглись лишенію церковныхъ мѣстъ и ссылокъ. Многие заблаговременно бѣжали изъ Константинополя; между послѣдними былъ и монахъ Меѳодій. Къ этому времени относится начало его общественной дѣятельности, и между прочимъ, миссія его въ Римъ.

Урослѣдить обстоятельства жизни Меѳодія не легко, главнымъ образомъ потому, что мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ближайшихъ ко времени его дѣятельности. Написанная современникомъ его Григоріемъ, архіепископомъ сицилійскимъ, біографія утрачена безслѣдно, и о ней сохранилось лишь воспоминаніе <sup>1)</sup>. Помѣщенная въ Acta SS. біографія <sup>2)</sup> Меѳодія носитъ уже признаки поздняго про-

<sup>1)</sup> *Migne, Patrologia Graeca*, t. 140, p. 282: Ἰστέον ὅτι κατὰ φησὶ Γρηγόριος ἀρχιεπίσκοπος Σικελίας, ὁ τὸν βίον τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μεθοδίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως συγγραψάμενος.

<sup>2)</sup> *Acta Sanctorum*, Iunii t. II, p. 960.

исхожденія и внушена чувствами благоговѣйнаго уваженія къ памяти великаго подвижника за православіе. Благочестивая легенда въ этой біографіи не отдѣлена отъ исторической дѣйствительности, и мученическіе подвиги выступаютъ на первый планъ. Вскорѣ послѣ низверженія патріарха Никифора, православная партія пыталась подѣйствовать на иконоборческаго императора посредствомъ римскаго папы. Меѳодій посланъ былъ съ этой цѣлью въ Римъ, чтобы вызвать вмѣшательство папы въ церковныя дѣла Византіи. Патріархъ Никифоръ является здѣсь, какъ, впрочемъ, и вся православная партія, не исключая Теодора Студита, ревностнымъ защитникомъ первенства папы и ищетъ въ его авторитетѣ оправданія суровыхъ церковныхъ мѣръ прогнвъ иконоборцевъ. Съ ними, говоритъ онъ, нельзя входить въ общеніе даже и въ томъ случаѣ, если они обнаружатъ раскаяніе. Ибо раскаяніе ихъ не искренно; подобно манахиимъ, они берутъ клятву со своихъ приверженцевъ—отрицаться отъ своихъ вѣрованій въ случаѣ допроса, а потомъ снова исповѣдуютъ ихъ. Что они отлучены отъ церкви, это свидѣтельствуетъ недавно присланное письмо отъ святѣйшаго архіерея древняго Рима, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что апокрисиаріи римскіе не хотѣли съ ними входить въ общеніе, не хотѣли видѣть ихъ и говорить съ ними<sup>1)</sup>.

Объ этомъ посольствѣ Меѳодія въ Римъ сохранились упоминанія какъ въ латинскихъ, такъ и въ греческихъ источникахъ. Между прочимъ, такое упоминаніе находимъ въ письмѣ папы Николая I къ царю Михаилу III въ 865 году, въ которомъ папа примѣромъ Меѳодія доказываетъ практику греческой церкви обращаться въ Римъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и находить тамъ помощь и поддержку<sup>2)</sup>. Посольство это имѣло мѣсто при папѣ Паскаліи, при чемъ Меѳодій<sup>3)</sup>, какъ увидимъ, выхлопоталъ въ Римѣ документъ, который вызвалъ противъ него въ Константинополѣ гоненія и неоднократныя

<sup>1)</sup> *Spicil. Roman.* X, p. 152, c. 12 (обличительныя главы патріарха Никифора).

<sup>2)</sup> *Migne, Patrologia latina*, t. 119, p. 946: Et rursus, quasi non et venerandae memoriae Methodius in Graecia persecutione fervente, hic apud beatum Petrum et apud nos ubi—plurimi—consecuti sint requiem. Et quasi non hinc auctoritatem praedicandi sumpserit, nec hic infulis sacerdotalibus dilatus exstiterit, ad extremum quasi non hinc constantiam Petri et omnia Pauli ad debellandos Iconomachos arma portaverit.

<sup>3)</sup> *Pitra* II, 362; pro emio enim nostro reservatur S. Paschalis epistola, quae—nectitur cum publica legatione, qua S. Nicephori nomina, ad apostolicam sedem egregie et impavide Methodius functus est.

мученія; въ жиянеописаніи Меѳодія этотъ документъ названъ τὸν διωγτικὸν ἤτοι βροὶ ὀρθοδοξίας. Въ легендѣ, относящейся ко времени патріаршества Меѳодія, между прочимъ разказывается, что противъ него икопоборцами сплетена была интрига, поворящая честь патріарха. Дабы оправдаться противъ обвиненія, Меѳодій разказалъ на соборѣ случай, имѣвшій мѣсто въ Римѣ, когда онъ былъ въ храмѣ св. Петра.

Во всякомъ случаѣ миссія его въ Римъ, по порученію патріарха Никифора, не подлежитъ сомнѣнію. Когда онъ возвратился въ Константинополь и представилъ преемнику Льва Армянина соборное мнѣніе римской церкви о православіи, это навлекло на него негодование царя и было для него причиною крайнихъ бѣдствій: онъ подвергся тѣлесному наказанію и заключенъ въ темницу, гдѣ и содержался до смерти Михаила II.

Весьма любопытно, что Меѳодій представляется съ точки зрѣнія правительственной партіи не столько еретикомъ, сколько политическимъ преступникомъ, виновникомъ смуты и скайда. Этотъ характеръ политической неблагонадежности удерживается за нимъ въ царствованіе Теофила, который принялъ особенныя мѣры, чтобы держать Меѳодія постоянно на глазахъ и лишить его сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Нѣкоторые свѣтъ на эту сторону дѣла бросаютъ внутреннія обстоятельства времени Михаила II. Сохранилось письмо его къ императору Людовику Благочестивому, представляющее большой интересъ для занимающаго насъ вопроса <sup>1)</sup>. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, разказывается о самозванцѣ Θомѣ, который во время императрицы Ирины бѣжалъ изъ Константинополя къ персамъ, избѣгая наказанія за преступленіе. Здѣсь онъ отрекся отъ христіанской вѣры и получилъ большое вліяніе у невѣрныхъ. Съ теченіемъ времени онъ распустилъ слухъ, что его настоящее имя есть Константинъ и что онъ сынъ царицы Ирины, избѣгшій ослѣпленія и спасшійся невредимымъ отъ козней своей матери. Вслѣдствіе чего къ нему примкнули многіе изъ тамошнихъ жителей, и онъ началъ производить разбойническія нападенія на сосѣдей, однихъ привлекая къ себѣ силою, другихъ—раздачей денегъ, иныхъ—объщаніемъ почестей и должностей. Имѣя подъ рукой преданныхъ ему персовъ, агарявъ, армянъ, авазговъ и другихъ, во время царствованія Льва Армянина онъ началъ военныя дѣйствія и захватилъ всю Арменію, Халдею на Кавказѣ и Арменіаку. При та-

<sup>1)</sup> *Baronii, Ann. Ecclesiastici, XIV, 62.*

комъ положеніи дѣлъ царь Левъ былъ убитъ заговорщиками и возведенъ на престолъ Михаилъ II. Послѣдній долженъ былъ бороться съ крайними затрудненіями, вызванными возмущеніемъ Θомы, такъ какъ значительная часть имперіи раздѣлила вѣру въ самозванца, признавая въ немъ сына Ирины <sup>1)</sup>. Самозванецъ же искусно воспользовался шатаніемъ умовъ, продолжалъ увеличивать число своихъ приверженцевъ и, захвативъ царскій флотъ, переправился на европейскій берегъ во Θракію и Македонію. Такимъ образомъ силы бунтовщика осадили столицу и лишили ее сношеній съ провинціями въ мѣсяцѣ декабря 15 идикта (822). Не смотря на незначительность силъ, бывшихъ въ распоряженіи Михаила, онъ пытался прорвать образованное вокругъ Константинополя кольцо, но какъ Θома нашелъ сильную поддержку въ славянскихъ народахъ Θракіи, Македоніи и Солуни, то съ успѣхомъ продолжалъ наступленіе и осаду Константинополя въ теченіе дѣлаго года <sup>2)</sup>. Наконецъ, императоръ рѣшился напасть на лагерь самозванца, расположенный въ тридцати миляхъ отъ столицы, и нанесъ Ѳмѣ пораженіе, при чемъ часть его приверженцевъ разбѣжалась, часть спаслась по городамъ. Пять мѣсяцевъ послѣ того Θома упорно держался противъ царскихъ воеводъ, наконецъ, захваченъ былъ въ одномъ городѣ со всѣми своими приверженцами, попался въ плѣнъ и подвергся казни. Два его сына потерпѣли ту же участь. Такъ потушено было возмущеніе Θомы, которое поддерживаемо было столько же политическими, какъ религіозными и національными мотивами,— въ чемъ и заключается главный его интересъ. Царь Михаилъ не имѣлъ основанія выяснять указанные мотивы движенія, хотя письмо его позволяетъ дѣлать о нихъ догадки <sup>3)</sup>. За изложеніемъ дѣла Ѳомы въ письмѣ слѣдуетъ главная часть, объясняющая посольство. Это посольство возложено было на протоспаварія и стратига Ѳеодора, митрополита Мирликійскаго Ни-

<sup>1)</sup> *Invenimus christianos divisos et discordantes, et ut verius dicamus, plurimos invenimus illius impii Tyranni errorem et impietatem sequentes et ob hoc non potuimus facile illos fideles nostros christianos ad hoc adunare, ut eum expugnare valuisssemus.*

<sup>2)</sup> *Sed cum ille hostium validam manum habuisset, non solum de his, quos supra memoravimus, sed etiam de Asiae et Europae partibus, Thraciae, Macedoniae, Thessalonicae et circumjacentibus Sclavinis, haec causa prolongavit obsidionem nostram; haec autem obsidio modo propior, modo longior, usque ad unius anni spatium perseveravit.*

<sup>3)</sup> *Glorificantes et magnificantes propugnatorem nostrum Dominum, qui ad unitatem fidei coadunare populum suum dignatus est.*



киту, архієпископа Венеціи Фортуната, діакона и эконома Софійской церкви въ Константинополѣ Теодора и кандидата Льва. Многіе изъ церковныхъ людей и мірянъ, говорится далѣе, отверглись апостольскихъ преданій и отеческихъ постановленій, сдѣлались виновниками злыхъ новшествъ: изгнали честныя и животворящіе кресты изъ святыхъ храмовъ и на мѣсто ихъ поставили иконы съ возженными передъ ними свѣчами и стали оказывать имъ такое же поклоненіе, какъ честному и животворящему древу, пѣніемъ псалмовъ и молитвами просили отъ иконъ помощи, многіе возлагали на эти иконы полотенца и дѣлали изъ иконъ воспреемниковъ своихъ дѣтей при святомъ крещеніи. Желая приять монашескій чинъ, многіе предпочитали отдавать свои волосы не духовнымъ лицамъ, какъ это было въ обычаѣ, а складывать при иконахъ. Нѣкоторые изъ священниковъ и клириковъ скоблятъ краски съ иконъ, смѣшиваютъ ихъ съ причащеніемъ и даютъ эту смѣсь желающимъ вмѣсто причащенія. Другіе возлагали тѣло Христово на образа и отсюда приобщались святыхъ тайнъ. Нѣкоторые, презрѣвъ храмы Божіи, устраивали въ частныхъ домахъ алтари изъ икопъ и на нихъ совершали священныя таинства, и многое другое неповолятельное и противное нашей вѣрѣ допускали въ церквахъ. Чтобы устранить эти заблужденія, православные императоры составили помѣстный соборъ, на которомъ опредѣлено было снять иконы съ низкихъ мѣстъ въ храмахъ и оставить тѣ, которыя были на высокихъ мѣстахъ, дабы невѣжественные и слабыя люди не воздавали имъ божескаго поклоненія и не зажигали передъ ними свѣчей. Это постановленіе мы доселѣ соблюдаемъ, отлучая отъ церкви тѣхъ, которые оказываютъ приверженность къ подобнымъ новшествамъ. Есть, кромѣ того, такіе, которые, не признавая помѣстныхъ соборовъ, бѣжали изъ нашей имперіи въ Римъ и тамъ распространяютъ поношеніе и клевету на церковь; оставляя безъ вниманія ихъ гнусныя извѣты и богохульства, извѣщаемъ васъ, что мы исповѣдуемъ и нерушимо держимъ въ сердцѣ символъ святыхъ и вселенскихъ шести соборовъ, соблюдаемый всѣми православными христіанами. Въ заключеніе, извѣщая о дарахъ предназначенныхъ для римскаго папы, царь Михаилъ проситъ Людовика дать посламъ свободный пропускъ въ Италію и содѣйствовать къ удовлетворенію желаній византійскаго царя, чтобы были изгнаны изъ Рима находящіеся тамъ измѣнники христіанской вѣры <sup>1)</sup>. Приведенное письмо свидѣтельствуесть о двухъ

<sup>1)</sup> *Jubentes (то-есть, папѣ) ut si amodo manifesti fuerint quidam seductores pseudochristiani, Ecclesiae calumniatores, illinc eos expellere.*

важныхъ фактахъ, касающихся борьбы православной и иконоборческой партіи въ Константинополѣ: а) что эта борьба выражалась въ политической смутѣ, направляемой самозванцемъ Θомой; б) что православные искали поддержки въ Римѣ противъ иконоборческихъ царей и усиливали тѣмъ притязанія римской церкви на главенство въ церкви. Нѣтъ сомнѣній, что въ числѣ тѣхъ святелей крामолы и иконоборителей злыхъ новшествъ, о которыхъ говоритъ письмо Михаила II, нужно разумѣть и нашего Меодія, обѣжавшаго послѣ низверженія патріарха Никифора въ Римѣ и пытавшагося возбудить внимательство папы въ церковныя дѣла Византіи.

Разказанныя въ письмѣ Михаила обстоятельства имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи иконоборческаго движенія. Уже независимо отъ всего прочаго, любопытно то, что царь Михаилъ почелъ нужнымъ изложить со всѣми необходимыми подробностями дѣло, по-видимому, мало относящееся къ цѣли посольства къ западному императору и не стоящее въ связи съ церковнымъ вопросомъ, о которомъ главнѣйше должна была идти рѣчь въ сношеніяхъ съ императоромъ и съ папой. По всей вѣроятности, возмущеніе Θомы затрогивало и церковный вопросъ, но царь Михаилъ не нашелъ удобнымъ говорить объ этомъ съ надлежащей откровенностью, ограничившись приведеннымъ нами въ своемъ мѣстѣ намекомъ.

Понятна поэтому важность задачи при помощи византійскихъ памятниковъ раскрыть мотивы въ движеніи самозванца Θомы. Оставляя въ сторонѣ разказъ Амартола, какъ весьма блѣдный фактическими чертами и не могущій идти въ сравненіе даже съ официальнымъ письмомъ Михаила, обращаемся къ тому писателю X вѣка, свидѣтельства котораго о первой половинѣ IX вѣка мы оцѣнили раньше, при изложеніи литературы, касающейся утверженія православія. Въ самомъ дѣлѣ, Генесій<sup>1)</sup> и здѣсь оказывается основнымъ писателемъ, которымъ главнѣйше воспользовались другіе. Сравнивая его изложеніе съ исторіей продолжателя Теофана, нельзя не приходять къ заключенію, что послѣдній черпалъ полной рукой изъ хроникъ Генесія. Но и Генесій писалъ о возмущеніи Θомы больше по устному преданію, чѣмъ основываясь на письменныхъ изложеніяхъ. До него дошло объ этомъ нѣсколько преданій. По одному—Θома и Михаилъ давно уже питали взаимное нерасположеніе, съ тѣхъ поръ какъ Михаилъ былъ стратигомъ Анатолійской темы, а Θома или былъ подчинен-

<sup>1)</sup> Ed. Bonn. lib. II, p. 32 seq...

нымъ ему офицеромъ, или же занималъ низшій военный чинъ. Согласно этому преданію, Оома, хотя и происходившій изъ скинскаго племени, ко времени вступленія Михаила на царство, пользовался на востокѣ большою популярностію и началъ противъ царя возмущеніе, заручившись расположеніемъ войска. Онъ скоро нашелъ средство привлечь на свою сторону и симпатіи восточнаго населенія, возбуждвъ въ немъ надежды на улучшеніе экономическаго его положенія. Объ этой мѣрѣ Оомы Генесій выражается слѣдующимъ образомъ: „задержавъ всѣхъ сборщиковъ казенныхъ податей, онъ формально отмѣнилъ закономъ установленные сборы, и раздачей народу денегъ приготовилъ противъ Михаила значительную военную силу“. По другому преданію, которое писателю кажется вѣроятнѣйшимъ, <sup>1)</sup> Оома происходилъ изъ незнатнаго рода и, прибывъ въ Константинополь для пріисканія средствъ къ жизни, вступилъ на службу къ одному патрицію, именемъ Вардану, и скоро, заподозрѣнный въ связи съ его женою, долженъ былъ бѣжать изъ Константинополя. Нашедши убѣжище въ сарацинской землѣ, Оома переходитъ въ магометанство и начинаетъ дѣлать набѣги на греческія земли съ помощью сарацинъ.

Такова традиція, записанная у Генесія. Несомнѣнно, здѣсь видимъ два преданія, которыя въ своей основѣ не могутъ быть примирены. Продолжатель Теофана <sup>2)</sup>, приступая къ изложенію этой смуты, „наполнившей бѣдствіями вселенную и вооружившей отцовъ противъ дѣтей и братьевъ на братьевъ“, указываетъ тоже два литературныя теченія, въ которыхъ не одинаково передается о судьбѣ самозванца. По одному литературному преданію, къ которому склоняется и самъ писатель <sup>3)</sup>, Оома происходилъ отъ незнатныхъ и бѣдныхъ родителей славянскаго племени, поселенныхъ на востокѣ. Ради отысканія средствъ къ жизни Оома прибылъ въ Константинополь и здѣсь поступилъ на службу къ одному изъ вельможъ, съ женою котораго вступилъ въ связь. Когда узналъ объ этомъ господнякъ его, Оома бѣжалъ на востокъ къ агарянамъ, отрекся отъ христіанской вѣры и сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ имперіи, нападая на границы ея съ толпою приверженцевъ; сила его стала увеличиваться и

<sup>1)</sup> *Genesii*, p. 32: οὗτος οὖν κατασχὼν τοὺς τῶν δημοσίων φόρων πάντας ἀπατητὰς ἐγγράφως τὰς νενομισμένας ἀπεκληροῦτο εἰσπράξεις, ἐξ ὧν διανομὰς ἐν λαοῖς ποιούμενος στρατηγεσίας κατὰ τοῦ Μιχαῆλ ἐγκρατῶς διατίθησεν.

<sup>2)</sup> *Theophanus contin.*. ed. Bonn., p. 50.

<sup>3)</sup> ὁ μὲν οὖν εἰς καὶ πρῶτος λόγος, ᾧ καὶ ἐγὼ κείβομαι ἐξ ἐγγράφων τινῶν ἔχων τὸ βέβαιον. Это тѣ же преданія, которыя мы видѣли у Генесія.

въ ромѣйской имперіи, когда онъ распустилъ слухъ, что онъ царевичъ Константинъ, сынъ Ирины. По другому преданію, Ома былъ при Львѣ V начальникомъ отряда федератовъ, стражи набираемой изъ иноземцевъ; онъ началъ бунтъ противъ Михаила II, мстя ему за убійство своего благодѣтеля Льва. Въ этомъ преданіи уснѣхъ возмущенія Омы объясняется двумя причинами: вопервыхъ, еретическимъ образомъ мыслей царствующаго Михаила II <sup>1)</sup>, вовторыхъ, экономическими и социальными причинами. Именно, Ома облегчилъ повинности, идущія въ казну, и обуздаль своеволие сборщиковъ податей <sup>2)</sup>. Такъ ему удалось поднять востокъ, вооруживъ рабовъ противъ господъ, простыхъ воиновъ противъ своихъ начальниковъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи обстоятельствъ бунта наши источники не представляютъ противорѣчій. Вѣрными царю Михаилу остались только тема Опсикій, благодаря стратигу Катакилъ, и тема Арменіакъ, командуемая Олвіаномъ.

Нельзя не придавать особенной важности социальному мотиву движенія, который подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Михаилъ II, по представленію означенныхъ стратиговъ, счелъ полезнымъ сдѣлать скидку податей спеціально для темъ Опсикій и Арменіакъ <sup>3)</sup>. Объ обширности и хорошей организаціи движенія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то, что Ома вѣнчался императорскимъ вѣнцомъ отъ руки антиохійскаго патріарха Іакова <sup>4)</sup> и озаботился собраніемъ морскихъ силъ и флота, чтобы можно было съ уснѣхомъ дѣйствовать противъ столицы. Къ нему примкнули всѣ инородческіе элементы имперіи, въ которыхъ и была его главная сила. Планъ Омы былъ переправиться на европейскій берегъ, для чего собраны были его главныя силы у Абидоса и тамъ же приготовлены морскія суда. Михаилъ находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что не могъ воспрепятствовать переправѣ Омы, который сдѣлался такимъ образомъ распорядителемъ восточныхъ и западныхъ провинцій, отрѣ-

<sup>1)</sup> *Theoph. cont.*, p. 52. 18: ἐτόγγαγε γάρ πως καὶ ἄλλως ὁ Μιχαὴλ ὑπὸ πάντων μισούμενος, ἅτε δὴ κακῆς μὲν αἰρέσεως μετεσχῆκώς τῆς τῶν Ἀθηγῶνων.

<sup>2)</sup> Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ выраженіе p. 53. 7: τοὺς τοὺς δημοσίους φόρους εἰσπράττοντας εἰς ἑαυτὸν εἰσποιησάμενος καὶ ἐκ μεγάλου φρονος ἐπιδόσεως σπουδᾶσαν ὑφ' ἑαυτὸν ποιεῖν τοὺς πολλούς.

<sup>3)</sup> *Theoph. cont.* p. 54. 3: οἷς καὶ τὴν χάριν ἀπονέμων, ὡς μὴ προδεδωκόσιν αὐτὸν, τὸ εἰς τὸ βασιλικὸν τελοούμενον ταμιεῖον δημόσιον καπνικὸν οὖτω λεγόμενον μιλιαρίσιον ἔν συνεχεῶς ῥηται.

<sup>4)</sup> У Генесія—Іова.

завъ столицу отъ вѣнскихъ сношеній и приступивъ съ осажденными сварадами къ стѣнамъ ея. Всю зиму 821 и 822 года столица была подъ страхомъ нападенія со стороны бунтовщиковъ, какъ объ этомъ говорить письмо царя къ Людовику.

Возстаніе Θомы не получило гибельнаго для Михаила результата лишь вслѣдствіе того, что въ это дѣло вмѣшался болгарскій вождь Мортагонъ. Объ этомъ вмѣшательствѣ совсѣмъ умадчиваетъ Михаилъ въ своемъ письмѣ, византійская же лѣтопись сообщаетъ противорѣчивыя показанія. Георгій Амартолъ <sup>1)</sup> говоритъ, что Михаилъ просилъ у болгаръ помощи противъ Θомы и когда послѣдній узналъ объ этомъ, то посѣвилья пмъ на встрѣчу, панесь имъ поражение и съ значительно ослабленными силами долженъ былъ потомъ защищаться противъ царскихъ войскъ, которыя дѣйствовали въ соглашеніи съ болгарями. Генесій <sup>2)</sup>, свидѣтельство котораго въ другихъ отношеніяхъ отличается фактической достовѣрностью, въ настоящемъ случаѣ передаетъ пѣсколько подозрительную версію, будто Мортагонъ, услыхавъ о событіяхъ въ византійской имперіи, самъ предложилъ царю Михаилу симмахію, но что этотъ отказался отъ союза и тогда Мортагонъ вторгся въ имперскія области и нанесь поражение Θмѣ. Версія невѣроятная уже потому, что при томъ положеніи дѣла, какое рисуеть Генесій, Θома и Мортагонъ были бы союзники, а не враги; при общности интересовъ, они должны бы были совмѣстно дѣйствовать противъ столицы и, безъ сомнѣнія, ввяли бы ее, еслибы и на этотъ разъ Византія не нашла средства разъединить интересы враговъ. Какъ Генесій, такъ и Михаилъ находили оскорбительнымъ для національнаго самолюбія объяснять побѣду надъ Θомой союзомъ съ болгарями,—отсюда умолчанія и невѣрности относительно этого эпизода какъ у Генесія, такъ и продолжателя Θеофана, во многомъ сходнаго съ нимъ <sup>3)</sup>. Ясно, что силы Θомы благовременно были отвлечены отъ столицы и что Михаилъ воспользовался этимъ моментомъ, дабы собрать войско и двинуться на него изъ столицы. Ослабленный дѣлами съ болгарями, Θома заперся въ одной крѣпости, а царь сталъ осаждать его, употребляя выраженія продолжателя Θеофана, не машинами и другими орудіями, дабы не выдать тѣмъ, которые населяють Скиноію, тайны византійскаго военнаго искусства <sup>4)</sup>,

<sup>1)</sup> Ed. *Murali*, p. 698, c. 8.

<sup>2)</sup> Ed. Bonn., p. 41, 17.

<sup>3)</sup> *Contin. Theoph.*, p. 64—65.

<sup>4)</sup> *Theoph. contin.*, p. 68.

но голодомъ и лишеніемъ жизненныхъ средствъ. Когда средства у Оомы истощились и его сподвижники доведены были до крайняго положенія, тогда онъ выданъ былъ царю. Торжествующій побѣдитель хотѣлъ было узнать отъ Оомы, не назоветъ ли онъ кого изъ своихъ приверженцевъ между окружающими царя, и онъ бы могъ назвать многихъ, говоритъ нашъ историкъ, еслибы нѣкто Іоаннъ Эксаудій <sup>1)</sup> не замѣтилъ, что было бы нелѣпо давать вѣру извѣстамъ враговъ противъ друзей. „И этимъ словомъ онъ спасъ многихъ несчастныхъ гражданъ и друзей Оомы отъ казни“. Это признаніе очень важно въ томъ отношеніи, что обнаруживаетъ множество тайныхъ приверженцевъ Оомы въ столицѣ и среди приближенныхъ царя. Нѣтъ сомнѣнія, что мы бы недостаточно оцѣнили причины популярности Оомы, если бы ограничились тѣми фактами, которые отмѣчены лѣтописью. Въ лѣтописи до нѣкоторой степени выяснены мотивы успѣха Оомы, лежавшіе въ его славянскомъ происхожденіи, и это уже весьма важное обстоятельство, которымъ нельзя пренебрегать въ исторіи Византии. Но еще любопытнѣе, что успѣхъ движенія Оомы лежитъ въ томъ, что онъ является орудіемъ православной партіи, задумавшей реагировать противъ иконоборческаго правительства. Религіозный мотивъ, слегка намѣченный въ письмѣ къ Людовику, служилъ объясненіемъ, почему Михаилъ рѣшился наложить возмущеніе Оомы въ письмѣ къ папѣ, которое трактуется о церковной политикѣ вообще.

Въ литературной традиціи о возмущеніи Оомы обращаетъ на себя вниманіе отношеніе лѣтописцевъ къ этому самозванцу. Всѣ сохранившіеся свѣдѣнія исходятъ отъ писателей православной партіи и всѣми писателями руководитъ одно и то же чувство по отношенію къ самозванцу. На это обратилъ вниманіе Гиршъ въ своихъ Византийскихъ этюдахъ <sup>2)</sup>: „замѣчательна, говоритъ онъ, страстность, съ которой составитель лѣтописи высказывается противъ Оомы; принимая во вниманіе, что царь Михаилъ былъ врагъ иконопочитанія и къ тому же узурпаторъ, нельзя понять, почему православный писатель такъ беспощадно бичуетъ противника его“. Едва ли, впрочемъ, умѣстны здѣсь какія бы то ни было недоразумѣнія. Наши свѣдѣнія о возмущеніи Оомы дошли до насъ въ редакціи X вѣка. Представителямъ торжествующаго православія неудобно было особенно останавливаться

<sup>1)</sup> Логоветъ драма, оказавшій большую услугу Михаилу при вступленіи на царство; см. *Genesis* II, p. 30.

<sup>2)</sup> *Hirsch*, *Byzantinische Studien*, S. 24—25.

на томъ обстоятельствѣ, что самозванецъ Тома пытался поднять знамя православія противъ иконоборцевъ, какъ не находили они удобнимъ въ X вѣкѣ ссылаться на попытки православныхъ найти помощь въ Римѣ у папы.

Очень опредѣленные указанія на религіозный мотивъ въ движеніи Тома находимъ въ жизнеописаніи Θεодора Студита <sup>1)</sup>. Послѣ иконоборческаго собора 815 года большинство православныхъ или разсѣялось по постоку, или же искало спасенія въ Италіи. И о Θεодорѣ Студитѣ жизнеописатель сообщаетъ, что онъ жилъ въ монастырѣ Кресцентія на востокѣ до времени возстанія обманщика Тома. Когда же тиранія его захватила Азію, вышло царское повелѣніе, приказывающее ему и патриарху Никифору возвратиться въ Константинополь. Не ради сожалѣнія къ нимъ сдѣлано это распоряженіе, а изъ боязни, чтобы православные не присоединились къ партіи Тома, ибо ходила молва, что онъ принимаетъ святыхъ иконы и поклоняется имъ <sup>2)</sup>.

Приведенное мѣсто не оставляетъ болѣе сомнѣнія, что успѣхъ возмущенія Тома столько же зависѣлъ отъ социальныхъ мотивовъ, возбуждая надежды на болѣе благопріятное экономическое положеніе, сколько отъ религіозныхъ, такъ какъ Тома являлся выразителемъ протеста противъ иконоборческаго направленія. Съ этой точки зрѣнія, самъ по себѣ незначительный эпизодъ вмѣшательства болгарскаго князя во внутреннюю смуту Византіи пріобрѣтаетъ большой историческій интересъ, ибо Мортагонъ своимъ вмѣшательствомъ еще на 20 лѣтъ поддержалъ иконоборческую партію и нанесъ сальное пораженіе ипородческимъ элементамъ имперіи, стремившимся возобладать надъ еллизизмомъ. Словомъ, возстаніе Тома пріобрѣтаетъ важный историческій смыслъ въ судьбахъ славяно-византійскихъ отношеній.

Михаилъ II принималъ рѣшительныя мѣры къ ослабленію иконопочитателей. Преслѣдуемые, какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, искали защиты у другихъ патриарховъ и именно у папы, авторитетъ котораго сильно выдвинутъ въ сочиненіяхъ самаго энор-

<sup>1)</sup> *Macé*, *Nova Patrum Bibliotheca*, VI, с. 61, р. 356; точно также въ жизнеописаніи Николая, архимандрита Студійскаго, *Acta SS. Febr.*, I, р. 538, с. 32: *Enimvero cum populi seductor Thomas in Romanum orbem exegeret, iubente imperatore iterum vel inviti in regiam urbem revertuntur.*

<sup>2)</sup> *ἀλλὰ φόβος τοῦ μὴ προσηύχῃ τινος αὐτῶν τῆ τοῦ Θεοῦ συνπρατρίφ, καθὼς ἄλλοτε τὰς ἑρὰς εἰκόνας ἀποδείκνυσι τε καὶ προσκυνεῖν.*

гичнаго представителя православной партіи того времени, у Оеодора Студита. Онъ неоднократно писалъ и отъ своего имени, и отъ духовенства восточной церкви къ папѣ Пасхалису I, изображая ему въ живыхъ краскахъ изгнаніе патріарха, епископовъ и настоятелей монастырей, боруганіе надъ церквами и преслѣдованіе православныхъ, убѣждая его со всею настойчивостію воспользоваться своимъ апостольскимъ авторитетомъ и торжественно предать проклятію иконоборческій соборъ 814 года <sup>1)</sup>. Чтобы до нѣкоторой степени ослабить вліяніе въ Римѣ иконопочитателей, посаженный Михаиломъ въ патріархи Оеодотъ послалъ къ папѣ своихъ апокрисіаріевъ, но они не были выслушаны. Что же касается преслѣдуемыхъ иконоборческимъ правительствомъ и лицъ отправляемыхъ Оеодоромъ Студитомъ, то имъ предоставленъ былъ монастырь св. Приксиды, и кромѣ того папа ободралъ Оеодора Студита и его приверженцевъ утѣшительнымъ посланіемъ. Въ этомъ видѣлъ Студитъ доказательство, что римскою церковью править дѣйствительный преемникъ князи апостоловъ, и что Богъ не оставитъ безъ своей помощи византійскую церковь. Изъ переписки Студита узнаемъ, между прочимъ, что онъ послалъ въ Римъ преданнаго ему Епифанія, которому вручилъ письмо для монаха Меѳодія. Папа не былъ безучастенъ къ положенію православныхъ и ходатайствовалъ за нихъ предъ византійскимъ правительствомъ. Около 818 года приходили въ Константинополь римскіе послы съ соборнымъ опредѣленіемъ, которое весьма рѣзко затрогивало иконоборцевъ <sup>2)</sup>. Можно думать, что вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ возвратился въ Константинополь и Меѳодій <sup>3)</sup>, гдѣ начался для него рядъ мученическихъ подвиговъ, возвысившихъ его авторитетъ между православными и давшихъ ему, особенно по смерти Оеодора Студита въ 826 году, главенствующее положеніе.—Трудно сказать, жилъ ли Меѳодій съ тѣхъ поръ больше на свободѣ или въ тяжкихъ заключеніяхъ, точно также не легко сосчитать нанесенныя ему тѣлесныя удары. Если принимать во всей силѣ воказаніе жизнеописателя Меѳодія, то сейчасъ же за возвращеніемъ изъ Рима Меѳодій наказанъ

<sup>1)</sup> *Hergenröther*, Photius, I, S. 281. Авторитетъ Студита на востокъ былъ громадный, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка. Въ его проповѣдяхъ есть прекрасное мѣсто, напоминающее Златоуста и Дамаскина, см. *N. PP. Bibl.*, t. IX, p. 274.

<sup>2)</sup> Дату даетъ Гергенрөтеръ (1.282), но въ жизнеописаніи Меѳодія это посольство относится ко времени Михаила.

<sup>3)</sup> *Vita Methodii* (Acta Sanctorum, Junii II., p. 960. τὸν αὐτὸν δογματικὸν ἦτο βροῦς ὀρθοδοξίας παρὰ τοῦ πάπα λαβών.



былъ 700-ми ударовъ и заключенъ въ темницу, въ которой содержался 9 лѣтъ, до амнистіи, послѣдовавшей передъ смертію Михаила II. Изъ этого можно заключать, что Меѳодій жилъ въ Римѣ не меньше 5-ти лѣтъ, что въ 820 году возвратился въ Константинополь и въ 829 году освобожденъ изъ заключенія.

Характеръ преступленія Меѳодія съ точки зрѣнія иконоборческой правительственной партіи заключался не столько въ его религіозномъ иномыслии, сколько въ его сношеніяхъ съ Римомъ; слѣдовательно, Меѳодій при Михаилѣ и сынѣ его Теофилѣ былъ представителемъ партіи, видѣвшей спасеніе церкви во виѣшателствѣ римскаго папы. Это доказываетъ упрекъ, который посылаетъ Меѳодію царь Теофилъ, собравъ воедино всѣ его вины: „Изъ за чрезмѣрнаго честолюбія, ты, Меѳодій, смущаешь добрый порядокъ имперіи <sup>1)</sup>. Ты подстрекнулъ римскаго папу составить извѣстное соборное опредѣленіе и послать его къ моему отцу“.—Въ разсматриваемый періодъ Меѳодій является представителемъ того возрѣнія на римскій престолъ, которое рельефно выразилъ Теодоръ Студитъ въ письмѣ къ ученику своему Навкратію: „римскій престолъ есть высшая апостольская кафедра, намѣстнику которой Христосъ вручилъ ключи вѣры <sup>2)</sup>, которую не одолѣютъ врата адовы“.

Въ царствованіе Теофила иконоборческая партія имѣла во главѣ своей патріарха Іоанна VII Грамматика, въ православной же выдвинулся на первое мѣсто Меѳодій. Повидимому, уже въ это время въ самой православной партіи создаются два направленія, изъ коихъ одно поддерживаемо было учениками и приверженцами Теодора Студита, другое монашествующими лицами сицилійскаго происхожденія. Въ жизнеописаніи Теодора Студита <sup>3)</sup> есть очень опредѣленный намекъ на это. Здѣсь разказывается, какъ начальникъ Сардійской области наказанъ былъ за то, что, увлекшись внушеніями сиракузскихъ монаховъ, пересталъ совершать молитвы по тріоди постной, составленной Теодоромъ Студитомъ. Изъ этого намекъ можно усматривать, что мѣстный студійскій уставъ представлялъ нѣкоторыя отличія противъ того, который поддерживали монахи сицилійскаго происхожденія. Студиты очевидно стояли за старину и тра-

<sup>1)</sup> τὸν κρατοῦντων τῆν εὐνομίαν ταράττων.

<sup>2)</sup> *Heugenhöther*, I, s. 282. Эта же мысль выражена Θ. Студитомъ въ его проповѣди о поклоненіи св. иконамъ, см. *Nova PP. Bibl.*, t. IX, p. 37, κατ'ἕξιν 15.

<sup>3)</sup> *Mat.*, N. P. B., VI, s. 56.

дацию, сицилійцы вводятъ новшества. Правительственной партіи при царѣ Теофилѣ естественно было стремиться къ соглашенію съ болѣе податливымъ и менѣе упорнымъ направленіемъ; Меоодій, самъ человѣкъ образованный и болѣе знакомый съ жизнью, чѣмъ аскеты приверженцы Теодора Студита, могъ облегчить для правительства его трудную задачу въ борьбѣ съ иконопочитаніемъ. Такъ или иначе правительство Теофила относилось къ Меоодию съ извѣстной терпимостью, отличая его отъ другихъ иконопочитателей и предоставивъ ему важныя преимущества. Извѣстно, что при царскомъ дворцѣ, особенно на женской половинѣ, тайные почитатели иконъ были многочисленны: царица Теодора, мать ея, ея братья и дяди—всѣ втайнѣ почитали святыхъ иконы. Жизнеописатель Меоодія и нѣкоторые лѣтописцы <sup>1)</sup> свидѣтельствуютъ, что Меоодию было предоставлено жить въ одной части дворца, что царь часто пользовался совѣтомъ Меоодія по разрѣшенію археологическихъ затрудненій, занимавшихъ его, и что Меоодій пользовался своимъ вліяніемъ, для утвержденія придворныхъ и царской семьи въ благочестивомъ образѣ мыслей. Все это, конечно, справедливо, но довольно односторонне. Нужно взвѣснить и то извѣстіе, что Теофилъ держалъ при себѣ Меоодія изъ боязни, чтобы онъ не соединился съ врагами правительства и не поднялъ возстанія <sup>2)</sup>. Ясно, что была сильная партія, пугавшая правительство, а что эта партія соединялась религіознымъ началомъ, доказываетъ значеніемъ въ ней имени Меоодія.

Если допустить на основаніи изложенныхъ соображеній присутствіе политическаго элемента въ борьбѣ православной и иконоборческой партій, то мы получаемъ въ этомъ ключъ къ объясненію раскола, послѣдовавшаго въ самой православной партіи послѣ возстановленія православія. Лѣтописное преданіе о нестроеніяхъ въ церкви при Меоодіѣ сообщаетъ только одинъ фактъ, заключающійся въ распространеніи злой клеветы, поворащей жизнь и чистоту нравовъ Меоодія. Клевета однако не достигла цѣли, ибо слѣдствіе выискило, что свидѣтели были подкуплены врагами Меоодія и что святой мужъ потерялъ способность тѣлеснаго соединенія съ женщиной еще во время пребыванія своего въ Римѣ. Рядъ другихъ свидѣтельствъ, пе

<sup>1)</sup> *Symeon Mag.*, с. 24.

<sup>2)</sup> *Cont. Theop.*, III, с. 24 (р. 116): τὸν βασιον Μεθοόδιον... μετ' αὐτοῦ ἐπαγόμενος... τινὰς ἐπαναστάσεις φιλαττόμενος παρ' αὐτοῦ παθεῖν διὰ τὸν κατὰ τῶν ἀγίων εἰκότων πόλεμον.

оставившихъ въ лѣтописи никакого слѣда, упоминаеть о другихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ церковный расколъ, и указываетъ ихъ не въ иконоборческой партіи, какъ видимъ въ лѣтописномъ преданіи, а въ нѣдрахъ самого православія. Раздѣлились сами православные: одни были съ патріархомъ Меѳодіемъ, другіе противъ него.

Въ жизнеописаніи святаго Іоаннікія <sup>1)</sup>, вообще представляющемъ много прекраснаго матеріала не въ примѣръ съ другими житіями, находимъ слѣдующія данныя о нестроеніяхъ церковныхъ при Меѳодіѣ <sup>2)</sup>: „Когда Меѳодій, получивъ священный тронъ, утишилъ волненіе и успокоилъ дѣла, поднимается среди православныхъ другая смута и церковь дѣлится снова надвое и образуетъ противоположныя партіи. Одна полагала, что нѣтъ никакого нарушенія благочестія въ томъ, чтобы разсматривать получившихъ священный санъ отъ иконоборцевъ какъ имѣющихъ правильное рукоположеніе; другая же держалась того позрѣнія, что было бы вполне нечестиво и богопротивно и невозможно допускать ихъ къ священнослуженію, какъ получившихъ даръ изъ нечистыхъ рукъ. Въ виду такихъ мнѣній Меѳодій скорбѣлъ, безпокоился въ сердцѣ, припоминая себѣ слова великаго Павла <sup>3)</sup>: „Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, только бы вы стояли съ нами, чтобы вмѣстѣ славить Троицу“. Въ это время боголюбезный Іоаннікій то лично, то посредствомъ писемъ старался привлечь отторгнувшую часть стада и соединить ее съ единымъ Богомъ и съ единымъ добрымъ пастыремъ, а не наемникомъ. Особенно же онъ укрѣплялъ слабѣющую душу Меѳодія, излагая ему въ письмахъ и многое другое, въ частности же убѣждала его не склонять ухо, не сообщаться ни пищею, ни кровлею, не говорить и даже избѣгать встрѣчи съ тѣми, которые разсѣкаютъ единосущное на чуждыя противоположности и вводятъ, увы, неумѣстныя раздѣленія <sup>4)</sup>. Ибо онъ предлагалъ не считать и священникомъ того, кто отвергаетъ священнодѣйствуемаго, и совѣтовалъ Меѳодію имѣть для божественной жертвы

<sup>1)</sup> *Migne, Patrologia Graeca*, t. 116, p. 35, c. 3, 28, 47.

<sup>2)</sup> *Vita S. Ioannicii*, c. 51, 52, 57.

<sup>3)</sup> Къ Римлянамъ IX. 3.

<sup>4)</sup> τὸς τὸ μὲν ὁμοούσιον ἐκφύλους ἀλλοτριότητος τέμνουσι, διαίρεσις δὲ οἱμοί, ἀτόκοις δοξάζουσι. Принадлежитъ это мѣсто въ виду возможности двоякаго пониманія его. Можно видѣть здѣсь и указаніе на богословскую причину раздѣленія (τὸ ὁμοούσιον τέμνουσι), и чуждов, но иѣстное происхожденіе враждебной партіи (ἐκφύλους ἀλλοτριότητος).

тѣхъ, о комъ онъ знаетъ, что они согласны съ нимъ въ православномъ мнѣніи. Когда это письмо дошло по назначенію, божественный Меодій принялъ къ свѣдѣнію написанное. Безчестные людишки выѣнили въ смѣхъ и забаву это дѣло, и распространяли дурную славу про Іоанникія. Онъ же, узнавъ про клевету, съ такой силой опровергъ навѣты ихъ, что принудилъ ихъ не только оставить клевету, но и перемѣнить на лучшее свои мнѣнія и принять то мнѣніе православной вѣры, которое самъ онъ исповѣдовалъ. Такъ побѣжденъ былъ многочисленный тотъ димъ <sup>1)</sup> доблестью одного этого мужа, и цѣлѣе города исправилась мыслию его, въ короткое время покинувъ то, что обдумывали долгіе годы<sup>4</sup>.

Приведенныя мѣста даютъ понять, что Меодію приходилось бороться съ двоякаго рода затрудненіями, изъ коихъ одни касались церковной администраціи, другія—вѣроученія. Что касается вопроса о духовныхъ лицахъ, получившихъ рукоположеніе при иконоборцахъ или хотя бы рукоположенныхъ и православными епископами, по раздѣлявшихъ иконоборческія мнѣнія, церковь имѣла уже на этотъ счетъ практику, которая дѣйствовала издавна и не могла вызывать особенно жаркой борьбы. Согласно этой практикѣ, раскаявшіеся въ заблужденіи и принявшіе постановленія VII вселенскаго собора оставаемы были на прежнихъ мѣстахъ. Никакъ нельзя думать, чтобы этотъ вопросъ произвелъ смуту въ церкви и раздѣленіе <sup>2)</sup>. Жизнеописатель Іоанникія указываетъ, что вопросъ осложнился затрудненіями, вытекающими изъ вѣроученія, и что несогласныхъ съ господствующимъ мнѣніемъ, принятымъ церковью, было безчисленное множество (ὁ μισάνθρωπος δῆμος). Есть еще любопытная черта въ житіи, ведущая къ предположенію, что религиозная смута прекращена была или посредствомъ собора, или публичнаго обличенія <sup>3)</sup> эти послѣднія данныя свидѣтельствуютъ, что затрудненія Меодія были гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда.

Кратковременный періодъ управленія церковью Меодія получаетъ нѣкоторое освѣщеніе изъ письма его къ Іерусалимскому патриарху.

<sup>1)</sup> ὁ πῶς ὁ μισάνθρωπος δῆμος ἐκείνος ἦτοτο.

<sup>2)</sup> Есть русское изслѣдованіе, посвященное изученію церковныхъ смутъ этого времени, принадлежащее пров. А. С. Лебедеву (*Ученія съ Общества любителей духовнаго просвѣщенія*, январь 1877 г.). Авторъ очень основательно назначаетъ исторію партій Фотіевой и Игнатіевой со времени Меодія, но недостаточно объясняетъ ихъ происхожденіе.

<sup>3)</sup> Vita. c. 52: εἰς ἐκτίχου ἀπάντων ὁτὰς, διεξελθὼν οὕτω κατὰφρας αὐτοῦ; εἶλε...

Въ этомъ письмѣ <sup>1)</sup> нужно различать двѣ части. Первая излагаетъ содержаніе грамоты, полученной отъ Іерусалимскаго патріарха на бо-лѣе раннее письмо Меѳодія, написанное послѣ возведенія его въ патріархи. По ней можно заключать, что въ первомъ письмѣ Меѳодія шла рѣчь именно о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которыя во времена господства иконоборства совратились съ пути истины, но потомъ раскаивались, — всѣ эти лица оставлены на своихъ мѣстахъ и приняты въ церковную іерархію. Исключеніе сдѣлано лишь по отношенію къ патріарху Іоанну, который не обнаружилъ раскаянія <sup>2)</sup>. — Вторая часть, изъ которой видимъ, что письмо составлено въ четвертый годъ патріаршества Меѳодія, рисуетъ яркими красками тяжелое его положеніе. Оказывается, что никто изъ тѣхъ лицъ (то-есть, епископовъ и священниковъ, принятыхъ въ общеніе съ православной церковью) не показалъ плодовъ раскаянія, никто не смирился и не устыдился и не удалился отъ святаго мѣста, поругаемаго имъ: они дошли до такого безстыдства, что при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ относятся къ нему свысока, чрезмѣрно гордо осматриваютъ его съ ногъ до головы, бросаютъ ему рѣзкую укоризну. — Эта часть письма имѣетъ интересъ съ точки зрѣнія взаимнаго положенія партій быншей иконоборческой и господствующей православной. Какъ можно видѣть, Меѳодію приходилось болѣть сердцемъ и мучиться не потому, что онъ замѣстилъ вакантныя церковныя должности своими неспособными людьми, а потому, что имѣлъ слабость оставить на мѣстахъ многихъ лицъ изъ иконоборческой партіи.

Но что всего замѣчательнѣе въ исторіи церковныхъ пестроеній при Меѳодіѣ, это упорный протестъ противъ него со стороны монаховъ Студійскаго монастыря. Эта обитель, число братіи которой въ цвѣтущее время доходило до 1.000 человекъ, составляла сама по себѣ весьма внушительную нравственную силу, значеніе которой хорошо понимало даже свѣтское правительство. Въ тѣхъ матеріалахъ, какія напечатаны у Пятры <sup>3)</sup>, мы не имѣемъ данныхъ въ разрѣшенію вопроса о томъ, почему Студійскіе монахи стали противодѣйствовать Меѳодію. Повидимому, недоразумѣнія возникли изъ за того,

<sup>1)</sup> *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta*, II, p. 355—357 (Romae. 1864).

<sup>2)</sup> Здѣсь кончается часть письма, составляющая воспроизведеніе грамоты Іерусалимскаго патріарха, въ свою очередь передающей содержаніе первой грамоты Меѳодія. Раздѣлъ между частями виденъ въ словахъ: ταῦτα ὁρθῶς καὶ λίαν καλῶς.

<sup>3)</sup> *Iuris ecclesiastici Graecorum Historia*, II, p. 361—363.

что студиты не желали подвергнуть отлученію сочиненія, написанныя противъ патріарховъ Тарасія и Никифора, ибо за это Меоодій неоднократно угрожалъ имъ анафемой. Касающіеся смуты въ Студійскомъ монастырѣ матеріалы свидѣтельствуютъ, что противъ студитовъ составленъ былъ Меоодиємъ соборъ, подвергшій ихъ отлученію. Въ завѣщаніи Меоодія <sup>1)</sup> есть статья о студитахъ, которою разрѣшается принимать ихъ въ общеніе съ церковью подъ тѣмъ условіемъ, если они предадутъ анаемѣ написанное противъ Тарасія и Никифора <sup>2)</sup>.

Къ объясненію, наконецъ, тѣхъ мѣстъ жизни Іоанникія, которыя намекаютъ на догматическій элементъ въ смутахъ времени Меоодія, служатъ извѣстія объ еретическомъ ученіи нѣкоего Лизика или Зилика. Главное извѣстіе объ этой ереси находится въ утраченномъ жизнеописаніи Меоодія, составленномъ архіепископомъ Сицилійскимъ Григоріємъ Асвестой, откуда оно заимствовано Никитою Акоминатомъ <sup>3)</sup>. Лизикъ является представителемъ ученія, которое не имѣетъ ничего общаго съ иконоборческимъ и которое не стоитъ въ связи ни со смутой студитовъ, ни съ вопросомъ о духовныхъ лицахъ, посвященныхъ въ иконоборческую эпоху. Современники смотрѣли на его ересь, какъ на манихейство <sup>4)</sup>, и слѣдовательно выводили ее съ востока. Главные пункты ученія Лизика состояли въ слѣдующемъ. Онъ отвергалъ животворящій крестъ, называлъ Господа Іасуса Христа твореніемъ (κτίσμα), не признавалъ Матерь Божію Богородицей, издѣвался надъ таинствомъ евхаристіи. Ересь Лизика, подрывавшая главные основы вѣроученія, безъ сомнѣнія, и была причиной тѣхъ скорбей, которыя испытывалъ Меоодій и о которыхъ говоритъ жизнь Іоанникія, она именно разсѣкала единосущное на чуждыя противоположности. Весьма вѣроятно, что еретическое мнѣніе обсуждаемо было на соборѣ, что Лизикъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и былъ приговоренъ къ особаго рода епитиміи <sup>5)</sup>. — Не можетъ быть сомнѣнія, что упоминаемая у всѣхъ почти писателей X и XI вѣка

<sup>1)</sup> Ibid., p. 362.

<sup>2)</sup> Что касается отищенной въ нашихъ матеріалахъ причины, побудившей Меоодія принять строгія мѣры противъ студитовъ, она до извѣстной степени объясняется прежнимъ положеніемъ Студійскаго монастыря въ спорѣ о бракѣ Константина VI и честию, возданною Меоодиємъ патріарху Никіеору.

<sup>3)</sup> *Migne, Patrologia Graeca*, t. 140, p. 282.

<sup>4)</sup> Ἐ: τὰ Μανιχαίων φρονήσας.

<sup>5)</sup> Ibid.: τοῦτον ὁ ἅγιος Μεθόδιος πείσας μεταθέσθαι πρὸς τὴν ὀρθόδοξον πίστιν,

ересь Зизика не представляет ничего другого, какъ порчу имени <sup>1)</sup>; это слѣдуетъ заключать какъ изъ тождества общественнаго положенія того и другаго еретика, такъ въ особенности изъ дословнаго сходства всѣхъ извѣстій въ той части, которая касается наложенной на еретиковъ епитиміи <sup>2)</sup>. О степени распространенія этой ереси и о значеніи, какое ей приписывали можно составить себѣ понятіе по канону, совершаемому въ первую недѣлю великаго поста и приписываемому Θεодору Студиту. Здѣсь Лизикъ упоминается рядомъ съ главными дѣятелями иконоборческаго періода, Іоанномъ, Автономъ и Θεодотомъ, и имя его вездѣ сопутствуемо анаемой <sup>3)</sup>. Какъ однако объяснить, что у писателей Лизикъ оказывается раскаявшимся, а у составителя канона онъ предается анаемѣ, мы не знаемъ, если не остановиться на той догадкѣ, что канонъ принадлежитъ позднѣйшему времени и что у составителя его былъ подъ руками такой списокъ синодика, въ которомъ значилось и имя Лизика.

Такимъ образомъ, въ церковныхъ смутахъ, начавшихся послѣ возстановленія православія, имѣютъ значеніе весьма разнообразныя элементы: и оставленные на своихъ мѣстахъ епископы и священники иконоборческаго періода, и упорное неподчиненіе церковной дисциплинѣ со стороны Студійскихъ монаховъ и, наконецъ, ересь Лизика. Взятые въ отдѣльности, эти элементы находятъ для себя достаточное объясненіе частію въ исключительныхъ обстоятельствахъ времени, частію въ общемъ религіозномъ развитіи общества. Такъ, ересь Лизика служитъ прологомъ къ церковнымъ волненіямъ XI и XII вѣковъ. Но нельзя не видѣть, что намъ недостаетъ связующихъ звеньевъ между отдѣльными фактами; мы не можемъ схватить общую картину положенія, какая представлялась живнеописателю Іоанникія. Съ его точки зрѣнія, всѣ указанныя элементы участвуютъ въ смутѣ, которая по существу подрываетъ ортодоксію и колеблетъ авторитетъ патріарха Меѳодія. Недаромъ, конечно, авторъ застав-

συνέπεισε δι' αὐτοῦ καὶ τοὺς ἄλλους, καὶ παρασχευάσας ἐν ἐπισήμῳ ἡμέρα (то-есть въ недѣлю православія) θρησκυεύσαι τὴν οἰκίαν αἵρεσιν, χρίσας τε μέριμ ἀγίῳ καὶ λευκοῖς κοσμήσας ἐμφωτισίαις, λαμπάδας κατέχοντας τοῖς ὀρθοδόξοις συνέστησαν.

<sup>1)</sup> *Theoph. Contin.*, IV, с. 42 (р. 161); *Symeon Magister*, р. 654; *Genesisus. Regum lib.* IV, р. 85: ἡ τῶν Ζηλικῶν αἵρεσις ἀνεφάνη σὺν τῷ ἀρχηγῷ αὐτῶν Ζηλικῷ ὄντι τῶν βασιλικῶν ἐν πρώτοις ὑπογραφέων.

<sup>2)</sup> *Baronié, Annales ecclesiastici*, t. XIV, р. 274 (Lucas. 1743). Цвснь I, стихи 5, 6; IV. 6; V. 3; VI. 3; VIII. 2, 6; IX. 6.

ляетъ святаго сказать передъ смертью слѣдующія слова <sup>1)</sup>: „Неподвижно и твердо держитесь православія, не увлекайтесь нечистыми мудрованіями еретиковъ и не воздвизайте хульный языкъ противъ архіерея“. Ясно, что въ занимающей насъ церковной смутѣ подвергалась колебанію вся система, установленная соборомъ 842 года, что борьба велась изъ-за принципа отвергнутаго постановленіями этого собора. Но мы лишены средствъ возстановить въ надлежащей полнотѣ событія по тѣмъ слабымъ намекамъ, которые сохранились въ дошедшихъ до насъ матеріалахъ. Если однако выйти изъ тѣснаго круга, ограниченнаго временемъ патриаршества Меѳодія, и призвать на помощь ближайшіе факты, послѣдовавшіе за его смертію, то мы неизбежно встрѣтимся съ такими элементами борьбы, которые коренятся въ происхожденіи Меѳодія. Почему самымъ первымъ дѣломъ патриарха Игнатія было низверженіе того Григорія Асвесты, которому принадлежитъ утраченная жизнь Меѳодія и который былъ землякомъ умершаго патриарха? Не потому-ли, что консервативные студиты, въ иконоборческую эпоху видѣвшіе спасеніе въ римскомъ епископѣ, съ утвержденіемъ православія стали недовѣрчиво относиться къ Сицилійскому духовенству?—Любопытнѣйшая задача изученія иконоборческой эпохи заключается, по нашему мнѣнію, въ выясненіи племенныхъ началъ, дававшихъ особенный отпечатокъ культурѣ имперіи. Возстановленіемъ православія сводились счеты съ восточнымъ племеннымъ и культурнымъ вторженіемъ. Уже въ IX вѣкѣ, начиная съ царей Македонской династїи и патриарха Фотія, византійская имперія полагаетъ новые устои для своего дальнѣйшаго развитія и находитъ ихъ въ европейскихъ этнографическихъ и культурныхъ элементахъ. Тѣмъ ученымъ, которые въ представителяхъ иконоборческой эпохи видятъ выраженіе прогрессивныхъ и высококультурныхъ началъ, пришлось бы обречь европейскіе этнографическіе элементы на рабство азіатскимъ.

О. Успенскій.

<sup>1)</sup> Migne t. 116 (Vita oannicii), с. 57.